

Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета

**ПЕРВЫЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
КОДЕКСЫ:
К 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ
УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

28 апреля 2023 г.

Санкт-Петербург
2023

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг.: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 28 апреля 2023 г.) / сост. А.Г. Харатишвили. – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. – 148 с.

Сборник сформирован по материалам, представленным на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, проходившей в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета 28 апреля 2023 г. Сборник представляет интерес как для ученых (юристов, социологов, историков), так и для сотрудников правоохранительных органов (практиков).

Обращаем внимание на то, что научные подходы, идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Вступительная статья

28 апреля 2023 г. на базе Санкт-Петербургской академии Следственного комитета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: «Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг.». Необходимо отметить, что с момента своего основания в 2016 г. Санкт-Петербургская академия Следственного комитета неоднократно проводила различные научные мероприятия (конференции, круглые столы), но данная конференция была первым крупным научным форумом, посвященным эпохальным проблемам уголовного судопроизводства.

Обращение к истории развития уголовно-процессуального законодательства, к первым кодификациям представляется весьма актуальным с позиции формирования (генезиса) статуса следователя. Ведь как известно, УПК 1922 г. почти полностью воспроизвел дореволюционную концепцию судебного предварительного следствия, не только «приписав» следователей к судебному ведомству (судебные следователи), но и предполагая судебно-инстанционный порядок обжалования их действий и решений, в то время как УПК 1923 г. обозначил тенденцию отказа от нее. Следователи пока еще оставались при судах, но их действия и решения подлежали уже обжалованию лишь прокурору. Первой стадией уголовного процесса было «возбуждение производства по уголовному делу», по итогам которого орган дознания, следователь, прокурор либо отказывали при отсутствии «признаков преступления» в производстве дознания или предварительного следствия, что могло быть обжаловано в суде, либо приступали к дознанию или предварительному следствию, не вынося каких-либо специальных постановлений. Дознание поначалу имело факультативный характер и не приводило к появлению полноценных доказательств, будучи предназначено для расследования нетяжких преступлений или собирания материалов для следователя, однако в ходе реформ 1920-х гг. все более и более превращалось в полноценную форму расследования, дублируя предварительное следствие. В результате этих реформ в 1928 г. следствие окончательно переходит под надзор прокурора и является таким образом, как бы мы сейчас говорили, «прокурорское следствие».

Первые УПК РСФСР 1922–1923 гг., действовавшие несколько десятилетий, по сути представляли собой связующее звено между Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. и позднейшим советским уголовным процессом образца УПК РСФСР 1960 г. Удивительно, но многие острые дискуссионные проблемы, которые стоят сейчас перед теорией уголовного процесса (как, например, появление стадии возбуждения уголовного дела и ее дальнейшая судьба), были в кодексе 20-х гг. в известной степени предвосхищены, найдя в нем то или иное любопытное отражение.

Таким образом, обращение конференции к данной тематике не является сугубо историческим актом, оно предполагает раскрытие временной и идейной связей в генезисе российского уголовно-процессуального права, начиная с его первых законодательных актов; оно также позволяет глубже понять значение происходивших здесь драматических процессов, осознать место современного

уголовного процесса в мировой и отечественной истории права и, возможно, увидеть перспективы развития российского уголовного судопроизводства.

В работе форума приняли участие такие известные ученые-процессуалисты, как доктор юридических наук, профессор Колоколов Н.А., доктор юридических наук, профессор Гаврилов Б.Я., доктор юридических наук, доцент Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор Семенцов В.А., доктор юридических наук, профессор Гриненко А.В., доктор юридических наук, профессор Деришев Ю.В., доктор юридических наук, доцент Кириллова Н.П., доктор юридических наук, профессор Шадрин В.С., доктор юридических наук, профессор Лазарева В.А., доктор юридических наук, доцент Машовец А.О., доктор юридических наук, профессор Джатиев В.С., а также другие известные ученые.

профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Смирнов А.В.

заведующей кафедрой уголовного процесса
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
кандидат юридических наук, доцент

Харатишвили А.Г.

Адамчик Яна Дмитриевна

аспирант кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета, адвокат Адвокатской палаты
Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье освещается вопрос появления нового основания прекращения уголовного дела в связи с истечением срока производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования. Автор обращает внимание на различие «реабилитирующих» и «нереабилитирующих» оснований в контексте законопроекта о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. На основании анализа основных положений законопроекта выделяются проблемные аспекты применения предлагаемых поправок.*

***Ключевые слова:** прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, сроки давности уголовного преследования*

Нормативно-правовая система государства в каждом историческом периоде отражает уровень развития законодательства, потребности времени, приоритетные практические задачи и эффективность применения правовых принципов. Так, динамика становления отдельных правовых институтов прослеживается через последовательное принятие измененных и дополненных норм. Такие преобразования прослеживаются и в нормативном регулировании оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования. На различных этапах развития уголовно-процессуального законодательства законодатель искал альтернативу уголовному преследованию. В советский период развития уголовного процесса система указанных оснований была сформулирована в ст. 4 и 206 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и сохранилась впоследствии в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г.

Безусловно, по прошествии ста лет перечень оснований дополнялся и изменялся. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. перечень оснований прекращения уголовного дела был расширен и включал в себя, в частности, правовые гарантии защиты от уголовного преследования лиц, не достигших к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность.

На современном этапе продолжается поиск путей совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности. Это касается и такого основания, как истечение срока давности уголовного преследования. Давность

в контексте правоприменения неизменно характеризуется невозможностью достижения целей наказания при временном разрыве связи между преступлением и наказанием, а также наличием процессуальных аргументов о нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности в связи с утратой или значительным искажением доказательственной базы [1, с. 9–10].

На сегодняшний день прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования воспринимается во взаимосвязи с институтом реабилитации и отнесением указанного основания к нереабилитирующим с необходимостью получения согласия преследуемого лица на прекращение уголовного дела.

Несмотря на негативные правовые и репутационные последствия прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, принято считать, что уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности в настоящее время последовательно реализуется. Так, уголовно-процессуальный закон различает установление виновности лица в совершении преступления от имени государства и вывод стороны обвинения о виновности обвиняемого или подозреваемого, служащий предпосылкой не уголовной ответственности, а освобождения от нее и завершения уголовного преследования [2, с. 15]. Более того, лицу предоставляется возможность возражать против прекращения дела по нереабилитирующему основанию, отстаивать свою невиновность и обрести право на реабилитацию при наличии законных оснований.

Однако защита личности от необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод может быть реализована не только через продолжение производства по уголовному делу в обычном порядке при истечении сроков давности уголовного преследования, но и посредством ограничения сроков расследования.

В 2022 г. Конституционным Судом Российской Федерации был рассмотрен вопрос об устранении неопределенности правового положения подозреваемого или обвиняемого, когда сроки давности привлечения его к уголовной ответственности истекли на досудебной стадии судопроизводства, однако он возражает против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [3].

Судом отмечено, что правовая определенность должна достигаться в разумный срок, поскольку в ином случае действующее законодательство вынуждает обвиняемого выбирать между неограниченным по времени продолжением уголовного преследования или соглашаться с его прекращением и, по сути, отказываться от права на реабилитацию во избежание затягивания процесса и связанных с ним негативных для лица последствий.

На основании указанного постановления Конституционного Суда Российской Федерации был представлен законопроект, размещенный на федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/>), в соответствии с которым ст. 24 УПК РФ подлежит дополнению новым нереабилитирующим основанием прекращения уголовного дела – истечение 12 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования в случае, если уголовное дело не передано в суд в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [4].

Однако в Государственную Думу Российской Федерации был представлен существенно измененный законопроект, представляющий значительный интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения.

В первом чтении были рассмотрены положения, согласно которым изменения претерпевает ст. 27 УПК РФ, которая дополняется положением о том, что при наличии возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию, то уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Кроме того, в новой версии законопроекта проблема затягивания уголовного преследования решается через дифференцированный подход к срокам осуществления предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в зависимости от категории преступления, но что наиболее интересно – предоставляется возможность реабилитации.

На сегодняшний день в уголовно-процессуальной науке содержание понятий «реабилитирующее» и «нереабилитирующее» основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования достаточно четко сформулировано. Различие этих оснований состоит в том, что реабилитирующее основание применяется тогда, когда установлено отсутствие уголовно-правового отношения и, соответственно, основания уголовной ответственности, в то время как нереабилитирующее основание связывается с оставлением имеющегося уголовно-правового отношения и уголовной ответственности без реализации [5, с. 13]. Предложенная в законопроекте модель расходится с доктринальным подходом и по своему содержанию является исключением. В рассматриваемом случае уголовное дело прекращается по специальному основанию при формальном указании на основание, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Фактически основной предпосылкой применения нового основания прекращения уголовного дела является именно истечение сроков давности уголовного преследования, не подразумевающее установления отсутствия уголовно-правового отношения.

С нашей точки зрения законопроект подвергся справедливой критике в законодательном органе. В заключении на законопроект «Правовое управление Государственной Думы Российской Федерации» указывает, что отсутствует необходимость замены нереабилитирующего основания прекращения уголовного преследования «в связи с истечением срока давности», на реабилитирующее – «в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления». Это объясняется тем, что при наличии возражений против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию у подозреваемого или обвиняемого есть возможность оспорить такое решение в суде в порядке ст. 125.1 УПК РФ [6].

Такой подход не предполагает исключений из общего правила и соответствует общей направленности уголовного судопроизводства к расширению действия института судебного контроля и расширению его пределов, однако не исключает влияния недостатков реализации судебно-контрольной деятельности на эффективность обжалования соответствующих решений.

Разрешение проблемы, выявленной Конституционным Судом Российской Федерации, демонстрирует стремление законодателя к повышению гарантий соблюдения основополагающих принципов уголовного процесса с помощью различных правовых инструментов, в том числе и судебного контроля.

Список источников:

1. Орлов Д.В. Давность привлечения к уголовной ответственности по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

2. Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.-Петербург. юрид. ин-т генер. прокуратуры РФ. СПб., 2004. 31 с.

3. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31. Ст. 5806.

4. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=131146> (дата обращения: 01.04.2023).

5. Хабарова Е.А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2004. 24 с.

6. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // Законопроект № 285563-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285563-8> (дата обращения: 19.04.2023).

Артамонова Елена Александровна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета, г. Ставрополь

ВИДЫ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВ ОТПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.

***Аннотация.** В статье анализируются особенности дифференцированных форм осуществления правосудия по УПК РСФСР 1922–1923 гг. через призму влияния волеизъявления обвиняемого (подсудимого, осужденного) на их изменение. Проводится сравнение с ныне существующими особыми формами отправления уголовного правосудия. Отмечается, что отдельные из рассмотренных положений актуальны для включения в действующий уголовно-процессуальный закон.*

***Ключевые слова:** подсудимый, формы уголовного правосудия, заочное правосудие, сокращенное судебное разбирательство, судебный приказ*

О процессуальной экономии российский законодатель задумывался во все времена. Формы ее реализации были различными, существенно или не очень отличными от ныне существующих. Так, в первых советских уголовно-процессуальных кодексах существовал целый ряд специфических производств рассмотрения уголовного дела по существу, в том числе неизвестных УПК РФ. На заре советской власти уголовно-процессуальный закон знал сокращенную процедуру судебного разбирательства (сокращенное производство), заочное рассмотрение уголовного дела, вынесение судебного приказа, закреплял особенности производства по делам частного обвинения. Характеризовались они упрощением порядка судебного разбирательства.

Отличительной особенностью всех перечисленных специфических производств осуществления правосудия по уголовным делам являлся максимальный учет мнения подсудимого, по ряду вопросов являвшегося обязывающим для суда, при принятии соответствующего решения.

1. *Сокращенный порядок судебного разбирательства* (ст. 286 УПК РСФСР 1922 г., ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.) был возможен по любому уголовному делу, когда в нем фигурировал один подсудимый, и он полностью признавал себя виновным, а его показания соответствовали материалам дела и не вызывали сомнения [1, с. 443]. Суть такого порядка заключалась в том, что суд мог не производить в полном объеме судебное следствие. Происходило это при выполнении двух условий: во-первых, подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и давал признательные показания, во-вторых, на это были согласны все остальные участники судебного заседания. В таких случаях, допросив

подсудимого, суд сразу переходил к прениям сторон. Сокращалось судебное производство посредством изменения объема исследуемых доказательств в судебном следствии, а зависело это от позиции сторон и, прежде всего, подсудимого. В отличие от ныне существующего особого порядка судебного разбирательства, преимуществом описываемой процедуры видится обязательное получение в суде показаний подсудимого об обстоятельствах совершенного им преступления, что вкупе с полным признанием предъявленного ему обвинения и позволяло сократить судебное следствие. Считалось, что, если подсудимый исчерпывающе осветил все обстоятельства дела, этим устранялась «необходимость судебного состязания при исследовании прочих доказательств» [2, с. 248]. Несмотря на неисследование всех собранных по делу доказательств, получение развернутых показаний от подсудимого позволяло в суде непосредственно выяснять обстоятельства совершения преступления и виновность подсудимого, пусть даже только со слов самого подсудимого. Сегодня же, при рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ, обстоятельства совершения преступления и виновность подсудимого вообще не исследуются непосредственно в судебном заседании.

2. *Заочное производство.* Первоначально советское уголовно-процессуальное законодательство в качестве особого упрощенного порядка судебного производства предусматривало постановление приговора в заочном формате. Заочный приговор – это приговор, выносимый в отсутствие подсудимого (ст. 388 УПК РСФСР 1922 г., ст. 351 УПК РСФСР 1923 г.). Первые уголовно-процессуальные кодексы предусматривали ряд гарантий, обеспечивавших право подсудимого на доступ к правосудию при разрешении уголовного дела в таком порядке. Так, копия заочного приговора направлялась осужденному не позже трех суток со дня его постановления с разъяснениями о порядке и сроках его обжалования (ст. 389 УПК РСФСР 1922 г., ст. 352 УПК РСФСР 1923 г.). В течение семи суток со дня получения копии заочного приговора осужденный был вправе подать просьбу о новом рассмотрении уголовного дела в очном формате с указанием причин неявки (ст. 390 УПК РСФСР 1922 г., ст. 353 УПК РСФСР 1923 г.). Если неявка состоялась по уважительной причине, суд был обязан назначить новое рассмотрение дела в общем порядке с вызовом сторон (ст. 393 УПК РСФСР 1922 г., ст. 356 УПК РСФСР 1923 г.). По сути желание подсудимого в данном случае меняло форму осуществления правосудия с заочного рассмотрения дела на очное – непосредственное исследование обстоятельств дела в судебном заседании. Однако, если осужденный не являлся на новое (полное) рассмотрение дела без уважительных причин, суд оставлял в силе ранее вынесенный заочный приговор (ст. 395 УПК РСФСР 1922 г., ст. 358 УПК РСФСР 1923 г.). Производство «О заочных приговорах» (ст. 351–359 УПК РСФСР 1923 г.) было отменено Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 4 мая 1933 г. [3, с. 62].

Вместе с тем в законе имелась возможность рассмотрения дела в отсутствие подсудимого. По общему правилу участие подсудимого в судебном заседании при рассмотрении дела по существу оставалось обязательным по большинству уголовных дел (ст. 269 УПК РСФСР 1922 г., ст. 265 УПК РСФСР 1923 г.). Считалось, что присутствие подсудимого в зале суда обеспечивает более полное и всестороннее

выяснение всех обстоятельств дела, а также позволяет ему принимать участие в допросах «других подсудимых, экспертов и свидетелей, представлять свои объяснения суду и таким путем осуществить свое право на защиту» [4, с. 32–33]. Отправление уголовного правосудия в отсутствие подсудимого было возможно при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, за совершение которых не предусматривалось наказание в виде лишения свободы. Если подсудимому грозило лишение свободы, заочное, по сути, разбирательство допускалось только при его прямо выраженном согласии или при доказанности, что он уклонился от вручения повестки о вызове в суд либо скрывается от суда (ст. 269 УПК РСФСР 1922 г., ст. 265 УПК РСФСР 1923 г.). Даже в военное время суд не вправе был рассмотреть уголовное дело в отсутствие подсудимого, которому не была вручена повестка с вызовом в судебное заседание. Кроме того, по всем делам сам по себе факт неявки подсудимого, получившего повестку, не давал основания для постановления заочного приговора. Это допускалось, только если было доказано, что подсудимый уклонялся от явки в суд или вручения ему повестки. Заочное рассмотрение дела в случаях, не предусматривавшихся УПК РСФСР 1923 г., расценивалось как грубое нарушение права обвиняемого на защиту, являвшееся безусловным основанием к отмене приговора [4, с. 33]. И даже в случае уклонения подсудимого от явки в судебное заседание суд не должен был слушать дело заочно, если по обстоятельствам дела личные объяснения отсутствующего подсудимого имели особо существенное значение для решения вопроса о его виновности [1, с. 475].

Сегодня УПК РФ предусматривает возможность вынесения приговора или иного судебного решения в отсутствие подсудимого в двух случаях: по его ходатайству по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ) и в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в исключительных случаях, когда подсудимый скрылся за границей и (или) уклоняется от явки в суд. В первом случае каких-либо дополнительных особых оснований отмены вынесенного приговора или иного судебного решения закон не содержит. Во втором – желание заочно осужденного лично присутствовать при рассмотрении его уголовного дела по существу, оформленное соответствующим ходатайством, бессрочно и безусловно влечет отмену вынесенного заочного решения в кассационном порядке и новое рассмотрение уголовного дела в общем порядке (ч. 7 ст. 247 УПК РФ). В отличие от первых уголовно-процессуальных кодексов, УПК РФ не содержит указаний правоприменителю как поступать в ситуации, если заочно осужденный, по чьему ходатайству был отменен приговор, не явится по неуважительной причине на новое судебное разбирательство. Думается, что опыт прошлого в регулировании этого момента заслуживает внимания и внедрения в действующий уголовно-процессуальный закон. Установив факт неявки заочно осужденного (читай, вторичного добровольного отказа от личного участия в рассмотрении собственного уголовного дела) суду надлежит узаконивать ранее вынесенный заочный приговор, о чем необходимо внести соответствующие дополнения в закон.

3. Разрешение дела судебным приказом (когда без проведения разбирательства в судебном заседании вместо приговора суд выносил приказ об исполнении

уголовного наказания [5, с. 158]) допускалось первыми советскими уголовно-процессуальными кодексами по незначительному числу преступлений в случае «явной беспорочности» их совершения, при условии, что в уголовном деле не был заявлен гражданский иск (ст. 406, 407 УПК РСФСР 1922 г., ст. 366, 367 УПК РСФСР 1923 г.). Речь шла, например, о преступлениях, предусмотренных гл. VIII УК РСФСР 1922 г.: неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил (ст. 217); неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения (ст. 218); хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения (ст. 220); проживание по чужому документу (ст. 222) и др. Разрешение уголовного дела посредством вынесения судебного приказа являлось одной из форм особого (упрощенного) производства в советском процессе, направленной на реализацию принципа быстроты советского судопроизводства и применялась «по менее сложным делам о преступлениях, не влекущих суровых мер наказания» [1, с. 596].

Судебные приказы постановлялись по общему правилу в отсутствие сторон (если подсудимый и обвинитель являлись в суд, они допускались к даче объяснений по их просьбе) и вступали в силу немедленно после их вынесения (ст. 407, 409 УПК РСФСР 1922 г., ст. 367, 369 УПК РСФСР 1923 г.). Если дело разрешалось в порядке судебного приказа по ходатайству подсудимого, последний в дальнейшем лишался права требовать рассмотрения дела в судебном разбирательстве. В остальных случаях осужденный в течение трех суток после получения копии судебного приказа был вправе ходатайствовать о рассмотрении дела в судебном разбирательстве [направление осужденным отзыва судебного приказа]. При этом судья был обязан назначить судебное рассмотрение в общем порядке (с народными заседателями и вызовом сторон). И только при неявке подсудимого в судебное заседание по неуважительным причинам, судебному приказу возвращалось значение вступившего в законную силу приговора (ст. 410–412 УПК РСФСР 1922 г., ст. 370–372 УПК РСФСР 1923 г. в первоначальной редакции). В случаях удовлетворения судом ходатайства обвиняемого о разрешении его уголовного дела посредством судебного приказа, а также при реализации осужденным права требовать пересмотра с участием народных заседателей уголовного дела, по которому был вынесен судебный приказ, происходило изменение формы осуществления правосудия (осужденный был лишен права отзыва судебного приказа Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г.).

Ныне действующий уголовно-процессуальный закон подобного порядка рассмотрения уголовных дел не знает.

4. *Особенности производства по делам частного обвинения.* Принципиальным отличием регламентации производства по делам частного обвинения в первых советских уголовно-процессуальных кодексах является закрепление правила, согласно которому по инициативе подсудимого производство по делу частного обвинения переходило в публично-правовую плоскость. По общему правилу по делам, где обвинение поддерживал потерпевший (самоуправство, побои, клевета, оскорбление), при его неявке (или его представителя) в суд дело подлежало

прекращению, но если подсудимый просил о рассмотрении такого дела по существу, суд был обязан провести судебное разбирательство (ст. 10, 274 УПК РСФСР 1922 г., ст. 10, 270 УПК РСФСР 1923 г.). Законодатель того времени в интересах правосудия волю подсудимого ставил выше воли потерпевшего. Следует также отметить, что неявка без уважительных причин обеих сторон уголовно-правового конфликта [и потерпевшего, и подсудимого] приравнивалась к их примирению и влекла прекращение уголовного дела [1, с. 496].

Анализ рассмотренных процедур через призму влияния волеизъявления подсудимого на движение уголовно-процессуальной деятельности, когда суд действовал согласно воле, заявленной подсудимым, позволяет говорить, что по УПК РСФСР 1922–1923 гг. по инициативе подсудимого в одних случаях сокращалось судебное разбирательство в рамках существовавшей формы отправления правосудия, в других – менялась форма осуществления уголовного правосудия, в-третьих – изменялся характер уголовного преследования.

Список источников:

1. Чельцов М.А. Уголовный процесс: учебник. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 624 с.
2. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 312 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 472 с.
4. Исаев М.М., Утевский Б.С., Гродзинский М.М. Законодательство по уголовному праву и процессу в период войны / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. 41 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.

Бочковский Феликс Олегович
аспирант 1 курса Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета,
руководитель следственного отдела
по Мотовилихинскому району г. Пермь
следственного управления Следственного
комитета Российской Федерации
по Пермскому краю, г. Пермь

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТАХ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1923 ГГ.)

***Аннотация.** В данной статье производится исторический обзор организации предварительного следствия в первые годы установления советской государственности. Автор отмечает двойную подчиненность следователя как суду, так и прокурору. Делается вывод об отсутствии процессуальной самостоятельности следователя. Проводится сравнение уголовно-процессуальных основ организации предварительного следствия в первые годы советской власти и современности.*

***Ключевые слова:** предварительное следствие, прокурор, процессуальная самостоятельность следователя, судебные следователи*

Обращение к дореволюционному этапу истории развития системы следственных органов показывает, что к моменту установления советской власти они находились в подчинении судов. Это обусловлено попыткой изменить подход к их организации в ходе реформы 1860-х гг.¹

Смена государственного строя всегда влечет за собой изменения и в нормативно-правовом регулировании публичных отношений, к которым относятся и уголовно-процессуальные. Этим можно объяснить тот факт, что уже одним из первых декретов государства советов «О суде» институт судебных следователей был упразднен². Полномочия осуществления предварительного следствия были переданы следственным отделам при чрезвычайных комиссиях, а в августе 1921 г. была сформирована следственная часть при Президиуме Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем [1, с. 58]. Стоит отметить, что данные революционные следственные отделы расследовали исключительно политические преступления.

Принятое в дальнейшем Положение о народном суде предоставило входящему в состав соответствующего органа постоянному народному судье право осуществлять «предварительное следствие по уголовным делам, подлежащим

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/sk_russia/calendar (дата обращения: 01.04.2023).

² Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 17 (документ утратил силу).

рассмотрению Народного Суда с его участием в составе двух Заседателей»³, что демонстрирует возврат к судебному формату следствия. Кроме того, названное Положение предполагало создание городских и уездных Следственных комиссий, которые формировались по территориальному принципу на основе выделения следственных участков. Состав соответствующих комиссий формировался выборным способом Советами или Исполнительными Комитетами [2]. Данные комиссии совместно принимали все важные решения, определяющие движение уголовного дела: возбуждение уголовного дела, избрание меры пресечения, прекращение уголовного дела или окончание производства по уголовному делу и передача дела в суд. Текущие следственные действия осуществлялись судебными следователями самостоятельно.

Последующее развитие системы следственных органов осуществлялось в смешанном формате: они были созданы при различных ведомствах, в частности при Наркомате юстиции, в то же время сохранился судебный следственный аппарат. Положение о народном суде РСФСР 1920 г. определяло несколько иную систему организации следственных органов, к числу которых, наряду с уже существующими, были отнесены народные следователи и следователи по важнейшим делам, следственные комиссии при этом упразднились⁴. Таким образом, наметился переход от коллегиального осуществления предварительного следствия к единоличному. Следует обратить внимание на тот факт, что подбор кадров для следственного аппарата осуществляли суды, которые, помимо этого, решали и вопросы финансирования следователей, и в то же время Положением о прокурорском надзоре 1922 г. была сформирована соответствующая отрасль надзора [3, с. 36]. Сказанное приводит к выводу о том, что к моменту принятия первого УПК РСФСР 1922 г. следователи фактически находились в двойном подчинении.

УПК РСФСР, принятый 25 мая 1922 г., является первым кодифицированным источником уголовно-процессуального законодательства нового советского государства. Статья 23 данного нормативного акта, разъясняя основные понятия, указывает на то, что следователи функционируют при народных судах («народные следователи»), при Советах Народных Судей и Революционных Трибуналах, в военных судах («военные следователи») и Народном Комиссариате Юстиции⁵. Очевидно, что УПК РСФСР сохранил смешанную систему организации предварительного следствия, сформированную в первые годы существования советского государства. Кроме того, сохраняется и двойная система контроля за следствием со стороны суда и прокуратуры.

В то же время стоит согласиться с теми учеными, которые в качестве несомненного достоинства первого советского уголовно-процессуального закона называют четко оформленное разграничение дознания и следствия [4, с. 465]. Органы дознания собирали данные о факте причастности лица к совершению

³ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889 (документ утратил силу).

⁴ Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407 (документ утратил силу).

⁵ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230 (документ утратил силу).

преступления, которые в дальнейшем передавались ими следователям. Последние, в свою очередь, осуществляли проверку собранных фактов на предмет их достоверности и достаточности, после чего уголовное дело могло передаваться для разрешения по существу.

В части руководства деятельностью органов следствия весьма широкие полномочия принадлежали прокурору. Подобный вывод с очевидностью следует из анализа положений главы IX УПК РСФСР 1922 г. Так, в частности, ст. 121 предусматривает, что указания прокурора о ходе производства по уголовному делу, даваемые им следователю, являются для последнего обязательными. В ряде случаев требовалось согласие прокурора на производство некоторых следственных действий (например, выемка почтово-телеграфной корреспонденции), он же разрешал и жалобы на действия и решения следователя. Фактически прокурор приобретал право вмешиваться в ход следствия и направлять его по своему усмотрению. Единственной возможностью следователя не согласиться с указаниями прокурора было право обжаловать их в суде. Решение суда в таком случае было окончательным и иных вариантов обжалования у следователя не было.

В то же время сохраняется организационная подчиненность следователей судам. Примером этого могут служить положения ст. 127 УПК РСФСР 1922 г., согласно которым Губсовнарсуд имеет право передать уголовное дело из одного следственного участка в другой своим постановлением. Кроме того, суды разрешали споры о подследственности, санкционировали проведение некоторых следственных действий, принимали решение о прекращении уголовного дела или о возобновлении следствия, рассматривали жалобы на действия и решения следователя.

Таким образом, можно сделать вывод, что организация прообраза современного предварительного следствия в первые годы советской власти практически полностью лишала следователя какой-либо самостоятельности, поскольку имела место двойная подчиненность следователей как суду, так и прокурору. Стоит при этом согласиться с С.Б. Россинским, характеризовавшим УПК РСФСР как «один из правовых памятников уголовно-процессуального права» [5, с. 237]. Действительно, многие правила и процедуры, предусмотренные в нем, сохранились вплоть до наших дней. Тем не менее отход от подчиненности следователей судам стоит рассматривать как безусловный положительный момент, поскольку функции следствия и суда, бесспорно, отличаются и даже организационного взаимодействия этих двух органов быть не должно.

Список источников:

1. Литвин А.Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архивы ВЧК: сборник документов. М., 2007.
2. Расчетов В.А., Бутенко О.С. Особенности формирования предварительного следствия в начальный период Советской власти // Достижения науки и образования. 2017. № 9(22). С. 28–29.
3. Манова Н.С. Становление института ведомственного руководства деятельностью следователя в российском уголовном процессе (уставы уголовного судопроизводства и действующее законодательство) // Legal Concept. 2015. № 1. С. 34–41.

4. Тарасов А.В. Реформа предварительного следствия – три века одна проблема // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 463–468.

5. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3. С. 229–238.

Быданцев Николай Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Кемеровского государственного
университета, судья Кемеровского
областного суда, руководитель сектора
«Наука и просвещение» Совета
Кемеровского регионального отделения
Общероссийской общественной организации
«Российское объединение судей»,
г. Кемерово

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОРМ УГОЛОВНО-СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы дифференциации форм судебного производства по уголовному делу: как на досудебных, так и судебных этапах уголовного процесса. Приводится сравнительный анализ дифференцированных форм, предложенных УПК РСФСР 1922–1923 гг. и ныне действующим уголовно-процессуальным законом. Автором высказывается предположение о развитии такой формы судебного рассмотрения уголовного дела, как суд присяжных.*

***Ключевые слова:** дифференциация уголовного процесса, дифференциация форм уголовно-судебного производства, производство по уголовному делу*

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [1–4] был введен в «жизнь»⁶ с 1 июля 1922 г.⁷ (далее – УПК 1922 г.), и с этого момента свою «жизнь» обрели различные формы уголовно-судебного производства⁸ [5]. В скором времени ему на смену пришел Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. (далее – УПК 1923 г.)⁹.

Как и современный уголовный процесс, производство по уголовным делам образца 1922–1923 гг. было неоднородным. В нем смело можно выделить как основные, так и дополнительные, особые производства [6, с. 51–93].

⁶ Следует особо отметить риторичность того времени, которая не только красива сама по себе, но и, представляется, отражает естество явления – уголовный процесс «живет», он не просто «механизм», он целостный «живой» организм.

⁷ Пункт 1 Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ В скором времени в советском уголовном процессе, во многом благодаря стараниям М.С. Строговича, возобладает точка зрения о единой процессуальной форме.

⁹ Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассматривая дифференциацию форм уголовно-судебного производства, думается, отсутствует особая необходимость останавливаться на ординарном основном судебном производстве по уголовному делу. Единственным отметим, что в уголовно-процессуальных законах 1922–1923 гг. уже закрепляется специализация судопроизводства: уголовные дела рассматриваются как «гражданскими» судами – «народным судом», так и военными судами – революционными трибуналами (ст. 24 УПК 1922 г., ст. 27 УПК 1923 г.). При этом, УПК 1923 г. дополнительно предусматривал более специализированное рассмотрение уголовных дел – военно-транспортными трибуналами (ст. 28 УПК 1923 г.).

Также следует акцентировать, что УПК 1922 г. предусматривал различные варианты состава суда: единолично народный судья, народный судья и два народных заседателя, а также «усложненный» состав – народный судья и шесть народных заседателей¹⁰ (ст. 25 УПК 1922 г.), а УПК 1923 года, дифференцируя составы суда, ограничился уже двумя видами составов: единолично народный судья и народный судья и два народных заседателя (ст. 24 УПК 1923 г.). Каждым кодексом в качестве общего правила было закреплено, что уголовные дела рассматриваются в составе народного судьи и двух народных заседателей (ч. 3 ст. 26 УПК 1922 г., ч. 2 ст. 25 УПК 1923 г.). Единоличное рассмотрение уголовных дел, а также рассмотрение уголовного дела в составе народного судьи и шести народных заседателей предусматривалось в качестве исключения – только по определенным преступлениям (чч. 1 и 2 ст. 26 УПК 1922 г., ч. 1 ст. 25 УПК 1923 г.).

Что же касается дифференциации форм судебного производства по уголовному делу, то и УПК 1922 г., и УПК 1923 г., как «уважающие себя» уголовно-процессуальные законы, предусматривали упрощенные формы отправления правосудия.

Так, согласно ст. 286 УПК 1922 г., при согласии подсудимого с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, если он признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон¹¹. В свою очередь, предусматривалась УПК 1922 г. и возможность выйти из «особого» порядка рассмотрения уголовного дела в «общий»: в случае требования кого-либо из судей или сторон, суд был обязан произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого. Кроме того, если подсудимый не признает правильным предъявленное ему обвинение и желает дать показания по существу, то от суда зависит допустить таковые показания немедленно или перенести их к концу судебного следствия после допроса свидетелей.

Известны уголовно-процессуальным законам и институты заочного приговора (ст. 388 УПК 1922 г., ст. 351–359 УПК 1923 г.), дежурные камеры (ст. 397–402 УПК 1922 г., ст. 360–365 УПК 1923 г.)¹², а также судебные приказы

¹⁰ Почему бы в современном уголовно-процессуальном регулировании данным составом суда не заменить коллегия присяжных заседателей?

¹¹ Фактически данное нормативное положение является «предком» современной гл. 40 УПК РФ.

¹² В последующем повторенные в виде протокольной формы досудебной подготовки материалов (гл. 30 УПК РСФСР 1960 г.).

(гл. IV УПК 1922 г., ст. 366–372 УПК 1923 г.), вынесение которых – постановление приговоров судебным приказом – допускалось при бесспорности нарушения (ст. 406 УПК 1922 г.). Что характерно, судебные приказы не могли быть вынесены по уголовным делам, по которым к обвиняемому был заявлен гражданский иск (примечание к ст. 407 УПК 1922 г.).

Присутствуют в анализируемых УПК и особые производства, в том числе судебно-контрольные производства.

Так, предусматривался судебный контроль за ограничением права лица на его личную свободу и неприкосновенность. В силу ст. 6 и 7 как УПК 1922 г., так и УПК 1923 г. каждый судья, обнаруживший в пределах своего участка или района содержание кого-либо под стражей без законного постановления уполномоченных на то органов или свыше срока, установленного законом или судебным приговором, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы; судья, до сведения которого дошло, что в пределах его участка или района кто-либо содержится не в надлежащем месте заключения или не в надлежащих условиях, обязан принять меры к восстановлению законного порядка. В свою очередь, ст. 106 УПК 1922 г. (ст. 104 УПК 1923 г.) предусматривала контроль суда за задержанием подозреваемого/обвиняемого, в том числе утверждение судом ареста. Согласно ст. 151 УПК 1922 г. и аналогичной ей ст. 148 УПК 1923 г., вопрос об отмене меры пресечения или же ее избрании по предложению прокурора следователю и не согласии последнего с таким предложением разрешался судом. В соответствии с ч. 2 ст. 164 УПК 1922 г., если мера пресечения была назначена судом, то отменена или изменена она могла быть тоже только судом.

Кроме того, уголовно-процессуальные законы 1922–1923 гг. предусматривали и судебный контроль за производством следственных действий.

Интересная судебно-контрольная процедура устанавливалась ст. 110 УПК 1922 г. (ст. 108 УПК 1923 г.). Так, по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия было не обязательно, предполагалось, что предварительное следствие и отдельные следственные действия производятся по-особому каждый раз определению суда или по предложению прокурора. В случае отказа стороне в производстве предварительного следствия или отдельных следственных действий, суд должен был вынести мотивированное определение, с указанием оснований отказа. Фактически суд выполнял в данном правовом регулировании роль следственного судьи, что, по сути, явилось отголоском имперского уголовно-процессуального прошлого.

Согласно ст. 182 УПК 1922 г., следователь, приступая к обыску или выемке, обязан огласить соответствующее постановление свое или суда по этому поводу. Правда, каких-либо уточняющих норм относительно оснований и порядка принятия такого постановления судом УПК 1922 г. не содержит.

Статьей 125 УПК 1922 г. (ст. 122 УПК 1923 г.) регламентировался порядок отвода следователя. Разрешение такового предполагалось в течение трех суток народным судом того района, где находилась камера следователя, или тем судом, при котором состоял следователь. Тем самым была создана специальная судебно-контрольная процедура разрешения вопроса об отводе следователя, что, видимо, вызвано особым доверием к суду как к независимому органу.

В судебном же порядке разрешались и споры о подследственности (ст. 130 УПК 1922 г.). При этом следует заметить, что современный УПК РФ не предусматривает подобной судебной процедуры: вопросы подследственности уголовных дел отнесены к компетенции руководителя следственного органа или прокурора (что и логично, исходя из концепции действующего уголовно-процессуального закона).

Кроме того, ст. 136 УПК 1922 г. предусматривала судебный контроль за движением уголовного дела в случае безуспешного розыска обвиняемого при неизвестности места его пребывания или побега.

Положениями ст. 207 УПК РФ 1922 г. и аналогичными им положениями ст. 203 УПК 1923 г. устанавливался судебный контроль за прекращением предварительного следствия – суд фактически утверждал вынесенное следователем постановление о прекращении уголовного дела. Вправе был суд и не согласиться со следователем и возратить уголовное дело последнему для производства предварительного следствия с указанием того, чем и в каком направлении должно быть дополнено следствие.

В свою очередь, из содержания нормативных положений ст. 208 УПК 1922 г., ст. 204 и 205 УПК 1923 г., аналогичных требованиям ст. 214.1 УПК РФ, следует, что после прекращения дела по необнаружению виновного или по недостаточности доказательств, оно может быть возобновлено не иначе, как по определению суда.

УПК 1922–1923 гг. устанавливали и институт обжалования действий следователя, ныне закрепленный в ст. 125 УПК РФ. Так, соответственно главы XVIII каждого из уголовно-процессуальных законов предусматривали возможность обжалования в суд действий следователя, нарушающих или стесняющих права участников уголовного процесса. При этом несомненным положительным аспектом являлось то, что такие жалобы могли быть поданы в течение семи суток, «считая с того дня, когда жалобщику сделалось известным обжалуемое действие следователя». Вместе с тем срок подачи жалоб на избрание меры пресечения, на медленность действий и незаконные действия следователя не ограничивался (ст. 219 УПК 1922 г., ст. 215 УПК 1923 г.).

Заслуживающими внимания, думается, являются предписания ст. 221 УПК 1922 г. и ст. 217 УПК 1923 г., согласно которым следователь обязан в течение 24 часов препроводить поступившую к нему жалобу в суд вместе со своими объяснениями, а, в свою очередь, суд обязан в силу ст. 222 УПК 1922 г. и ст. 218 УПК 1923 г. рассмотреть жалобу в течение трех суток после ее получения¹³.

Известно УПК 1922 г. и такое особое производство, как производство по передаче уголовного дела из одного народного суда в другой (ст. 32, 33 УПК 1922 г.)¹⁴. Так, дело могло быть передано из одного суда в другой такой же суд,

¹³ В настоящее время, исходя из требований ч. 3 ст. 125 УПК РФ, судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и прокурора не позднее чем через 14 суток, а действий (бездействия) и решений при производстве дознания в сокращенной форме – не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы. При том, что до внесения изменений Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ был предусмотрен общий срок – не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы.

¹⁴ В ныне действующем уголовно-процессуальном законе аналогичный порядок предусмотрен ст. 35 и 125 УПК РФ.

только в том случае, когда такой передачей могло быть достигнуто более беспристрастное и более скорое и при этом более полное рассмотрение дела. Вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой, такой же народный суд района того же совета народных судей, должен был быть разрешен советом народных судей. Вопрос о передаче дела в Народный суд другого района или суд другой категории разрешался исключительно Народным Комиссариатом Юстиции. В свою очередь, исходя из требований ст. 34 УПК 1922 г., вопрос о передаче дела из одного революционного трибунала в другой такой же трибунал разрешался постановлением Кассационной, Военной или Военно-Транспортной Коллегии Верховного Трибунала, в отношении подведомственных им трибуналов; вопрос о передаче дела в революционный трибунал другой категории разрешался постановлением Пленума Верховного Трибунала.

Практически аналогично регулировал вопросы изменения подсудности уголовного дела и УПК 1923 г. (ст. 30, 31, 32).

Также УПК 1922 г. предусматривал производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. XVI), относящееся, исходя из характера, к числу особых уголовно-процессуальных производств. Между тем, УПК 1923 г. (ст. 198–200 УПК 1923 г.) более скупое регулировал подобные вопросы, ограничиваясь определением психического состояния обвиняемого.

В свою очередь, в главах XXXII УПК 1922 г. и УПК 1923 г. урегулированы вопросы исполнения приговора (дополнительное производство), в частности к таковым отнесены: вопросы об отсрочке исполнения приговора (ст. 471, 477, 478 УПК 1922 г., ст. 456, 461, 462 УПК 1923 г.), рассмотрение ходатайств об условно-досрочном освобождении (ст. 473, 474, 479 УПК 1922 г., ст. 458, примечание к ст. 461, 463 УПК 1923 г.), вопросы об отмене такового (ст. 480 УПК 1922 г., ст. 464 УПК 1923 г.). Статьей 481 УПК 1922 г. и ст. 465 УПК 1923 г. соответственно установлено, что при необходимости вынести приговор по совокупности (ст. 30 Уголовного кодекса) о лице, о котором постановлено несколько приговоров, приговор по совокупности выносится судом, вынесшим позднейший приговор, или же судом, приговором которого было назначено тягчайшее из всех назначенных осужденному наказаний. Таким образом, полагаем, что указанная уголовно-процессуальная норма закрепляет процедуру исполнения приговора при наличии других неисполненных приговоров, если это не решено в последнем по времени приговоре¹⁵.

Резюмируя обращение к уже ушедшему в историю правовому регулированию судебных процедур первыми советскими кодифицированными уголовно-процессуальными законами 1922–1923 гг., следует отметить, что они (законы) были весьма новаторскими для своего времени, по истине «революционными» (дань времени), в то же время сохраняли некоторые «имперские» черты, востребованные новым правопорядком. Предложенные УПК 1922–1923 гг. формы уголовно-судебного производства остаются актуальными и в настоящее время, они нашли свое место в действующем уголовно-процессуальном законе, а, например, такой состав суда, как профессиональный судья и шесть народных заседателей,

¹⁵ В настоящее время аналогичное производство предусмотрено п. 10 ст. 397 УПК РФ.

смог бы стать реальной альтернативой, порою «неповоротливому» и «непредсказуемому» суду присяжных.

Безусловно, приведенный анализ не безупречен, а высказываемые позиции не бесспорны, в связи с чем теплится надежда на дискуссию в теплой научной атмосфере.

Список источников:

1. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 229–238.

2. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г.: уроки истории // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2 частях. Орел, 2022. С. 68–74.

3. Россинский С.Б. Формирование и развитие уголовной юстиции в первые годы советской власти (к 100-летию судебной реформы 1922 г.) // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 5. С. 149–176.

4. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия): монография / под ред. А.И. Чучаева. Электрон. дан. (2,5 Мб). М.: Институт государства и права РАН, 2023. 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). Системные требования: процессор Pentium-II; память 256 Мб ОЗУ; дисковод 24-х CD-ROM; Windows 98/2000.

5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во «Наука», 1968. Том I.

6. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.

Головачук Ольга Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса Уральского
государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УПК РСФСР 1922 И 1923 Г.

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению особенностей регулирования процессуального статуса потерпевшего в первых советских уголовно-процессуальных кодексах. В рамках статьи исследуются права и обязанности, которыми законодатель наделил данного участника уголовного судопроизводства. Также проводится сравнительный анализ УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. применительно к такому субъекту, как потерпевший.*

***Ключевые слова:** потерпевший, процессуальное положение, права потерпевшего, уголовное судопроизводство*

В действующем УПК РФ на первое месте среди задач уголовного судопроизводства поставлена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Такой подход законодателя свидетельствует о признании потерпевшего одним из наиболее значимых участников уголовного судопроизводства. А это, в свою очередь, требует подробного регулирования процессуального статуса данного субъекта.

Статья 42 УПК РФ закрепляет, кто и в каком порядке может быть признан потерпевшим в уголовном деле, а также содержит подробный перечень его прав. При этом на протяжении всего периода действия УПК РФ (а это уже почти 21 год) ученые-процессуалисты задаются вопросом, что помешало законодателю столь же детально определиться с кругом обязанностей потерпевшего. Во-первых, в тексте ст. 42 УПК РФ вообще не упоминаются обязанности потерпевшего. Законодатель в ч. 5 данной статьи использует оборот «потерпевший не вправе». Во-вторых, даже если рассматривать перечень того, что потерпевший делать не вправе, как перечень его обязанностей (если их перефразировать, например, не вправе уклоняться от явки по вызовам следователя, дознавателя и суда, значит обязан являться по вызовам перечисленных должностных лиц), то он все равно является неполным. С обязанностями потерпевшего, которые не упоминаются в тексте ст. 42 УПК РФ, мы можем встретиться в тексте других статей кодекса. Так, в ч. 2 ст. 179 УПК РФ говорится об обязанности лица подчиниться решению следователя об освидетельствовании. В ч. 1 указанной статьи отмечается, что освидетельствование может производиться и в отношении потерпевшего.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что регулирование процессуального статуса потерпевшего нуждается в дальнейшем совершенствовании.

При этом, на наш взгляд, занимаясь поиском решений современных проблем в сфере уголовного судопроизводства, не следует игнорировать то, что было создано законодателем в советский и постсоветский периоды. Обращение к законодательным источникам прошлых лет не подразумевает их «слепого копирования», но позволяет увидеть общее направление развития уголовно-процессуального законодательства. При этом Л.Г. Татьяна и А.С. Лукомская справедливо отмечают: «Одним из вопросов, имеющих значение для развития уголовного судопроизводства, повышения эффективности правосудия по уголовным делам является вопрос о совершенствовании правового положения потерпевшего» [1, с. 138].

Первым кодифицированным источником уголовно-процессуального права в советском государстве стал УПК РСФСР 1922 г. [2]. Данный кодекс не содержал определения понятия «потерпевший», тем не менее наделял этого участника определенными правами. В отличие от действующего УПК РФ в УПК РСФСР 1922 г. не было отдельной статьи, в которой закреплялись права и обязанности потерпевшего. Представление о процессуальном статусе данного участника можно получить только на основе анализа ряда статей уголовно-процессуального закона.

При этом наибольшим объемом прав обладал потерпевший по так называемым делам частного обвинения (хотя термин «частное обвинение» в тексте закона не использовался). В соответствии со ст. 10 УПК РСФСР 1922 г. он сам инициировал возбуждение уголовного дела, самостоятельно либо с помощью представителя поддерживал обвинение, кроме того, его примирение с обвиняемым влекло прекращение производства. Исключение составляли случаи, когда в целях охраны публичного интереса в дело вступал прокурор. В связи с тем, что поддержание обвинения переходило в руки прокурора, дело не подлежало прекращению за примирением потерпевшего и обвиняемого.

Потерпевший также наделялся следующими правами:

- предъявить к обвиняемому или иным лицам, несущим ответственность за причиненные им вред и убытки, гражданский иск, который подлежал рассмотрению вместе с уголовным делом (ст. 14 УПК РСФСР 1922 г.);

- иметь представителя, если поддерживал обвинение либо заявил по делу гражданский иск (ст. 54 и 55 УПК РСФСР 1922 г.);

- ходатайствовать о производстве допросов свидетелей и экспертов, а также о собирании иных доказательств (ст. 114 УПК РСФСР 1922 г.);

- присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях, задавать вопросы свидетелям и экспертам (ст. 117 УПК РСФСР 1922 г.);

- ходатайствовать (если был признан гражданским истцом) о принятии мер по обеспечению иска (ст. 124 УПК РСФСР 1922 г.);

- приносить жалобы на действия следователя (хотя ст. 216 УПК РСФСР 1922 г. прямо не называет потерпевшего среди субъектов права обжалования, но формулировка «другие заинтересованные лица» позволяет предположить, что потерпевший входит в круг этих лиц).

Следует отметить, что потерпевший, предъявивший гражданский иск и признанный гражданским истцом, в соответствии с п. 6 ст. 23 УПК РСФСР 1922 г., считался стороной в уголовном деле и наделялся такими правами, как:

- заявлять в судебном заседании ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов и истребовать другие доказательства (ст. 276 УПК РСФСР 1922 г.);
- заявлять отвод составу суда (ст. 282 УПК РСФСР 1922 г.);
- участвовать в допросе подсудимого (ст. 287 УПК РСФСР 1922 г.);
- участвовать в допросе свидетелей (ст. 291 и 292 УПК РСФСР 1922 г.);
- инициировать осмотр вещественных доказательств и оглашение документов (ст. 304 УПК РСФСР 1922 г.);
- ходатайствовать о производстве новой экспертизы;
- участвовать в прениях сторон (ст. 308 УПК РСФСР 1922 г.);
- приносить жалобы на приговоры народного суда (ст. 353 УПК РСФСР 1922 г.);
- участвовать в заседаниях суда кассационной инстанции (ст. 355 УПК РСФСР 1922 г.).

Кодекс не содержал норм, которые бы регулировали порядок допроса потерпевшего и, соответственно, закрепляли его права при производстве данного следственного действия. Статья 62 УПК РСФСР 1922 г. предусматривала следующие виды доказательств: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, личные объяснения обвиняемого. Можно сделать вывод, что при допросе потерпевшего правоприменитель руководствовался правилами допроса свидетеля.

Что касается обязанностей потерпевшего, то упоминание о них мы также встречаем в разных статьях УПК РСФСР 1922 г. Среди них можно выделить:

- обязанность явиться в судебное заседание (но это касалось только потерпевшего, признанного гражданским истцом, так как в случае его неявки иск оставляли без рассмотрения (ст. 273 УПК РСФСР 1922 г.), и потерпевшего, который самостоятельно поддерживал обвинение, так как при неявке дело подлежало прекращению (ст. 274 УПК РСФСР 1922 г.));
- обязанность соблюдать порядок в зале судебного заседания (ст. 265 УПК РСФСР 1922 г.).

В связи с тем, что потерпевший допрашивался в качестве свидетеля, он также был обязан явиться по вызову, сообщить все известное по делу и дать ответы на вопросы следователя, суда или сторон (ст. 64 УПК РСФСР 1922 г.).

УПК РСФСР 1923 г., как и его предшественник, не содержал определения понятия «потерпевший», права и обязанности данного участника уголовного судопроизводства регулировались в нем так же, как и в предыдущем кодексе [3].

Только в УПК РСФСР 1960 г. появляется отдельная статья, посвященная потерпевшему (ст. 53), в ч. 1 которой говорилось о том, кто может быть признан потерпевшим, а ч. 2 закрепляла права данного участника [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство проделало значительный путь в направлении совершенствования процессуального статуса потерпевшего. Сейчас это полноправный участник уголовного производства, наделенный широким кругом прав, реализация

которых обеспечивается возложением соответствующих обязанностей на должностных лиц, ведущих производство по делу. Тем не менее, как отмечалось ранее, необходимо продолжить работу в указанном направлении, так как на сегодняшний день в регулировании процессуального статуса потерпевшего все еще присутствуют отдельные недостатки.

Список источников:

1. Татьяна Л.Г., Лукомская А.С. История развития правового положения потерпевшего в уголовном процессе в период с распада Российской империи и по настоящее время // Вестник удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 138–144.

2. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#JzP3yjTBFdJIgG17> (дата обращения: 01.04.2023).

3. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#q0h3yjTS9h58J6g3> (дата обращения: 01.04.2023).

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 01.04.2023).

Гриненко Александр Викторович
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации, г. Москва

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию норм права, содержащихся в УПК РСФСР 1922–1923 гг., которые закрепляли права лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальное отношение. Особое внимание уделено сравнению таких прав с положениями, закрепленными в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве.*

***Ключевые слова:** уголовное дело, уголовный процесс, права личности, обвиняемый, следователь, прокурор*

После периода «революционной законности» УПК РСФСР 1922 г. стал одним из первых кодифицированных актов нового государства¹⁶. С одной стороны, он оставил общую структуру предварительного расследования и судебного разбирательства, с другой – гораздо больше внимания уделил нормативному выражению прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения. В 1923 г. была принята новая редакция УПК РСФСР¹⁷, которая и действовала вплоть до 1960 г.¹⁸

Процессуальные права лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам, зависят от стадии и этапа уголовного судопроизводства, на котором возникают и развиваются соответствующие правоотношения. При этом несмотря на то, что в настоящее время права и законные интересы участников процесса

¹⁶ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230. Данный акт перестал применяться с принятием УПК РСФСР 1923 г., но был признан фактически утратившим силу в 1928 г. См.: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25 января 1928 г. «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23602#GT6FLkTO6cztp3Fw> (дата обращения: 20.03.2023). В этой связи в настоящей статье в дальнейшем мы будем использовать именно УПК РСФСР 1923 г.

¹⁷ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

презюмируются как защищенные гораздо полнее, в УПК РСФСР 1923 г. содержалось значительное число правоположений, которые также являются весьма актуальными и в настоящий период развития государства и общества.

Так, в УПК РСФСР было установлено правило, позволявшее отказать в возбуждении уголовного дела или прекратить производство по нему, в том числе в случаях, когда «деяние не может признаваться общественно-опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным» (ст. 4-а УПК РСФСР 1923 г.). Несомненно, это правило обеспечивало более гибкое и справедливое реагирование в случаях обнаружения признаков малозначимых преступлений.

Полномочия судьи или прокурора по освобождению из-под стражи лица, находящегося под стражей с нарушением закона, распространялись на все уголовные дела, находившиеся в пределах участка или района, где действовал судья или прокурор, вне зависимости от того, в чьем производстве находилось уголовное дело (ст. 7).

Вместе с тем полномочия прокурора по поддержанию государственного обвинения явно затушевывали собственные полномочия потерпевшего, которые ограничивались лишь уголовными делами частного обвинения. Лишь в современном УПК РФ потерпевший и его представитель вправе участвовать на стороне обвинения по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прежде всего путем выступлений в прениях сторон (ч. 2 ст. 292).

В УПК РСФСР 1923 г. содержалось правило, которое повторно появилось совсем недавно и которое сейчас названо преюдицией (ст. 90 УПК РФ). Причем с 1923 г. преюдиция действовала несимметрично, преимущественно в пользу лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование. Так, решения гражданского суда, вступившие в законную силу, не означали, что лицо, которое совершило гражданско-правовой деликт, обязательно будет признано виновным в совершении преступления (ст. 12). Что же касается вступившего в законную силу приговора, то он, наоборот, обязателен для гражданского суда, если этим судом рассматриваются гражданско-правовые последствия преступления (ст. 13).

Если лицо не владело языком уголовного судопроизводства, то через переводчика оно уведомлялось не только о содержании процессуальных документов, но и о самом факте производства судом тех либо иных действий (ст. 22 УПК РСФСР).

Задержание подозреваемого было предписано осуществлять лишь при наличии соответствующих оснований (ст. 100 УПК РСФСР). Вместе с тем в качестве самостоятельных оснований применялись сведения, подтверждающие, что подозреваемый покушался на побег или был задержан во время побега, не имел постоянного места жительства или места постоянных занятий, либо когда его личность не была установлена. В настоящее время действует более выверенное правило, согласно которому эти основания применяются не в качестве самостоятельных, а в случаях, когда имеются конкретные доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления, однако они не являются настолько весомыми, чтобы самим выступать в качестве оснований (ч. 2 ст. 91 УПК РФ).

В УПК РСФСР содержалось важнейшее положение, которого очень не хватает в современном уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в ст. 111 указано, что следователь был обязан «выяснять и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности». Далее, в ст. 112 содержалось правило, согласно которому следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего его рассмотрения.

В настоящее же время следователь однозначно отнесен к участникам процесса со стороны обвинения (гл. 6, ст. 38 УПК РФ). Непосредственно в тексте статьи, устанавливающей полномочия следователя, вышеперечисленные правила, к сожалению, не содержатся. Необходимость установления следователем не только обвинительных, но и оправдательных доказательств в полной мере подтверждается Конституционным Судом Российской Федерации¹⁹, однако законодательного выражения до сих пор это не нашло.

В УПК РСФСР права обвиняемого обеспечивались и путем ограничения возможностей следователя. Так, в ст. 136 было указано, что следователь не вправе домогаться показания или признания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер.

Весьма интересным было закрепленное в ст. 186 УПК РСФСР правило о том, что свидетелю по его просьбе предоставлялось право собственноручного написания показаний. Такая возможность имела у участников процесса и по УПК РСФСР 1960 г., однако по неизвестной причине исчезла из ныне действующего уголовно-процессуального законодательства России.

В УПК РСФСР был закреплен ряд норм, устанавливающих ограничения для следователя. Так, при производстве обыска следователь был обязан принимать надлежащие меры к тому, чтобы не были разглашены обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имевшие отношения к делу (ст. 181). Всякого рода заявления и претензии по поводу обыска или выемки должны быть занесены в протокол (ст. 185).

Освидетельствование лица так же, как и в настоящее время, производилось следователем одного пола с освидетельствуемым, если это сопровождалось обнажением освидетельствуемого человека. Вместе с тем в случае согласия такого лица при производстве освидетельствования следователь мог присутствовать (ст. 191).

Значительное число норм, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов личности, было закреплено в главе XVIII «Обжалование действий следователя» УПК РСФСР 1923 г.

Что касается судебного разбирательства, то также имелся ряд инстанций, в которых имела возможность обжалования приговоров и иных судебных

¹⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 881-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крушинского Владислава Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 164, 172, 195 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132029/ (дата обращения: 25.03.2023).

решений. Кроме того, в каждой из инстанций предоставлялись дополнительные возможности лиц по отстаиванию своих прав и законных интересов.

Естественно, что нормативное провозглашение определенных прав участников процесса отнюдь не означает, что все они обеспечивались на практике. Вместе с тем их исследование, особенно в сравнении с ныне действующими, позволяет применить наиболее удачные правовоположения в ходе совершенствования УПК РФ и современной правоприменительной практики.

Список источников:

1. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

2. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

3. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25 января 1928 г. «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23602#55b8yjTUN7KRLQuY1> (дата обращения: 20.03.2023).

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4952.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2012 г. № 881-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крушинского Владислава Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 164, 172, 195 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132029/ (дата обращения: 25.03.2023).

Деришев Юрий Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права
и процесса Сибирского юридического
университета, г. Омск

УГОЛОВНОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УПК РСФСР И УПК РФ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И АНТАГОНИЗМЫ

*«Мы вопрошаем и допрашиваем
прошедшее, чтобы оно объяснило
нам наше настоящее и намекнуло
о нашем будущем»
Виссарион Белинский*

***Аннотация.** Предложенная публикация продолжает исследование путей развития отечественного уголовного досудебного производства в целях определения оптимальных путей совершенствования его процедурного и функционально-правового построения. Проводится историко-правовой анализ влияния законодательства советского периода развития досудебного производства на его современное устройство. В этих целях сопоставляются положения УПК РСФСР и УПК РФ.*

***Ключевые слова:** досудебное производство, предварительное следствие, дознание, возбуждение уголовного дела*

История уголовного судопроизводства России, это прежде всего эволюция его досудебной составляющей, проблемы процедурного и функционально-правового построения которого всегда вызывали наиболее принципиальные дискуссии в «правоприменительном и научном цехах» отечественной юриспруденции. Можно также утверждать, что это и история поиска баланса консервативного и либерального, а именно эффективности контроля преступности и гарантий прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство [1].

1. *О соотношении предварительного следствия и дознания.* В качестве яркого примера данного заключения можно рассматривать стратегию отечественного законодателя при формировании первых УПК Советской России. По признанию одного из авторов УПК РСФСР 1922 г. П.А. Кемпе, в основе создания закона лежал метод компиляции норм и положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в результате чего первый советский уголовно-процессуальный кодекс во многом сохранил процедурную и функциональную конструкцию до-революционного досудебного производства.

Вместе с тем в Уголовно-процессуальном кодексе 1923 г. институт предварительного расследования был серьезно трансформирован с уклоном на администрирование данной деятельности. В основе этого лежало желание государства

более эффективно влиять на результаты уголовного судопроизводства, что не позволяло в полной мере делать более процессуальный УПК РСФСР 1922 г.

Так, УПК 1923 г. сохранил следователя при судебной власти, одновременно соединив в его руках функции розыска, обвинения, защиты и, в некоторых случаях, судьи. По меткому замечанию П.И. Люблинского, «эта нерасчлененность в должности следователя различных процессуальных видов деятельности приводит к тому, что равновесие между ними находится в зависимости от субъективных качеств следователя и легко может быть нарушаемо в ту или иную сторону» [3, с. 4]. Уголовно-процессуальная деятельность следователя все больше подчинялась прокурорскому надзору. Дознание, роль которого постоянно увеличивалась, стало сближаться с предварительным следствием, а то в свою очередь, «стало скорее квалифицированной формой дознания, производимой особым органом – следователем [3, с. 4]. История со всей очевидностью свидетельствует, что подобное проблемное положение сохранилось в России и в советский, и в постсоветский период развития уголовно-процессуального законодательства.

Так, на деле реализовав пророчество П.И. Люблинского, УПК РСФСР 1960 г. принципиально закрепил принадлежность следователя власти административной. Подобную организацию досудебного производства предложил и УПК РФ 2001 г.: на сегодняшний день предварительное следствие в соответствии с ч. 2 ст. 151 УПК РФ осуществляют *следователи* Следственного комитета, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел Российской Федерации. Тем самым, с одной стороны, законодатель *предполагает*, что следователь остается единым (вневедомственным) субъектом уголовного процесса, с другой, не отрицает его организационную принадлежность полицейским структурам государства.

УПК РСФСР 1922 г. отличался строгим нормативным разграничением предварительного следствия и дознания: полицейские органы (как и согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.) были обязаны производить негласный розыск и *дознание*, где устанавливалось событие преступления и подозреваемый в его совершении, после чего эти сведения передавались следователю (судебному органу) для их проверки и оценки в ходе предварительного следствия в целях обеспечения нормального отправления правосудия [4, с. 251].

С введением в действие УПК РСФСР 1923 г. стало заметно стирание граней между предварительным следствием и дознанием, которое все больше становилось процессуальной деятельностью. В связи с этим М.С. Строгович выступил с предостережением о смешении этих форм предварительного расследования, обратив внимание на необходимость «четкого размежевания компетенции и полномочий различных государственных органов: предварительного следствия и дознания» [5, с. 24].

Кроме того, в УПК РСФСР 1923 г. был закреплен новый процессуальный институт – дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, т.е. дознание, не предшествующее предварительному следствию, а его заменяющее (в связи с этим термин «дознание» здесь, безусловно, неуместен). Кроме этого, УПК РСФСР 1923 г. устанавливал, что акты дознания могут послужить основанием к преданию суду по делам, не требующим производства предварительного

следствия (ст. 98), а дознание могло проводиться по общим правилам, установленным для предварительного следствия (ст. 101).

Более того, по делам, переданным следователю, акты дознания имели доказательственную силу одинаковую с материалами предварительного следствия, и следователь освобождался от обязанности повторять действия, уже выполненные органами дознания. Статья 109 УПК РСФСР 1923 г. разрешала следователю не производить предварительного следствия или ограничиться производством отдельных следственных действий, если тот признает поступившие материалы дознания достаточно полными.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство 1922–1923 гг. значительно расширило круг органов дознания, более четко определив их задачи, а также увеличив число неотложных следственных действий. Ст. 99 УПК РСФСР 1923 г. обязывала органы дознания принимать меры к сохранению следов преступления, если они могут быть уничтожены или скрыты, в том числе путем производства неотложных следственных действий: опроса подозреваемого и свидетелей, производства выемки, обыска, осмотров и освидетельствования.

Необходимо признать, что серьезное влияние на процесс стирания граней между формами расследования оказали изменения, внесенные в УПК РСФСР постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. Так, согласно новой редакции ст. 108 УПК РСФСР, следователь получал право с разрешения прокурора передать расследование любого дела иным органам расследования [6].

Оценивая практику тех лет, Н.В. Жогин отмечал весьма значительный удельный вес дознания в общем объеме производства предварительного расследования [7, с. 8], в то время В.И. Громов прямо констатировал: «В наших условиях недостаточности следственного аппарата почти все преступления проходят первоначально через органы дознания. Это, однако, не есть только результат случайных причин. Согласно общему духу нашего УПК нет принципиальной разницы между органами дознания и органами следствия, представляющими собой лишь две ступени одного и того же процесса расследования» [8, с. 22].

Более того, по наблюдениям В.А. Стрёмовского, «установленные УПК 1922 г. и УПК 1923 г. границы между дознанием и следствием начали практически стираться уже в 1924 г. после V-го Всероссийского съезда деятелей советской юстиции». Съезд признал необходимым значительно сблизить дознание и следствие исходя из того, что «разница между ними лежит в сложности самих действий и в сложности самих объектов исследования, являющихся предметом их компетенции... Различие сводится к функциональному размежеванию» [9, с. 80].

Таким образом, к началу 30-х гг. прошлого столетия слияние предварительного следствия и дознания стало вполне очевидным и состоявшимся процессом. Причины не менее откровенны: прокуроры и следователи стали широко использовать возможность перенаправления органам дознания расследование уголовных дел, по которым требовалось предварительное следствие (фактически злоупотребляя этим правом), о чем позже писал М.С. Строгович.

2. *Возбуждение уголовного дела.* Первые «следы» данного института можно обнаружить уже в положениях Декрета о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. [10], ст. 3 и 8 которого определяли органы, которые могли *начинать и вести* уголовное

судопроизводство. Уже в постановлении НКЮ РСФСР от 16 декабря 1917 г. была сделана попытка закрепить требование о производстве отдельных следственных действий лишь в связи со следственным производством, т.е. только после возбуждения уголовного дела [11], а постановлением НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» впервые определялись *породы к возбуждению уголовного дела* [12].

Термин «возбуждение дела» уже активно использовался в УПК РСФСР 1922 г. наряду с термином «возбуждение уголовного преследования» (ст. 9), которое *осуществлялось прокурором перед «судебными и следственными органами»*, а также являлось синонимом термина «возбуждение производства по уголовному делу» [13, с. 6].

Вместе с тем, несмотря на то что в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. была включена самостоятельная глава «Возбуждение производства по уголовному делу», говорить о формировании самостоятельного института возбуждения уголовного дела тогда было еще преждевременно.

Как представляется, доследственное производство, аналогичное современному, стало формироваться после передачи следственного аппарата в органы прокуратуры в конце 20-х гг., а окончательно данный институт в нынешнем виде по мнению экспертов фактически состоялся к середине 30-х гг. прошлого столетия [14, с. 17]. Действительно, после выступления А.Я. Вышинского 23 апреля 1934 г. на I Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников была принята резолюция, п. 13 которой гласил: «В целях устранения необоснованного возбуждения уголовных дел и усиления контроля за этим установить, что возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место только по мотивированному постановлению соответствующего органа, утвержденному прокурором» [15]. Уже 15 августа того же года Прокурор СССР своим циркуляром придал этому решению *обязательную силу* [16, с. 106–108]. Очевидно, что эти решения принимались в развитие тенденции усиления роли прокурора в уголовном судопроизводстве и циркуляром Прокурора СССР от 26 февраля 1937 г. была установлена типовая форма постановления о возбуждении уголовного дела [17, с. 219–221; 18, с. 150].

Как самостоятельная стадия уголовного процесса возбуждение уголовного дела законодательно оформилось с принятием УПК РСФСР 1960 года. В дальнейшем данный институт развивался с уклоном на уточнение перечня поводов к возбуждению уголовного дела; законодательное закрепление правовых средств и процедуры так называемой доследственной или предварительной проверки; поиск новых оснований к отказу в возбуждении уголовного дела; введение специальных (больше напоминающих административные) форм возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий граждан; и др.

Все эти обстоятельства оказали существенное влияние на проблемы присутствия института возбуждения уголовного дела в УПК РФ. Как известно, законодатель «вспомнил» о приведенной выше резолюции и в первые годы действия УПК РФ, когда возбудить уголовное дело без согласия прокурора было нельзя. Вместе с тем маятник реформ качнулся в противоположную сторону и с 2007 г. прокурор наряду с большинством своих надзорных полномочий за законностью

предварительного следствия утратил и право самостоятельно инициировать уголовное преследование. Присутствовало и впечатление, что стадия возбуждения уголовного дела как «реликт» социалистической законности, постепенно отмирает по причине полного отсутствия процессуальных средств [19, с. 34–36]. Но все довольно быстро изменилось, и снова не без участия ведомственного интереса и запроса заинтересованных структур.

Так, после создания Следственного комитета Российской Федерации, и особенно его автономизации, молодая следственная бюрократия настояла на законодательном расширении возможностей доследственной проверки, что фактически и произошло путем радикальной модернизации в сторону увеличения средств ст. 144 УПК РФ.

В результате этой «ведомственной инициативы» стадия возбуждения уголовного дела практически трансформировалась в самостоятельное производство предварительного расследования первого уровня, порой довольно квалифицированное, время- и ресурсозатратное, где уже определяется судебная перспектива уголовного дела, получают полноценные доказательства, но при серьезных ограничениях возможностей субъекта уголовного преследования противостоять обвинительной деятельности и при отсутствии определенной статусности иных участников.

Как результат, Следственный комитет Российской Федерации, как один из «виновников» создания подобного положения, трансформировался в «доследственный», что явилось одним из серьезных недостатков организации всего следственного дела. Более того, правоохранительная система государства в последние годы постепенно переместила производство доследственной проверки из полномочий органов дознания в обязанности следователя, что серьезно отразилось на рабочей нагрузке последних и стало причиной профессиональной деградации первых.

Как представляется, современные проблемы организации досудебного производства – это во многом последствия тех процессов, которые описаны в настоящей публикации и проходили в стране в последнее столетие. Это и результат хронического игнорирования разрешения противоречий выбора оптимального устройства досудебной фазы отечественного уголовного судопроизводства.

Список источников:

1. Деришев Ю.В. О здоровом консерватизме уголовного процесса // Вестник Омского университета. Серия Право. 2008. № 1(14). С. 42–48.
2. Государственный архив Российской Федерации. 1920. Фонд 353. Опись 4. ед. хр. № 302.
3. Люблинский П.И. Предварительное следствие (Общие условия производства предварительного следствия. Гл. IX Уголовно-процессуального кодекса). М.: Право и жизнь, 1923. 46 с.
4. Положения, инструкции, циркулярные распоряжения по выработке инструкции для народных следователей // ГАРФ. Ф. 353. Оп. № 3. № 25. 14 янв. 1919 г. – 27 авг. 1920 г.

5. Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином» следственном аппарате // Соц. законность. 1957. № 5. С. 17–26.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 87-88. Ст. 849.
7. Жогин Н.В. История развития и совершенствования предварительного следствия в СССР // Соц. законность. 1967. № 1. С. 3–11.
8. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. М., 1925. 210 с.
9. Стремовский В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1958. 136 с.
10. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
11. СУ РСФСР. 1917. № 9. Ст. 145.
12. СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.
13. Васильев О.Л. Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2003. № 4. С. 3–26.
14. Гаврилов Б.Я. Проект уголовно-процессуального кодекса РФ и вопросы досудебного производства // Юридический консультант. 1998. № 1. С. 13–18.
15. Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников (1; 1934; Москва). Резолюции I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников и I Всесоюзного совещания прокурорских работников. 23–27 апр. 1934 г. М.: Сов. законодательство, 1934. 30 с.
16. Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры СССР. М., 1936. 168 с.
17. Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР. М., 1934. 307 с.
18. Сборник приказов Прокуратуры СССР, действующих на 1 декабря 1938 г. М., 1939. 279 с.
19. Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36.

Джати́ев Влади́мир Солта́нович
доктор юридических наук, профессор,
профессор Высшей школы правоведения
Института государственной службы и
управления Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, г. Москва

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация.** 100-летие первых советских уголовно-процессуальных кодексов – явление, безусловно, знаменательное, обязывающее мысленно заглянуть в сравнимую с переживаемым моментом историю и извлечь уроки. Однако, памятуя о безграничности человеческой любознательности, имеется опасность осознать собственную беспомощность к памятной дате, системно разобраться в огромной массе правового и научного материала. Поэтому рациональнее больше внимания уделить проблемам методологического несовершенства современного российского уголовного процесса.*

***Ключевые слова:** уголовное право, уголовный процесс, предварительное расследование, судебное разбирательство, методологические проблемы*

1. Проблема понимания уголовного права

Традиционно термином «уголовное право» принято обозначать уголовное материальное право. Тем не менее мы давно свыклись с обособлением трех номинально уголовных отраслей права – уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права – и существованием трех номинально уголовных законов – уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации. Никого не смущает иррациональность подобной трихотомии уголовного права. Тем не менее уголовное право может быть либо материальным, либо процессуальным. Как говорили древние римляне, «*tertium non datur*».

Мы до сих пор не можем четко сформулировать критерии разграничения норм материального и процессуального уголовного права, а следовательно, и предметы соответствующих отраслевых наук, то и дело заступая на смежную территорию. В то же время рядом существует методологически ничем не обоснованное волевое (искусственное) правовое образование – уголовно-исполнительное право, основное содержание которого при ближайшем и внимательном рассмотрении представлено даже не нормами, а фрагментами норм материального и процессуального уголовного права.

Материально-правовая фракция данного правового образования состоит из положений о средствах уголовно-правового воздействия на преступников, являющихся фрагментами санкций норм уголовного материального права, применяемых судами при постановлении приговоров или решений, корректирующих приговоры в этой части. Нет никаких оснований не признавать, что санкции норм уголовного материального права формируются из положений Общей и Особенной частей УК РФ, а также положений УИК РФ.

Констатируя, что норма материального права реализуется в процессуальной форме, давно уже нет необходимости ссылаться на авторитет Карла Маркса и его статью «Дебаты по поводу закона о краже леса». Однако если данную констатацию абсолютизировать, то можем договориться до того, что уголовный процесс в современном понимании – вовсе не уголовный процесс, поскольку он не является формой реализации нормы уголовного материального права, а является лишь формой установления основания для судебного применения этой нормы. И самое неожиданное для обывателя: примененная судом норма материального уголовного права реализуется в процессуальной форме, установленной УИК РФ.

В контексте постановки проблемы актуален вопрос о случайности, недоразумительности уголовно-правовой характеристики мер правового воздействия на лицо, совершившее преступление, за пределами уголовной ответственности, а также производства по применению принудительных мер медицинского характера к душевно больным.

Есть все основания задуматься о законодательном реформировании уголовного материального и уголовного процессуального права.

2. Проблема разграничения уголовного материального и уголовного процессуального правоотношений

Вопросы уголовно-процессуальных и уголовно-материальных правоотношений, их соотношения и разграничения не отмечены особым интересом со стороны исследователей, что не равнозначно отрицанию их актуальности. Если уголовно-материальное правоотношение в видовом исчислении единично, то об уголовно-процессуальных отношениях приходится говорить во множественном числе, во всяком случае, в сегменте привычного уголовного процесса, в рамках которого устанавливается основание привлечения к уголовной ответственности человека, совершившего преступление.

В публичном уголовном процессе стержневыми являются правоотношения между государством и лицом, по мнению государства, предположительно (подозреваемым), утвердительно (обвиняемым) или реально совершившим преступление (осужденным, в отношении которого приговор вступил в законную силу). Они могут возникать (развиваться) лишь в указанной последовательности и характеризуются полным набором структурных элементов – объектом, сторонами, правомочиями сторон и их деятельностью в порядке реализации правомочий. Объектом этих правоотношений является преступление, соответственно предполагаемое, утверждаемое или реально совершенное. Одной из сторон является государство в лице дознавателя и следователя, формально обозначивших в отношении человека свое подозрение в совершении преступления, дознавателя, следователя и прокурора, обвиняющих человека в совершении преступления, и суда, констатировавшего факт

совершения преступления вступившим в законную силу приговором, или суда, констатировавшего то же самое, пусть с некоторыми изменениями, иным последующим решением. Другой стороной является человек, являющийся соответственно подозреваемым, обвиняемым или тем, факт совершения преступления которым подтвержден одним из указанных судебных решений. В отношении подозреваемого государство при наличии оснований обязано применять меры процессуального принуждения, а подозреваемый вправе защищаться от неправомерного применения к нему мер принуждения. Государство как обвинитель в силу презумпции невиновности обвиняемого обязано доказывать виновность обвиняемого, а обвиняемый вправе защищаться от незаконного и необоснованного обвинения любыми законными средствами и методами. Суд, констатировавший факт совершения человеком преступления, обязан мотивировать свое решение, а человек, признанный преступником, имеет право защищаться от незаконного и необоснованного судебного решения. Наконец, правоотношения становятся реальностью при реализации сторонами своих прав и обязанностей. Универсальным основанием прекращения этих правоотношений является факт прекращения уголовного дела. Кроме того, основаниями прекращения этих правоотношений являются дезавуирование соответственно подозрения, обвинения и констатации факта совершения преступления.

Юридическим фактом, порождающим уголовно-материальное правоотношение, является вступление в законную силу обвинительного приговора. Это означает, что объектом правоотношения является преступление. Сторонами правоотношения являются государство (в лице органов и лиц, ведающих исполнением наказания и иных мер уголовно-правового воздействия на преступника, определенных судом в пределах санкции примененной нормы материального уголовного права) и преступник. При этом государство вправе применить указанные меры воздействия к преступнику, а преступник обязан их претерпеть. Свидетельством реальности уголовно-материального правоотношения является реализация сторонами соответствующих права и обязанности. И два основных вывода. Первый: уголовно-материальное правоотношение есть ни что иное, как уголовная ответственность. В ином виде уголовная ответственность не существует и не может существовать. Второй: форма (порядок) деятельности сторон правоотношения уголовной ответственности, безусловно, – уголовно-процессуальная.

В контексте сказанного актуализируется общетеоретически неоспариваемое соотношение: одна норма – одно правоотношение. Беспокойство вызывает повальное признание в каждом незначительном правовом положении самостоятельной нормы права. Это при том, что ни одна норма материального или процессуального уголовного права целю не сформулирована ни в одной статье любого из уголовных кодексов, равно как в текстах этих кодексов при полном их сложении. Здесь никак не обойтись без процедуры конкретизации норм.

3. Проблемы организации предварительного расследования и судебного разбирательства

Предварительное расследование и судебное разбирательство – два основных вида уголовно-процессуальной познавательной деятельности, проблемность организации которых вызывает беспокойство.

До неоправданно расширенной доследственной проверки редко кто мог себе позволить процессуальную суету между регистрацией первичной информации о преступлении и решением о возбуждении уголовного дела назвать частью (начальным этапом) предварительного расследования преступления [1, с. 27–30]. Сейчас же вряд ли найдутся серьезные аргументы в опровержение подобного утверждения. Настало пора определить место в отраслевой систематизации права правовому образованию, нормы которого регулируют оперативно-розыскную деятельность, направленную, как и предварительное расследование, на раскрытие преступлений. Деятельность, однозначно, – процессуальную. Есть основания рассматривать указанное правовое образование в качестве института уголовно-процессуального права. Но при этом придется смириться с «разбросом» ее норм по разным нормативным правовым актам (желательно, не навсегда) как законодательным, так и подзаконным. В перспективе просматривается актуализация идеи единого предварительного расследования преступлений, с дифференциацией на оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие и расширением представлений о тайне предварительного расследования, имея в виду негласность большей части оперативно-розыскной деятельности.

Судебное же разбирательство постепенно теряет свое изначальное смысловое содержание несмотря на то, что судебное разбирательство отождествляется с судебными заседаниями судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций (п. 51 ст. 5 УПК РФ). Содержание судопроизводства в судах кассационной и надзорной инстанций давно не соответствует законодательной констатации. Законодатель же договорился уже до судебного заседания без проведения судебного разбирательства (ст. 316 УПК РФ). Оговорка об исключениях из некогда уголовно-процессуального принципа непосредственности исследования доказательств в ходе судебного разбирательства фактически стала нормой, а норма – исключением из нее (ст. 240 УПК РФ). А ведь судебное разбирательство наивным студентам преподносится как обязательный признак правосудия?!. Подобная практика «судебного разбирательства» чревата серьезными негативными социальными последствиями, не обращать внимания на которые – безответственно.

Инстанционная организация осуществления правосудия без реального доступа к нему и фактическом бесправии судов превратилась в фикцию.

4. Проблемы государственного социального управления уголовно-правовыми средствами

Взаимоотношения государства и общества носят характер управленческих. Государство управляет обществом посредством правотворчества и право-реализующей практики. Уголовное правотворчество и практика уголовного правоприменения не являются исключением. Но это в общей теории. На самом же деле нет никаких оснований усматривать в уголовном правотворчестве и практике реализации норм уголовного (материального и процессуального) права каких-либо признаков осознания их управленческой сущности, т.е. осознанного и целенаправленного позитивного воздействия на общественное сознание и общественные процессы. Постановка проблемы государственного социального управления уголовно-правовыми средствами актуальна как никогда.

5. Проблема частноправового вмешательства в публичный уголовный процесс и «поощрительных» процедур

В науке уголовного права пропагандируются взгляды, ставящие под сомнение публично-правовую сущность уголовной ответственности, а также исключительность (абсолютность) компетенции государства по вопросам уголовной ответственности. Имеются в виду публикации, оправдывающие идеи и практику уголовно-правового поощрения, компромисса и договорного начала как явления, сопутствующие уголовной ответственности или же полностью ее заменяющие.

Очередной раз дождались неизбежного – начала массового увлечения идеей приемлемости так называемых поощрительных форм уголовного судопроизводства. Как же, есть «теория поощрения» в уголовно-правовой науке, почему бы не быть ей в науке уголовно-процессуальной. Жизненный опыт подсказывает, что увлеченность этой идеей не сменится безразличием или покаянием за имевшее место заблуждение, пока словесная несдержанность не будет до конца утолена, пока не будут исписаны тонны бумаги, пока не будет защищено множество кандидатских и докторских диссертаций и не появится новое увлечение, охватившее массами исследователей.

Не разобравшись в понятии поощрительной нормы уголовного права, новаторы утверждают, что они реализуются посредством поощрительных форм уголовного судопроизводства [2]. «Убедительные» разъяснения задолго до этого (1994 г.) дал Ю.В. Голик, усматривающий одновременное существование уголовных «правоотношений основного типа» и «правоотношений, возникающих на основе поощрительных норм в уголовном праве» («поощрительных отношений»). По его мнению, «основным правоотношением в уголовном праве следует признать отношение между государством и преступником по поводу преступления и уголовной ответственности за содеянное или даже просто по поводу ответственности. Данное правоотношение возникает не просто по поводу ответственности, а по поводу наложения обременений (по поводу размера, вида, срока наказания, в частности)». В его представлении правовые отношения «на основе уголовно-правовых поощрительных норм ... также возникают по поводу ответственности (но далеко не всегда по поводу преступления), однако, опять же, не просто по поводу ответственности, а по поводу устранения обременений. Здесь действует другой основной принцип: за большую заслугу (основание поощрения) большее поощрение, что соответствует и большему устранению обременений и, следовательно, фактическому наложению обременений в меньшем объеме». Если «уголовное правоотношение основного типа возникает в момент совершения общественно опасного деяния, как правило, оконченого преступления», то «возникновение ... поощрительного уголовно-правового отношения связано совсем с иными юридическими фактами», которые «могут находиться в прямой связи и даже зависимости с готовящимся, совершаемым либо уже совершенным преступлением... Причем совершает преступные действия и действия, вызывающие к жизни поощрительные уголовные правоотношения, одно и то же лицо» [3, с. 32–34]. Государство также рассматривается как «обязательный субъект уголовно-правового отношения любого вида» [3, с. 35].

К сожалению, автор не понял, по крайней мере на момент написания цитируемой работы, что правоотношений «на основе уголовно-правовых норм» «по поводу ответственности», но «не по поводу преступления» в природе быть не может. Он не понял, что между государством и человеком, совершившим преступление, не может быть двух или нескольких разных уголовных правоотношений, «вызываемых к жизни» совершенным преступлением, чтобы в рамках одного из них государство накладывало обременения на этого человека, а в рамках другого (других) облегчало эти обременения (накладывало «в меньшем объеме») или снимало их вовсе. Более того, им не дано четкого определения поощрительных норм уголовного права и не проведено внятного разграничения этих и иных норм уголовного права. Утверждается лишь, что структурно «любая поощрительная норма должна указывать «на условия, при которых поощрительная норма реализуется», «на положительное поведение, которое поощряется», а также «на положительные, благоприятные для лица юридические последствия ... позитивного поведения (поощрение)» [3, с. 25]. Не предложено систематизированного реестра поощрительных норм уголовного права и соответствующих поощрений. Отмечается только, что «устранение обременений» неоднородно и «может выступать в виде обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности, смягчающего условия отбывания наказания, досрочно освобождающего от отбывания наказания, досрочно освобождающего от правовых последствий ранее совершенного преступления (снятие судимости)» [3, с. 24]. При этом Ю.В. Голик умалчивает о том, что так называемые поощрительные нормы (в принципе, это вовсе не нормы, а правовые положения, представляющие собой фрагменты диспозиций и санкций применяемых норм уголовного права) являются преимущественно диспозитивными, так как их применение зависит от усмотрения суда.

6. Гносеологические и формально-логические проблемы уголовного процесса

Придерживаясь особого мнения, В.М. Савицкий единственным общепринятым значением понятия доказывания признавал обоснование определенного утверждения, тезиса (обвинения). Вместе с тем, по его мнению, необходимо считаться и с традиционным отождествлением в юриспруденции доказывания с познанием (исследованием, выяснением, проверкой), а также с тем, что уголовно-процессуальное законодательство употребляет термин «доказывание» в обоих значениях. Абсолютизацию того или иного значения понятия доказывания он называл неприемлемой крайностью [4, с. 158; 5, с. 149–153].

Речь, конечно же, не об абсолютизации, а всего лишь о необходимости следования простой логике, которую В.М. Савицкий на тот момент считал неприемлемой крайностью. Может быть настало время различать познание и обоснование истинности знания вообще и, применительно к реалиям уголовного процесса, в частности? Сколько можно поощрять бездоказательное обвинение, игнорируя простейшие правила логического доказательства.

И в заключение: не разрешая методологические проблемы, мы обрекаем себя на вечное исправление нескончаемых ошибок.

Список источников:

1. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. 152 с.
2. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства и правоприменительные проблемы их реализации // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://www.iauaj.net/node/3241> (дата обращения: 30.05.2023). Режим доступа: свободный.
3. Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.
4. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971.
5. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: Наука, 1987.

Кожевников Олег Альбертович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса Уральского
государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург;

Зайцева Ирина Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса Уральского
государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ПО ПЕРВЫМ УПК РСФСР И ПОЛОЖЕНИЮ О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ 1922 Г.)

***Аннотация.** В статье анализируются полномочия прокурора в досудебных стадиях, предусмотренные УПК РСФСР 1922 и 1923 г., Положении о прокурорском надзоре, а также иных нормативных актах, рассматриваются взаимоотношения суда, прокурора, следователя и органа дознания. Исследуется эволюция перехода судебного контроля за законностью проведения расследования к прокурорскому надзору.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, прокурор, прокурорский надзор, следователь, орган дознания*

Впервые в законодательстве советской эпохи прокуратура упоминается как орган государства в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом 25 мая 1922 г. [1, с. 109]. Позднее, 26 мая 1922 г., III сессия ВЦИК РСФСР приняла Положение о прокурорском надзоре²⁰, а 28 мая оно стало законом, который вводился в действие с 1 августа 1922 г.²¹ Оно гласило, что в целях осуществления надзора за соблюдением законов всеми органами Советской власти и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью в составе органов Народного Комиссариата Юстиции учреждается государственная прокуратура. В числе других задач на прокуратуру возлагалось возбуждение уголовного преследования против виновных и непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и органов дознания в области раскрытия преступлений, а также

²⁰ СУ РСФСР. 1922. № 36. С. 424.

²¹ См.: СУ РСФСР. 1922. № 44. Ст. 539.

наблюдение за деятельностью Государственного политического управления. В области борьбы с преступностью на прокуратуру возлагалось возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц как по собственной инициативе, так и по поступающим к нему жалобам и заявлениям, надзор за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросам о направлении и дополнении дознания и предварительного следствия, по вопросам о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием, вопросам, разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел по поступающим к нему от органов дознания делам, утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, и составление обвинительного акта в случаях несогласия прокурора с заключением следователя с направлением таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения (п. 13).

Портнов В.П. и Славин М.М., проанализировав первое Положение о прокурорском надзоре, отметили, что главной задачей прокуратуры был не общий надзор, а непосредственная деятельность по борьбе с преступностью. Органам прокуратуры предоставлялись особые полномочия по наблюдению за деятельностью судебно-следственного аппарата, и они носили властный характер [2, с. 157].

По справедливому утверждению Л.А. Быкова и Г.А. Квелидзе, **организация** борьбы с преступностью рассматривалась законодателем в качестве самостоятельного направления в деятельности прокуратуры. В соответствии с этим компетенция прокурора различалась в зависимости от того, действует ли он как орган надзора за законностью деятельности НКВД в целом или как орган надзора по конкретным уголовным делам в процессе расследования и раскрытия преступлений милицией, уголовным розыском и ГПУ [3, с. 15–16].

По Положению о прокуратуре прокурор республики мог вносить **предложения** непосредственно в НКВД об отмене или изменении незаконных распоряжений или постановлений, касавшихся организации раскрытия преступлений (п. «а» ст. 9 Положения). В случае невыполнения этих предложений, прокурор республики мог **опротестовать** указанные выше распоряжения и постановления НКВД в совет Народных Комиссаров и Президиум ВЦИК (п. «б» ст. 9 Положения). При всех условиях внесение протеста не приостанавливало действия опротестованных нормативных актов.

Иной характер носили надзорные правомочия прокурора по конкретным уголовным делам. По Положению о прокуратуре 1922 г. (далее – Положение) на прокурора возлагалась обязанность «непосредственного наблюдения за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Государственного политического управления». В ст. 15 Положения указывалось, что «прокуроры вправе требовать для проверки от **всех** действующих в губернии административных учреждений и должностных лиц необходимые сведения и материалы, каковые требования являются для указанных учреждений и лиц обязательными». Причем в законе совершенно четко указывалось, что данное право в полной мере распространяется на **все** материалы, включая оперативно-розыскные дела милиции и Государственного политического

управления. Так, например, в примечании к ст. 15 Положения специально оговаривалось, что «органы Государственного политического управления, признавая то или иное дело имеющим особо секретный характер, вправе требовать, чтобы ознакомление с делом производилось непосредственно самим прокурором». Следовательно, в иных случаях таким правом пользовались не только прокурор, но и его помощники, заместители как полномочные представители прокурорской власти.

В развитие этих нормативных положений УПК РСФСР 1922 г. закрепил право прокурора знакомиться со **всеми** материалами дознания, отменять незаконные постановления органов дознания, рассматривать и разрешать жалобы на их действия по делам, требовавшим производства предварительного расследования. По остальным делам указанные надзорные действия по-прежнему осуществлял еще народный суд. Однако и в данном случае для прекращения дела материалы дознания направлялись прокурору²².

В УПК РСФСР 1922 г. и Положении о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. уже предусматривалось участие прокурора в уголовном процессе. В частности, в нем указывалось, что на прокурора возлагается надзор за производством предварительного следствия, при этом он вправе знакомиться с делом и давать обязательные для следователя указания о направлении и дополнении следствия. Прокурор был обязан немедленно освобождать лиц, заключенных под стражу без законного постановления уполномоченного на то законного органа (ст. 6), возбуждать уголовного преследования по всякому факту совершения преступления (ст. 9), контролировать возбуждение следователем уголовных дел (ст. 101, 112) и избрание им мер пресечения (ст. 151), разрешать ходатайства следователя о выемке почтово-телеграфной корреспонденции (ст. 189), выяснять причины, задерживающие окончание следствия (ст. 119). Статьи 225–236 УПК РСФСР (гл. XIX) посвящались действиям прокурора по прекращению уголовного дела и преданию обвиняемых суду²³.

Судам законодатель предоставил в этой области более широкие процессуальные полномочия. Как отмечалось в литературе, он в целом ряде случаев мог отменять распоряжения, в других случаях заинтересованное лицо имело возможность добиваться отмены распоряжения прокурора путем обжалования соответствующих действий следователя опять-таки в суд. Таким образом, концентрации руководства следствием в руках прокуратуры не получилось, параллелизм в этом деле не был устранен. Двойное подчинение следственных органов и связанное с этим обязанности по руководству следствием между судом и прокуратурой создавало ряд практических неудобств и отрицательно сказывалось на организации и руководстве следственной работой в целом. Поэтому вскоре наметилась тенденция полностью подчинить следственный аппарат одному органу – прокуратуре и передать ей для этого не только все процессуальные, но и административные полномочия в отношении органов предварительного следствия. Полная

²² См.: Быков Л.А., Квелидзе Г.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия МВД. Тбилиси, 1975. С. 16–17.

²³ СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

передача следователей в состав прокуратуры вызывалась, кроме того, необходимостью освободить суд, проверяющий качество предварительного следствия по конкретному делу в стадии предания суду, от надзора за расследованием этого дела, ибо соединение двух этих функций в руках одного и того же органа отрицательно отражалось на отправлении правосудия. В тот период вопрос о передаче следственного аппарата еще не был решен до конца, следователи по-прежнему продолжали находиться при суде, однако оперативное руководство их деятельностью постепенно все более и более сосредоточивалось в органах прокуратуры [4, с. 56; 5, с. 36–37].

Во Временной инструкции НКЮ Губернским прокурорам «Об общих задачах, возлагаемых на прокурора» от 29 июля 1922 г. указывалось:

«2. Прокурор должен явиться тем центром, в котором сосредотачиваются все жалобы и сообщения учреждений и лиц, разоблачения печати о различных преступных действиях как частных лиц, так и органов власти, а равно и о преступном бездействии. Ответственность в тех случаях, когда все это остается безнаказанным, возлагается на прокурора...

4. Прокурор ответственен за правильную постановку следственного дела и дознания, а также обвинения в суде, стремясь к тому, чтобы дознание, следствие и обвинение были технически совершенны по форме, а по форме отвечали общему политическому направлению защиты диктатуры пролетариата. Во всех случаях несоответствия указанным задачам следователей, должностных лиц органов милиции и ГПУ, а также прокурорского надзора, прокурор обязан принять зависящие от него меры к замене соответствующими органами неспособных или неподходящих лиц новыми.

13. В обязанности прокурора губернии входит:

В) возбуждение судебного преследования против должностных лиц как по своей инициативе, так и по поступающим жалобам и заявлениям,

Г) надзор за производством дознания и предварительного следствия, не исключая органы ГПУ, и за законностью и целесообразностью принимаемых ими мер пресечения путем дачи этим органам указаний и разъяснений,

Д) участие в распорядительных заседаниях суда по вопросам предания суду и прекращения дел во всех тех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым,

Е) разрешение вопросов о предании суду и прекращении дел, поступающих от органов дознания,

Ж) утверждение обвинительных заключений следователей по тем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление нового обвинительного заключения и предложения суду о прекращении дела в случаях несогласия прокурора с заключением следователя. В соответствии с параграфом 21 в управлении прокуратуры каждой губернии или области создавалось отделение по организации обвинения и надзора за органами следствия и дознания (в том числе и в ОГПУ)»²⁴.

²⁴ Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР 1922–1925 гг. М., 1926. С. 71; Из истории Прокуратуры Российской Федерации 1917–1932. М.: Прокуратура РСФСР, б.г. С. 50–58.

По отношению к органам милиции предоставленные прокуратуре полномочия продолжали активно влиять на соблюдение законности в ее деятельности. Так, до конца 1922 г., т.е. в первые же полгода своей деятельности, органы прокуратуры вернули милиции на доследование 25 % всех дел ввиду допущенных нарушений требований процессуального закона²⁵. Причем в большинстве случаев прокуроры, используя предоставленные им полномочия, непосредственно на месте принимали необходимые меры. Достаточно отметить, что за те же полгода деятельности прокуратуры туда поступило 2 943 жалобы на действия органов милиции и уголовного розыска. Проверкой этих жалоб органами прокуратуры было обнаружено и устранено 1 130 случаев незаконного содержания граждан под стражей²⁶.

Положение о судеустройстве РСФСР, введенное Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г., в ст. 6 установило, что для надзора за общим соблюдением законов, непосредственного наблюдения за производством предварительного следствия и дознания, поддержания обвинения на суде действует государственная прокуратура, а ст. 7 предусматривало, что для предварительного расследования подлежащих судебному рассмотрению преступных действий, в пределах вверенных им участков и при отдельных судебных учреждениях, **под наблюдением прокуроров и губернских судов** действуют народные следователи²⁷.

В соответствии с Постановлением ВЦИК от 1 февраля 1923 г. «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции» в ее составе был создан отдел прокуратуры (IV), на который ст. 9 было возложено:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных;

б) непосредственное наблюдение за деятельностью органов следствия и дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Государственного политического управления;

д) производство следствия по предложениям ВЦИК, СНК и СТО и по поручениям Прокурора Республики и его помощников.

Был создан также подотдел надзора за органами следствия, дознания и местами лишения свободы²⁸.

15 февраля 1923 г. ВЦИК принял новый УПК РСФСР, действовавший до начала 60-х гг. Нормы, касавшиеся прокуратуры, в нем остались в целом неизменными по сравнению с УПК РСФСР 1922 г., но были и новеллы. Теперь прокурору, а не суду передавалось право на передачу производства от одного следственного участка в другой (ст. 124). Прокурору предоставлялось право разрешать все возникающие между следователями споры о подследственности (ст. 127). Усилился надзор прокуратуры за производством отдельных следственных действий: при направлении дела в суд для прекращения или приостановления производства следователь обязывался одновременно об этом прокурора (ст. 133, 197, 203); прокурор обязывался присутствовать при обысках или выемках в помещениях

²⁵ Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51–52. С. 1204.

²⁶ Еженедельник советской юстиции. 1923. № 13. С. 302.

²⁷ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

²⁸ Еженедельник советской юстиции. 1923. № 4–5. С. 114–115.

дипломатических представителей иностранных государств; обязательным для следователя стало предложение прокурора об изменении меры пресечения на более легкую (ст. 148); продление срока содержания под стражей в качестве меры пресечения зависит теперь от прокурора, наблюдающего за следствием (ст. 159). Все жалобы на действия следователя приносились только прокурору (ст. 212)²⁹. В кодексе нашел отражение ряд новых положений, направленных на усиление роли и значение прокуратуры в стадии предварительного следствия и устанавливающих большую зависимость следователя от прокурора. Но УПК 1923 г., поставив основные следственные действия под надзор прокуратуры, так и не создал единого органа надзора за законностью расследования. Суду по-прежнему принадлежали значительные полномочия в этой области [4, с. 56; 5, с. 36–37].

В дополнении к содержащимся ранее в УПК полномочиям прокурор получил право давать обязательные для исполнения указания о производстве как **следственных**, так и **розыскных** действий, он мог отстранять лицо, производящее дознание, от расследования. Любые жалобы на действия органов дознания приносились прокурору и им же разрешались (ст. 107). Лишь при несогласии жалобщика с решением прокурора вопрос рассматривался судом.

По делам, требовавшим производства предварительного следствия, органы дознания были обязаны уведомлять прокурора о начатом дознании и о всех производившихся по делу следственных действиях (ст. 96). В любом случае органы дознания были обязаны уведомлять прокурора о задержании подозреваемого (ст. 104 УПК), избрании меры пресечения (ст. 102) и т.д. Для проведения по делу иных, кроме перечисленных в УПК, следственных действий требовалось согласие прокурора. Прокурор мог давать указания об изменении и отмене избранной органами милиции меры пресечения. Прокурору принадлежало и право прекращения дознания (ст. 105).

В УПК РСФСР 1923 г. наметилась тенденция по вытеснению судебного контроля прокурорским надзором, что выразилось в утрате судом ряда полномочий контрольного характера и передаче их в сферу исключительного прокурорского надзора. Прокурору предоставлялся большой объем прав в деле надзора за исполнением законов в ходе предварительного расследования, в деле обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [6, с. 22].

Хотя некоторые процессуальные действия органов дознания по-прежнему оставались под контролем суда и следователя, но основную роль в обеспечении законности деятельности органов милиции НКВД выполняла уже прокуратура. Как указывают Л.А. Быков и Г.А. Квелидзе, если судом в рассматриваемый период направлялось на доследование органам милиции всего лишь 2,5–7 % от общего количества уголовных дел, то прокуратурой – от 21 до 50 %, а в среднем – 39 % к общему количеству поступивших дел³⁰.

В совместном Циркуляре № 109 от 29 мая 1923 г. заместителя народного комиссара (старшего помощника прокурора Республики) и члена Коллегии НКЮ – заведующего отделом судостроительства и надзора под названием

²⁹ СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

³⁰ См.: Быков Л.А., Квелидзе Г.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия МВД. Тбилиси, 1975. С. 17.

«Инструкция о взаимоотношениях губсуда и прокуратуры в области наблюдения за деятельностью следственных органов» указывалось, что «в целях устранения наблюдающего ныне в некоторых местах параллелизма и смешения функций губпрокуратуры и губсуда по наблюдению за деятельностью следственных органов впредь в соответствии с Уголовно-Процессуальным Кодексом, Положением о судеустройстве и прокуратуре надлежит руководствоваться следующим:

1. Надзор за производством предварительного следствия, а также руководство и наблюдение за правильным ведением его осуществляется исключительно прокуратурой (ст. 118 и п. «б» & 13 Положения о прокуратуре).

4. Жалобы на действия следователя по вопросам следственного производства рассматриваются исключительно прокуратурой, и только в случаях несогласия следователя с предложением прокурора (ст. 148 УПК) или жалобщика с постановлением последнего (ст. 220 УПК) спорный вопрос окончательно разрешается судом, коему данное дело подсудно»³¹.

Постановлением ВЦИК «Об изменениях и дополнениях Положения о судеустройстве РСФСР» от 7 июля 1923 г. данный акт был дополнен Главой XII «О Государственной прокуратуре», на которую возлагалось осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц, путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений, непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов и органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Государственного политического управления (п. «а», «б» ст. 78). Подробно полномочия прокуратуры по борьбе с преступностью излагались в пунктах «а–д» ст. 89, в которых говорилось, что прокуратура обладает правом на возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц как по собственной инициативе, так и по поступающим к нему жалобам и заявлениям, на надзор за производством дознания и предварительного следствия и дачу указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим связанным с предварительным следствием вопросам, на разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания; предложения прокуратуры о предании суду по данной категории направляются непосредственно в суд; на утверждение обвинительных заключений по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного заключения в случае несогласия прокурора с заключением следователя с направлением такового в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения. В ст. 90 указывалось, что прокурор осуществляет предоставленные ему права как лично, так и через своих помощников, но в примечании к ст. 91 подчеркивалось, что органы Государственного политического управления, признавая то или иное дело имеющим особо секретный характер, вправе требовать, чтобы ознакомление с делом производилось непосредственно самим прокурором»³².

³¹ Еженедельник советской юстиции. 1923. № 21. С. 503–504.

³² СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 481.

В соответствии с Резолюцией V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, состоявшегося в марте 1924 г. в Москве³³, 16 октября 1924 г. было издано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, установившее новый порядок надзора за исполнением органов дознания. Прокурор получил право в любой момент и по любому делу знакомиться со всеми материалами дознания, давать указания органам дознания и предлагать им произвести те или иные действия. Жалобы на действия органов дознания приносились прокурору и им же разрешались (ст. 107). По делам, требующим производства предварительного следствия, органы дознания обязывались извещать прокурора и следователя о начале производства дознания (ст. 96), а также при задержании подозреваемого (ст. 104). О всех производимых следственных действиях органы дознания должны были уведомлять прокурора, а по делам, по которым предварительное следствие обязательно, – и следователя. В случае необходимости производства иных, кроме перечисленных в ст. 101, следственных действий органы дознания испрашивали разрешение прокурора (ст. 99). При избрании меры пресечения органы дознания должны были каждый раз доводить об этом до сведения прокурора, который мог предложить отменить или изменить таковую (ст. 102). С момента начала предварительного следствия органы дознания вправе были действовать по данному делу не иначе как по поручению следователя (ст. 110). Право прекращения дознания принадлежало прокурору (ст. 105). Кроме того, в некоторых случаях функции надзора за производством дознания осуществлялась и судом (ст. 95, 104, 222).

Таким образом, полномочия прокурора как лица, осуществляющего надзор за исполнением законов органами дознания, перераспределились в пользу следователя (ст. 102, 105, 222–224, 234, 245, 249 УПК). Ряд полномочий, принадлежавших лишь прокурору, был предоставлен также следователю (ст. 101, 107 УПК), а там, где ранее надзор осуществлялся как прокурором, так и следователем, он стал возлагаться на последнего (ст. 99, 104, 106 УПК). Следователь стал санкционировать производство процессуальных действий органов милиции, разрешать жалобы на действия органов дознания, ему стали направляться материалы дознания для проверки и решения вопросов о предании обвиняемого суду либо прекращении дела. Единственное полномочие, которое было дополнительно возложено на прокурора, это разрешать отвод, заявленный следователю. С этого времени все вопросы, связанные с отводом следователя, стали разрешаться только прокуратурой (ст. 122 УПК). Самые существенные изменения претерпела ст. 107 УПК. Если первая редакция указывала на надзор за производством дознания в полном объеме, то последующая оставляла за прокуратурой лишь общий надзор за действиями органов дознания, возлагая надзор за производством дознания по каждому конкретному делу на следователя³⁴.

Циркуляром Народного Комиссара юстиции и Прокурора республики Курского от 5 января 1925 г. № 6 областным и губернским прокурорам «О взаимоотношениях прокурора со следователями в области надзора за производством

³³ V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Стенографический отчет. М., 1924. С. 196–197, 293.

³⁴ СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784.

дознания» предписывалось «в целях урегулирования взаимоотношений прокуратуры со следователями в области надзора за производством дознания согласно принятым II сессией ВЦИК XI созыва изменений в этом вопросе НКЮ принять к руководству нижеследующее:

1. Надзор за действиями органов дознания осуществляется прокуратурой путем: а) заслушивания доклада следователя; б) ознакомления в камере следователя с находящимися в его производстве дознаниями; в) ознакомления с отдельными дознаниями, находящимися в самом органе дознания или направляемыми им в порядке п. 2 ст. 105 непосредственно в суд.

2. Прокурор вправе, в отдельных случаях, непосредственно руководить тем или иным дознанием или давать указания по отдельным делам производящему дознанию органу, сообщая об этом для сведения подлежащему следователю.

3. Прокурор вправе давать следователям, находящимся в его участке (а губернский прокурор – по всей губернии), общие указания по вопросу об осуществлении следователями надзора за дознанием, а также и отдельные указания по конкретным делам, каковые указания для следователей – обязательны и могут быть без приостановки обжалуемы губернскому прокурору.

Означенный порядок распространяется и на предложения по вопросам избрания, отмены или изменения мер пресечения.

4. Разногласия, возникающие между следователем и органом дознания по вопросам производства дознания, разрешаются соответствующим помпрокурора. Перед ним могут быть также обжалованы постановления следователя по вопросу жалоб на действия органов дознания, и постановление помпрокурора является в этих случаях окончательным.

5. Жалобы на действия следователя по поводу прекращения того или иного дознания приносятся подлежащему помпрокурора, а на постановления последнего в суд, коему это дело подсудно»³⁵.

Этот акт сыграл большую роль в установлении правильных взаимоотношений органов надзора со следственным аппаратом. Прокуроры получили четкое указание о границах своих действий, правах и обязанностях, что положительно сказалось на укреплении законности при расследовании преступлений [7, с. 93].

В последующем эти нормы были внесены в ст. 68 (п. «д») Положения о судеустройстве РСФСР 1926 г.³⁶ Это Положение установило, что на государственную прокуратуру возлагается:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц, путем опротестования нарушающих закон постановлений и возбуждения уголовного, дисциплинарного и административного преследования;

б) непосредственный надзор и наблюдение за деятельностью органов следствия в области производства предварительного следствия, а также за деятельностью органов Государственного политического управления;

в) общее наблюдение за деятельностью органов дознания в области розыска и производства дознания.

³⁵ Еженедельник советской юстиции. 1925. № 1. С. 22.

³⁶ СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

Кроме этого, дополнительно на органы прокуратуры были возложены «общее наблюдение и согласование деятельности всех органов, ведущих борьбу с преступностью», позже получившее наименование «координационной функции» (п. «ж» ст. 59)³⁷.

По мнению ряда авторов, установление непосредственного надзора следователей за деятельностью органов дознания имело своей целью, кроме сближения органов дознания и предварительного следствия, также облегчить обязанности прокуроров по надзору за расследованием и создать тем самым необходимые условия для повышения качества государственного обвинения в суде и усиления прокурорского надзора в области государственного управления. При этом сохранение за прокурором лишь общего надзора за производством дознания, разумеется, не исключало права, а в необходимых случаях делало обязательным участие его в непосредственном руководстве органами дознания путем ознакомления с материалами конкретного дела, дачи указаний органам дознания, надзора за производством отдельных следственных действий и т.д. Общий надзор прокурора за производством дознаний сочетался с руководством деятельностью следователей, осуществлявших непосредственный надзор за органами дознания, и предполагал обязательность для следователей всех вытекающих отсюда указаний прокурора [4, с. 59; 5, с. 39–39].

Реформа значительно сузила объем надзорной функции прокурора, поскольку основная масса уголовных дел в результате произведенных изменений направлялась в суд, минуя прокуратуру [3, с. 17]. Данные изменения ухудшили показатели деятельности органов расследования. Это связано как с большой нагрузкой, ложившейся на органы расследования, недостаточной квалификацией кадров, так и тем, что были совмещены различные по своей правовой природе следственные функции. Следователи не обеспечивали, да и не могли обеспечить эффективного надзора за законностью деятельности уголовного розыска. Практика вновь убедительно подтвердила, что только прокуратура в силу ее организационных особенностей и правового положения в состоянии осуществлять действенный и эффективный надзор за законностью деятельности уголовного розыска и милиции. Развитие законодательства в последующий период неизменно шло в направлении постепенного сосредоточения всей полноты надзорных функций в органах прокуратуры, ликвидации «двойного подчинения» следователей, выделения прокуратуры из системы НКЮ, усиления прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия [3, с. 21–23].

Важное значение имели Циркуляры Наркома юстиции (Прокурора) РСФСР от 30 апреля 1925 г. № 86 областным и губернским прокурорам «Об изменении прокурором обвинительного заключения, составленного нарследователем, и о порядке предъявления обвиняемому материалов предварительного следствия»³⁸, от 30 апреля 1925 г. № 88 «О недопустимости при производстве дознания и следствия обращаться в банковские учреждения с требованием о задержании

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Еженедельник советской юстиции. 1925. № 18. С. 509–510.

похищенных ценных бумаг на предъявителя и их предъявителей»³⁹, № 89 «О порядке направления дел на приостановление до розыска заподозренных лиц»⁴⁰.

В январе 1928 г. Коллегия НКЮ признала необходимым повсеместно передать следственный аппарат из суда в прокуратуру. 3 сентября 1928 г. Постановлением ВЦИК и СНК в Положение о судеустройстве были внесены соответствующие изменения⁴¹.

В Директивном письме НКЮ от 9 июня 1928 г. всем губернским, областным судам и прокурорам «О мероприятиях по борьбе с волокитой и бюрократством» наиболее типичным и основным недочетом в работе прокуратуры и суда являлись наряду с другими формальный надзор за производством следствия и дознания⁴².

В Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. указывалось, что следователь может передавать для расследования органам дознания дела только с разрешения прокурора.

Тогда же был по существу впервые поставлен вопрос об изменении методов и форм руководства следвателем со стороны прокурора. Циркуляр НКЮ РСФСР № 52 1930 г. «Об улучшении качества расследования уголовных дел» закрепил то, что прокурор мог давать указания следователю по существу дела лишь после детального изучения всех следственных материалов. Для наблюдения за следствием в каждой областной (краевой) и окружной прокуратуре выделялся специальный прокурор, осуществлявший общее руководство следственной деятельностью и лично производящий расследование отдельных наиболее сложных дел, хотя и в небольшом количестве⁴³.

Однако нарушения законности со стороны органов НКВД и прокуратуры, в частности квалификация общеуголовных преступлений как политических, продолжались. Так, по приговору выездной сессии Уральского областного суда от 27–30 декабря 1932 г. И.Я. Вахрушев, М.Я. Вахрушев и Ф.Ф. Сычев были признаны виновными в том, что 25 октября 1932 г. в с. Колесниково (ныне Курганская область) после совместного распития спиртного, по предварительному сговору между собой, из охотничьего ружья, принадлежащего И.Я. Вахрушеву, совершили убийство пионера-активиста Николая Мяготина за то, что последний, зная о хищениях колхозного зерна, совершаемых подсудимыми, заявил об этом в сельский совет. Подсудимые были осуждены по ст. 58 – 8 и 58 – 11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, однако доказательств того, что Вахрушевы и Сычев являлись участниками организации, образованной для подготовки или совершения контрреволюционных преступлений, в частности террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, или с этой

³⁹ Там же. С. 510.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ СУ РСФСР. 1928. № 117; СУ РСФСР. 1929. № 22. Ст. 233 (8.5).

⁴² Еженедельник советской юстиции. 1928. № 21. С. 636.

⁴³ См.: Сидорова Е.В. Организация предварительного следствия в период складывания тоталитарного государственного режима (1929–1941 гг.). Научные школы Московского университета МВД России. В.М. Курицын. Концепция истории государства и права. М., 2008, С. 655

же целью занимались какой-либо организационной деятельностью, в материалах дела нет. В материалах дела также есть данные, что осужденные по своему социальному и имущественному положению являлись выходцами из крестьян – бедняков и никакой контрреволюционной деятельностью не занимались. Уже в 1991 г. приговор и определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 20 января 1933 г. в отношении Вахрушевых были изменены с переквалификацией на общеуголовное преступление, а в отношении Сычева отменены с прекращением дела⁴⁴.

Несмотря на то, что стала складываться независимая прокурорская система, ее деятельность по-прежнему продолжала регулироваться актами иных органов государственного управления. Так, Коллегия НКЮ от 25 августа 1933 г. своим Постановлением освободила народных следователей от надзора за расследованием, производившимся в милиции с тем, чтобы они занимались лишь расследованием уголовных дел с возложением этих обязанностей на прокуратуру, так как функция надзора за дознанием отвлекала их от этой задачи. Прокурорам было запрещено давать следователям поручения, не относящиеся к их прямым функциям по расследованию уголовных дел. Следователю мог передаваться лишь материал, содержащий определенные указания на конкретные факты преступлений⁴⁵. Таким образом, прокуратура получила право непосредственного надзора за исполнением законов органами дознания.

Исходя из этого, делается вывод, что правовое положение прокурора формировалось не только УПК РСФСР и Положением о прокурорском надзоре, но и Положением о судоустройстве, а также многочисленными циркулярами и директивными письмами Народного комиссариата юстиции РСФСР.

Список источников:

1. Колыхалов Д.В. Организация прокуратуры СССР в 1933–1936 гг. // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1(45). С. 109–116.
2. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990. 165 с.
3. Быков Л.А., Квелидзе Г.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия МВД. Тбилиси, 1975. 189 с.
4. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М., 1959. 262 с.
5. Жогин Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968. 261 с.
6. Гринюк Е.Н., Зайцева Е.А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД РФ, 2013. 208 с.

⁴⁴ Архив Курганского областного суда, 1932 г. Архивное дело № 5810.

⁴⁵ Советская юстиция. 1933. № 17.

7. Кравцов Б.В. Из истории прокуратуры Российской Федерации // На страже советских законов: сборник статей. М., 1972. С. 87–98.

8. Сидорова Е.В. Организация предварительного следствия в период складывания тоталитарного государственного режима (1929–1941 гг.) // Научные школы Московского университета МВД России им. В.М. Курицын. Концепция истории государства и права. М., 2008. С. 655.

Кузнецов Максим Сергеевич
адъюнкт Нижегородской академии
МВД России, г. Нижний Новгород

ФОРМАЛЬНАЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные аспекты исторического развития теории оценки доказательств в уголовном процессе России. Исследуется переход законодателя от теории формальной оценки доказательств к главенству внутреннего убеждения суда и совершенно новой парадигме доказывания. Обращено внимание на юридическое закрепление внутреннего убеждения суда в рамках принятия УПК РСФСР 1922 и 1923 г.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, свободная теория оценки доказательств, формальная теория оценки доказательств*

Для рассмотрения сути процесса или явления в юридической науке невозможно обойтись без обозрения его исторической составляющей. В этой связи для формирования представления о действующей доказательственной парадигме необходимо рассмотреть синопсис становления и развития предшествующей теории, формальной оценки доказательств.

Интерес автора вызывает исторический переход законодателя от позиции юридической достоверности, на котором базировалась формальная теория оценки доказательств, к свободной теории оценки доказательств и главенству внутреннего убеждения суда. А именно, к совершенно новому подходу, переход к которому был предпринят в рамках масштабной судебной реформы императора Александра II, с момента официальной отмены ст. 8 «Основных положений преобразования судебной части в России» 29 сентября 1862 г. [1, с. 34].

Необходимо отметить, что интерес к оценке тех или иных процессов или явлений прослеживается еще с Античных времен, в рамках таких философских школ, как: Пифагорейский союз, академия Платона, философы задавались вопросом оценки тех или иных негативных социальных явлений. Данный вопрос был необходим для развития демократии древнегреческого полиса, несмотря на главенство доказательного рассуждения, искусства применения ораторского мастерства в разрешении практических социальных проблем в жизни полиса. Таким образом, начиная еще с периода Античности, широкого развития софистики, человек был полностью вовлечен в вопросы поиска оптимальной модели оценки социальных явлений и процессов.

Учение об уголовных доказательствах издавна занимает центральное место в уголовном судопроизводстве [2, с. 15]. При уже устоявшейся парадигме доказывания, в отдельно взятых составах судебных коллегий судов субъектов Российской Федерации существует различающаяся позиция по отношению к разрешению одного и того же правового конфликта. По мнению ученого М.В. Бавсуна,

правосознание судей объективно нельзя унифицировать [3, с. 106], по причине широкого выбора вида и размера наказания. Данная позиция не отменяет проблематику широкой демаркации в вопросах правоприменения в современной России.

По мнению автора, вышеуказанная проблематика вытекает напрямую из генезиса доказательственной теории в нашем законодательстве. Рассмотрим переход законодателя от позиции юридической достоверности, на которой базировалась формальная теория оценки доказательств, к совершенно новой доказательственной теории.

Переходя к вопросу влияния генезиса доказательственной парадигмы на современное уголовное судопроизводство, необходимо отметить, что действующая на сегодняшний момент теория свободной оценки доказательств была заимствована Российским уголовным судопроизводством в ходе судебных реформ середины XIX в. [4, с. 311].

С принятием ключевого нормативного правового акта в данной отрасли права, Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [5], не произошло *Acta est fabula*, полного окончания, применения положений формальной теории доказательств. Отдельные элементы рассматриваемой концепции остались в отражении формализации процесса собирания доказательств, отдельных положений предустановленной оценки, даже на современном этапе развития уголовно-процессуальных норм.

Таким образом, альтернатива формальной теории оценки доказательств была предложена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [6, с. 2486], путем резкой смены доказательственной теории, с новым вектором развития в виде главенства внутреннего убеждения суда в рамках оценки доказательств.

Развитие уголовного процесса в новом ключе в нашем государстве продолжалось и в советское время, ставя во главу угла разграничение процесса собирания доказательств и их оценку. С изданием первых декретов советской власти внутреннее убеждение суда стало ограничиваться социалистическим правосознанием, целями и задачами формирующейся политики нового государства.

Ученый А.Я. Вышинский, следующим образом характеризовал приговоры судов, принимаемые в годы первых декретов советской власти: «Во всех случаях, где говорится в этих актах о революционном правосознании или социалистическом правосознании, закон имеет в виду именно принцип внутреннего революционного социалистического судебного убеждения» [7, с. 107].

После Октябрьской революции 1917 г. уголовное судопроизводство претерпело ряд существенных изменений [8, с. 53]. По мнению исследователей Т.Б. Рамазанова и Э.Т. Ромазановой, окончательное разграничение функций суда установилось в рамках принятия нового УПК РСФСР 1922 и 1923 г. Где окончательно ознаменовался переход к советскому уголовному судопроизводству [9, с. 143]. В котором внутреннее убеждение судьи основывалось на позиции закона, исследовании доказательств и социалистическом правосознании. Вследствие принятия вышеуказанных источников права, прослеживается постепенное ограничение внутреннего убеждения суда в рамках становления и развития советского государства.

Как определенная данность советскому строю, новое мышление начинает выступать главным «мерилом» провозглашения приговора. Изложенная в новом

смысле теория свободной оценки доказательств нивелируется социалистическим или революционным правосознанием.

В связи с развитием нашего государства, возникает адекватная необходимость в изменении и дополнении существующего законодательства. В настоящее время в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, принятого в 2001 г., главенствует неизменная позиция по отношению к оценке доказательств, закрепленная в ст. 17 УПК РФ [10]. Согласно которой никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Действующая доказательственная парадигма не отменяет отдельные элементы предустановленности, сохранившиеся в нашем законодательстве, в целом формализма присутствующего в рамках судопроизводства, относящегося к сбору доказательств. Обозревая новеллы законодательства в различных отраслях права, мы можем прийти к выводу о существовании отдельных элементов формальной теории доказательств, влияющих на современное правоприменение.

Так же как и в аналогичных законодательных актах, Гражданско-процессуальный кодекс имеет в своем содержании нормы, посвященные оценке доказательств. В ч. 1 ст. 67 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации законодатель также дублирует положения о свободной оценке доказательств. Рассматривая более подробно в ч. 7 вышеуказанной статьи, мы можем заметить элемент предустановленной оценки в деятельности суда: когда при отсутствии оригинала документа у сторон в деле, суд не может считать доказанным то или иное обстоятельство, опираясь на копию какой-либо участвующей стороны [11].

Примером здесь может служить содержание ч. 7 ст. 246 УПК РФ закрепляющей возможность полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, ведущий за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования соответственно полностью или частично, несмотря на иное убеждение суда.

В настоящее время отдельные исследователи в области гражданского-процессуального права не раз обращали внимание на развивающиеся в настоящее время элементы предустановленной оценки. Здесь необходимо привести мнение ученого В.А. Азарова, который замечает: «отечественная процессуальная инфраструктура (УПК РФ) и сегодня перенасыщена конкретными предписаниями...» [12, с. 7–8].

Рассматривая иные отрасли законодательства, отдельные ученые, повсеместно заявляют, что в области гражданского-процессуального права достижение юридической достоверности в отношении того или иного решения или приговора невозможно без наличия строгих доказательственных правил, позволяющих подвести обстоятельства коллизии под существующие законодательные положения [13, с. 6–7].

Приведенные нами ссылки на статьи отдельных отраслей права еще раз указывают на существование элементов предустановленной оценки в нашем законодательстве и на их непосредственное влияние на правоприменительную практику нашего государства.

Отдельные исследователи, придерживаются позиции развития элементов предустановленности в современном уголовном судопроизводстве. По мнению исследователя М.М. Гитиновой, «Слишком широкие рамки усмотрения при назначении наказания не всегда позволяют добиться единообразия и справедливости в действиях правоприменителя при назначении наказания» [14, с. 218].

По нашему мнению, институт предустановленной оценки должен рассматриваться с разных позиций. Предлагаем определять данное правовое явление в первую очередь с позиции рациональности использования тех или иных процессуальных средств, необходимых и достаточных для эффективного судопроизводства в Российской Федерации.

Подводя итог, отметим, что формальная теория оценки доказательств была революционна для своего времени. Для науки и практики современного уголовного процесса крайне актуально бесстрастное исследование теории формальной оценки доказательств и ее потенциала для совершенствования современной теории и практики отечественного уголовного судопроизводства. На современном этапе наблюдается необходимость пересмотра отдельных элементов рассматриваемой теории с рациональной позиции.

Список источников:

1. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4(243). С. 34–47.
2. Брянская Е.В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 15–20.
3. Бавсун М.В. Судебное усмотрение при назначении наказания и проблемы его ограничения в УК РФ // Журнал рос. права. 2007. № 9(129). С. 104–109.
4. Химичев М.В. Свобода оценки доказательств в уголовном процессе: об истории и современном состоянии правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 309–314.
5. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юрид. лит., 1991. С. 118–384.
6. Закотянский А.С. Влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современные требования к допустимости доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 2485–2490.
7. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 248 с.
8. Гладышева О.В. Требования, предъявляемые к доказательствам в уголовном судопроизводстве: парадоксы современного нормативного регулирования // Вестник СамГУ. 2014. № 11-2(122). С. 52–58.
9. Рамазанов Т.Б., Рамазанова Э.Т. Исторические типы доказательственных теорий и их значение для формирования российской теории доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 140–143.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2021, с изм. от 02.08.2022) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

12. Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. М.: Юрлитинформ, 2012. № 4(5). С. 7–10.

13. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: учебное пособие / под ред. И.М. Зайцева; М-во образования Российской Федерации, Саратовская гос. акад. права. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 1999. 135 с.

14. Гитинова М.М. Проблема судебного усмотрения в уголовном праве при назначении уголовного наказания // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 1. С. 218–224.

Кулбаев Аслан Касымалиевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент факультета Кыргызского
национального университета,
Кыргызская Республика, г. Бишкек

НАЧАЛО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОРЯДОК

***Аннотация.** В статье анализируется история развития и ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Кыргызской Республики в советский и постсоветский периоды. По процессуальной форме досудебная проверка по Уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики представляет собой начальный этап стадии досудебного производства и не может рассматриваться как самостоятельная стадия уголовного процесса. Постановление о возбуждении уголовного дела является промежуточным процессуальным актом, который служит условием для продолжения досудебного производства и применения мер процессуального принуждения.*

***Ключевые слова:** ликвидация стадии возбуждения уголовного дела, досудебная проверка, производство следственных действий*

Первый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызстана в советский период был принят в 1960 г.⁴⁶ До этого времени на территории республики действовал УПК РСФСР 1923 г., в связи с тем, что Кара-Киргизская автономная область была образована в 1924 г. в составе РСФСР, а в 1936 г. после принятия новой Конституции СССР была создана Киргизская ССР.

В постсоветский период уголовно-процессуальное законодательство республики обновилось три раза – в 1999, 2017 и 2021 г. При каждом обновлении уголовно-процессуального законодательства правовой формат стадии возбуждения уголовного дела подвергался изменениям. Между тем этот вопрос остается наиболее проблемным и противоречивым в теории и практике уголовного процесса.

Для возбуждения производства по уголовному делу по УПК РСФСР 1922 и 1923 г. были достаточны заявление или сообщение о преступлении и указания в них признаков состава преступления. Если в содержании заявления или сообщения отсутствовали признаки преступления, то орган дознания, прокурор или следователь отказывали в производстве дознания или предварительного следствия, о чем объявлялось заинтересованным лицам, они свою очередь могли обжаловать в семидневный срок в надлежащий суд (ст. 95, 96 УПК). При этом

⁴⁶ УПК Киргизской ССР от 29 декабря 1960 г. // Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1960. № 40. Ст. 146.

в УПК не предусматривались проведение предварительной проверки и вынесение специального акта о начале производства по уголовному делу или об отказе.

В последующем, Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 п. 2 было предписано, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором» и установлена типовая форма постановления о возбуждении уголовного дела. По мнению профессора Б.Я. Гаврилова, такая процессуальная норма была введена в целях ограничения политических репрессий [1, с. 32].

На основе накопленного опыта в УПК Киргизской ССР 1960 г. сформировалась самостоятельная стадия – возбуждение уголовного дела (гл. 7), – которая включала в себя нормы о поводах и основаниях для возбуждения уголовного дела, порядок проведения проверки заявлений и сообщений о преступлениях, сроки и решения, принимаемые по результатам такой проверки. В ходе проверки допускалось без производства следственных действий истребование необходимых материалов и получение объяснений. Согласно внесенным изменениям и дополнениям в УПК 1963 г. до возбуждения уголовного дела допускается производство осмотра места происшествия и в 1997 г. – производство экспертизы, что определило тенденцию развития стадии возбуждения уголовного дела в направлении расширения объема проверочных действий.

В Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (УПК КР) 1999 г.⁴⁷ отсутствовала процедура проверки заявления (сообщения) о преступлении. Если в заявлении или сообщении усматривались признаки преступления, то следователь выносил постановление о возбуждении уголовного дела и немедленно приступал к производству следствия. Такой порядок начала досудебного производства на практике привел к «плохим» статистическим показателям в деятельности правоохранительных органов, а именно увеличилось количество возбужденных и прекращенных уголовных дел, а процент раскрываемости преступлений от общего числа возбужденных уголовных дел сократился. В результате в 2001 г. правоохранительные органы пролоббировали поправки в УПК КР⁴⁸ и вернули институт доследственной проверки.

Как верно заметили А.С. Александров и С.А. Грачев, отказ от стадии возбуждения уголовного дела возможен лишь тогда, когда одновременно будет решен вопрос об отмене так называемой «палочной системы». Необходимо коренным образом пересмотреть всю систему оценки деятельности правоохранительных органов. Реалии практики таковы, что сейчас первая стадия процесса «обслуживает» вышеназванную систему, когда действительно правоохранительная деятельность имитируется посредством манипулирования различными показателями раскрываемости [2, с. 106].

О недостатках сложившейся за многие годы практики возбуждения уголовного дела Б.Т. Безлепкин отмечает, что: «... в органах расследования господствует ведомственная доктрина, согласно которой считается, что возбудить

⁴⁷ УПК КР от 30 июня 1999 г. № 63 // Эркин-Тоо. 21 июля 1999 г. № 59-62.

⁴⁸ Закон КР о внесении изменений и дополнений в УПК КР от 28 июня 2001 г. № 62.

уголовное дело, а затем прекратить его на законном основании – значит допустить брак в следственной работе. Каждое прекращенное дело ставится следователю в упрек и влияет на оценку его служебной деятельности» [3, с. 209]. С данной ведомственной доктриной связаны внесенные изменения в УПК КР 2014 г.⁴⁹, согласно которому сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях можно было продлить до одного месяца в случаях, если следователь затрудняется принять по нему решение в сроки, указанные в законе (10 суток). На наш взгляд, доследственная проверка должна производиться в максимально короткие сроки, без продления, так как затягивание сроков вынесения итогового решения лишает пострадавшего от преступления воспользоваться всем объемом процессуальных прав. Как верно указали А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, если по истечении срока предварительной проверки сообщения о преступлении все же осталось неясным, было ли совершено преступление, то уголовное дело должно быть возбуждено для расследования предполагаемого события. Другими словами, основания для возбуждения уголовного дела должны иметь вероятностный характер, а основания для отказа в возбуждении – достоверный [4, с. 335]. Однако отмечаем, что в правоприменительной практике имеет место обратное, желая выиграть дополнительное время, следователи заведомо выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, понимая, что постановление будет отменено, а срок доследственной проверки обнулен.

Вторая попытка ликвидировать доследственную проверку была предпринята в УПК КР 2017 г.⁵⁰ (вступил в силу с 1 января 2019 г.). Важными нововведениями судебной-правовой реформы считались отказ от стадии возбуждения уголовного дела и внедрение электронной базы «Единый реестр преступлений и проступков», в которой регистрируются заявления и сообщения о преступлениях, что служит юридическим фактом для начала полноценного досудебного производства.

Новый порядок начала досудебного производства создал множество проблем на практике: в разы увеличилось количество дел в производстве следователей; увеличилось число жалоб граждан на действия, бездействие должностных лиц, органов следствия, в том числе на необоснованные проверки бизнеса по зарегистрированным сообщениям о совершенных преступлениях от недобросовестных конкурентов и т.д. Для решения возникших проблем требовались принятия управленческих решений, прежде всего усиление ведомственного, прокурорского надзора и судебного контроля. Однако по инициативе Генеральной прокуратуры республики законодатель в УПК КР 2021 г.⁵¹ вернул первоначальную стадию процесса, назвав доследственной проверкой, процедура производства которого отличается от классической, советской модели стадии возбуждения уголовного дела.

Согласно гл. 20 УПК КР «Начало и порядок досудебного производства» доследственная проверка состоит из:

⁴⁹ Закон КР о внесении изменений и дополнения в УПК КР от 18 ноября 2014 г. № 155.

⁵⁰ УПК КР от 2 февраля 2017 г. № 20 (введен в действие законом КР от 24 января 2017 г. № 10 с 1 января 2019 г.).

⁵¹ УПК КР от 28 октября 2021 г. № 129 (введен в действие законом КР от 28 октября 2021 г. № 126).

а) принятия и регистрации в Едином реестре преступлений заявления или сообщения о преступлении, выдачи документа (талона) о регистрации с указанием времени его регистрации и регистрационного номера;

б) проверки сообщения о преступлении путем производства следственных и процессуальных действий;

в) вынесения постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела;

г) уведомления заявителя о принятом решении.

На наш взгляд, по процессуальной форме доследственная проверка представляет собой начальный этап стадии досудебного производства и не может рассматриваться как самостоятельная стадия уголовного процесса.

Поясним данное мнение. В теории уголовного процесса любая стадия процесса определяется четырьмя признаками:

- 1) непосредственными задачами;
- 2) итоговыми решениями;
- 3) особой процессуальной формой;
- 4) определенным кругом участников.

К непосредственным задачам стадии возбуждения уголовного дела (доследственной проверки) ученые-процессуалисты относят установление в деянии признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу [4, с. 309]. В ст. 27 УПК КР «Обстоятельства, исключающие уголовное судопроизводство» перечислены основания, при наличии которых уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению. Отказ в возбуждении уголовного дела возможен и по не реабилитирующим основаниям, например за истечением срока давности уголовного преследования, если лицо, в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказывается, согласен с этим. Итак, в ходе доследственной проверки устанавливаются не только признаки преступления в деянии, но и осуществляется уголовное преследование конкретного лица, формируется доказательственная база, что является общей задачей стадии досудебного производства. Кроме того, доследственную проверку, как и следствие, вправе производить следователь, прокурор. По результатам доследственной проверки следователь, прокурор принимает одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

В процессе доследственной проверки следователь в порядке, предусмотренном УПК, вправе произвести следующие виды следственных действий: допрос в качестве свидетеля, осмотр места происшествия, осмотр трупа, назначение экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования. При этом непонятна логика законодателя, почему на этом этапе расследования допускается осмотр места происшествия, а имеющие аналогичные процедуры производства – осмотр предметов и документов или освидетельствование для обнаружения на теле пострадавшего следов преступления, телесных повреждений – не допускаются? Почему следователь не вправе провести неотложный обыск либо специальные следственные действия – получить информацию о соединениях между абонентами и о местоположении абонента, например при рассмотрении

заявления о похищении человека? Почему в ходе доследственной проверки, например жертва преступления, у которой имеются явные признаки насилия (т.е. видимые признаки телесного повреждения), либо подозреваемый, застигнутый при совершении преступления или непосредственно после его совершения, может быть допрошен только в качестве свидетеля?

Стадия возбуждения уголовного дела в УПК советского периода предполагала, что принуждение до возбуждения дела максимально ограничено, следовательно на данном этапе возможно производство процессуальных действий, не требующих вынесения постановления [2, с. 104]. Сущность данной стадии процесса заключалась в том, что на ней принималось решение о начале принудительной уголовно-процессуальной деятельности. По действующему УПК КР доследственная проверка заявлений или сообщений о преступлениях осуществляется путем производства следственных действий, к тому же без всяких оговорок: «в исключительных случаях» или «в случаях, не терпящих отлагательства». Всем следственным действиям свойственен принудительный характер. Например, допрос свидетеля содержит элементы процессуального принуждения, такие как: лицо, вызванный на допрос обязан явиться в назначенный срок, а в случае неявки без уважительных причин может быть подвергнут принудительному приводу, допрашиваемый предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний. Принудительный осмотр места происшествия, являющегося жилищем (ч. 5 ст. 172), и получение образцов для сравнительного исследования, когда лицо отказывается в добровольном предоставлении образцов (ч. 3 ст. 193 УПК), производятся на основании постановления следственного судьи.

Таким образом, процессуальная форма производства доследственной проверки, предусмотренная УПК КР, не отвечает одной из основополагающих идей уголовного судопроизводства о допустимости мер процессуального принуждения только после возбуждения уголовного дела.

Согласно Конституции КР (ч. 4 ст. 59) каждое задержанное лицо незамедлительно до истечения 48 часов с момента задержания должно быть доставлено в суд для решения вопроса о законности и обоснованности его задержания. В УПК определено, что лицо считается задержанным с момента его фактического лишения или ограничения свободы. Однако на практике фактически задержанное лицо (при совершении преступления или *непосредственно после его совершения*) и доставленное в орган следствия через некоторое время может быть отпущено по причине того, что уголовное дело еще не возбуждено, а задержание подозреваемого в ходе доследственной проверки не допускается. Такие казусы возникают, когда для установления признака преступления (объективную сторону) и для возбуждения уголовного дела по конкретной статье УК потребуется время, например получить заключение судебно-медицинской экспертизы для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, поскольку при умышленном причинении легкого вреда здоровью уголовное дело может быть возбуждено только по заявлению пострадавшего.

Доследственная проверка как стадия уголовного процесса не обладает свойством неминимости. Заявления или сообщения о преступлении, не требующие

дополнительной проверки, должны разрешаться незамедлительно (ч. 3 ст. 153 УПК КР). В ч. 1 ст. 154 УПК КР перечислены обстоятельства, при наличии которых постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выносится без проведения доследственной проверки в течение 24 часов.

В УПК КР установлен предельный срок проведения доследственной проверки – 30 суток, по истечению которого должностное лицо обязано принять процессуальное решение (ч. 3 ст. 153 УПК КР). Вместе с тем прокурор для обеспечения должного качества проверки вправе отменить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы для проведения дополнительной доследственной проверки, которая может продолжаться также до 30 суток. Закон не устанавливает количество возможных отмен принятого решения, т.е. доследственных проверок одного и того же сообщения о преступлении может быть бесчисленное количество раз.

Сторонники стадии возбуждения уголовного дела (доследственная проверка) полагают, что благодаря регламентированной законом процедуре фильтрации сообщений о преступлениях, органы расследования и суд освобождаются от излишней работы [5, с. 59]. Однако современному порядку проведения доследственной проверки это не свойственно, так как для его проведения затрачиваются такие же ресурсы, как и при производстве следствия. Более того, следователи вынуждены проделывать двойную работу, например в ходе доследственной проверки пострадавшего от преступления допрашивает в качестве свидетеля, а после возбуждения уголовного дела и признания его в качестве потерпевшего допрашивает уже в качестве потерпевшего. При этом повторные вызовы и допросы обуславливают отрицательное отношение граждан к процедуре в целом [1, с. 32].

Таким образом, отношения, возникающие с момента регистрации в Едином реестре преступлений, заявления или сообщения о преступлении урегулированы нормами уголовно-процессуального права и носят характер уголовно-процессуальных правоотношений. Регистрация заявлений и сообщений о преступлениях в Едином реестре преступлений – это юридический факт официального начала досудебного производства. Постановление о возбуждении уголовного дела является лишь промежуточным процессуальным актом, который служит условием для продолжения досудебного производства.

Список источников:

1. Гаврилов Б.Я. К вопросу о возбуждении уголовного дела // Пенитенциарная наука. 2009. № 7. С. 32–35.
2. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 101–108.
3. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2004. 408 с.
4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 3-е изд. М., 2007. 704 с.
5. Копылова О.В. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: монография. Тамбов, 2010. 160 с.

Лантух Наталия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России, г. Санкт-Петербург

ИНСТИТУТ ОБВИНЕНИЯ ПО УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.

***Аннотация.** В представленной статье автор рассматривает вопросы, связанные с формированием уголовно-процессуального института обвинения в первых кодифицированных актах советского периода. Исследование положений уголовно-процессуального права в сфере уголовного преследования и обвинения приводят к выводу о том, что в социально-политических условиях того времени и одновременно уже сложившихся исторических традициях, оказавших влияние и на систему уголовно-процессуального законодательства, осуществление уголовного преследования было возложено на несколько субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Однако институционально за формирование первоначального обвинения был ответственен следователь, организационно принадлежащий судебным органам.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное законодательство, предварительное расследование, публичное уголовное преследование, обвинение*

Современные проблемы правового регулирования института уголовного преследования и обвинения заставляют исследователей-юристов обращаться к истории и этапам его становления и развития. В этом аспекте «наследие» советского уголовного процесса представляется интересным для понимания тех закономерностей и традиций, которые сложились за столетний период в функционировании органов, осуществляющих предварительное уголовное производство, конструкции досудебного и судебного уголовного преследования, роли различных участников уголовного судопроизводства в формировании и выдвижении обвинения.

Первый советский Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. придерживался концепции судебного предварительного следствия, которая сложилась в дореволюционный период. Следователи были отнесены к судебным органам, был предусмотрен порядок обжалования их действий и решений с соблюдением требования инстанционности.

В Уголовно-процессуальном кодексе 1923 г. впервые стала проявляться тенденция к изменению процессуальной роли и самостоятельности следователя, которые пока оставались при судах, но обжалование их действий и решений возможно было исключительно прокурору. Впоследствии из судебного ведомства следователи были переведены в прокуратуру, что, по мнению известных процессуалистов, означало первоначальный этап формирования советской конструкции «прокурорского предварительного следствия», по сути, устраняющая различия

между следствием и дознанием. В досудебном производстве следователь утрачивал процессуальную независимость, ключевая роль принадлежала прокурору.

Анализируя отечественное досудебное производство рассматриваемого периода, М.А. Чельцов пришел к выводу, что советский законодатель создал новую своеобразную форму предварительного расследования, направляемого и контролируемого прокурором [7, с. 228]. Он назвал эту форму «прокурорское расследование», в котором прокурор, по выражению А.Я. Вышинского, «хозяин дела». С этого момента, вероятно, следует отмечать те противоречия, которые обнаруживаются в полифункциональности субъектов уголовного преследования, которые проявляются и в современном российском уголовном досудебном производстве.

По словам С.А. Шейфера, юрисдикционная деятельность отечественных следователей, изначально включавшая в себя предъявление лицу обвинения и составления обвинительного заключения, по мере укрепления обвинительной власти при формальном сохранении судебного контроля за прекращением и приостановлением дела непрерывно расширялась, соответствуя расширению полномочий прокурора [8, с. 72, 73].

В стадии возбуждения уголовного дела задачей органа дознания, следователя либо прокурора являлось установление события, признаков преступления. При их наличии органы расследования приступали к дознанию либо предварительному следствию, не облакая это решение в какую-либо процессуальную форму (ст. 96, 101 УПК 1923 г.). Проверка первоначальных материалов и их собирание и исследование в виде дознания носило обязательный характер, но не было сопряжено с формированием доказательств. Дознание производилось по уголовным делам небольшой степени тяжести и общественной опасности либо для собирания материалов для следователя (ст. 103–105 УПК 1923 г.). Но в ходе последующего реформирования досудебного производства дознание трансформировалось в параллельную со следствием самостоятельную форму расследования.

Следователь в ситуации, когда было начато расследование органами дознания после получения от них материалов, вправе был произвести предварительное следствие в полном объеме, либо при достаточности представленных дознанием материалов провести отдельные следственные действия (ст. 108 УПК 1923 г.). Тем не менее он при любых обстоятельствах был обязан предъявить обвинение, допросить обвиняемого и составить обвинительное заключение [3, с. 63–64]. При этом институт подозрения не был текстуально оформлен в уголовно-процессуальном законодательстве того времени.

Предъявление обвинения в соответствии со ст. 128 УПК 1923 г. было возможно лишь при наличии достаточных данных, дающих основание для этого. После составления мотивированного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь должен был предъявить лицу обвинение не позднее 48 часов [6, с. 366].

В случае неизвестности места пребывания обвиняемого, или его побега, следователь делает распоряжение о розыске. При безуспешности розыска следователь должен был произвести необходимые следственные действия по делу

и представить дело в суд, которому оно подсудно, для разрешения вопроса о дальнейшем движении дела, о чем одновременно извещал прокурора (ст. 133 УПК).

Доктрина российского уголовного процесса советского периода не предусматривает ограничений по использованию собранных по уголовному делу доказательств в досудебном производстве посредством следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в суде, в том числе и в части обвинения, приравнивая тем самым доказательственную деятельность следователя к доказательственной деятельности суда.

Права обвиняемых несколько ограничены в сфере защиты, однако расширение прав наблюдается в части присутствия его при производстве отдельных следственных действий, при предъявлении обвинения (ст. 117, 138 УПК).

В отечественном законодательстве требование закона об установление материальной истины было изначально ориентировано на обеспечение его всесторонности и объективности исследований обстоятельств дела и предотвращение обвинительного уклона. К моменту передачи следователей в систему прокуратуры в ст. 111 УПК РСФСР 1923 г. сохранилось аналогичное требование, но фактически утратило свое значение под влиянием тенденциозно обвинительной деятельности прокурора [4, с. 264].

В связи с этим следует сделать вывод о том, что в конце 1920-х гг. реформа отечественного предварительного следствия создала сохраняющуюся донныне форму досудебного производства, которая оказалась внутренне противоречивой, поскольку не допускала повсеместно признаваемую в теории и на практике концепцию разделения следственной и обвинительной властей [2, с. 154]. До настоящего времени принцип полного отделения функции предварительного следствия от функции уголовного преследования в уголовном процессе России и постсоветских стран не применяется.

В качестве недостатков расследования, в том числе связанных с досудебным уголовным преследованием и обвинением, отмечались следующие:

1) неприменение предусмотренного законом порядка обжалования действий органов расследования. Жалобы только приобщались к делу, к наблюдательным производствам и оставались без реагирования на них;

2) волокита при производстве расследования, наличие препятствий для восполнения недостатков следствия по делам, возвращенным для доследования. Это, в свою очередь, влекло увеличение сроков лишения свободы;

3) неприменение установленных УПК правил предъявления обвиняемому материалов оконченого производства, обеспечивающих максимальную полноту и объективность расследования и охрану прав обвиняемого;

4) не соответствующее законным правилам составление обвинительных заключений: неясное изложение обстоятельств дела, заполнение их общеполитическими выводами, а также отсутствие анализа объяснений обвиняемого и материалов дела в целом [5, с. 75].

Расследование завершалось либо прекращением дела, либо направлением его прокурору для передачи в суд.

Прокурор являлся активной стороной обвинения, наделенной полномочиями по возбуждению уголовного дела и уголовному преследованию. Основой

такого разделения полномочий стала передача следователю части обвинительных функций, выраженных в формулировании обвинения и составлении обвинительного заключения. УПК РСФСР определил, что обвинительное заключение составляется следователем после предъявления обвиняемому следственного производства и при необходимости дополнения материалов дела. Заключение состояло из двух частей: описательной части, включающей описание установленных на следствии обстоятельств дела с указанием доказательств, на основании которых следователь предаст обвиняемого суду; резолютивной части, содержащей сведения информационного характера о личности обвиняемого, потерпевшего, основные компоненты преступного деяния и его квалификацию. К заключению прилагался список лиц, вызываемых на судебное заседание. Примечательно, что, рассмотрев уголовное дело с обвинительным заключением и признав его подлежащим направлению в суд, прокурор предлагал утвердить заключение суду. В случае его несогласия с заключением, прокурор вправе был составить новое, изъяв при этом из материалов дела первоначальное.

Интересно то, что в первой судебной стадии – предания суду – судья:

- 1) утверждал обвинительное заключение и «предавал обвиняемого суду»;
- 2) прекращал дело;
- 3) возвращал его для дополнительного расследования с «указанием обстоятельств, подлежащих доследованию» (ст. 237 УПК 1923 г.).

Судебное разбирательство, помимо ординарной формы, предусматривало возможность сокращенного судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины (ст. 282 УПК 1923 г.). Особое производство в виде судебного приказа, когда судебное разбирательство производилось без вызова сторон, характеризовалось тем, что вместо приговора постановлялся приказ об исполнении уголовного наказания по делам о нескольких наименее опасных преступлениях.

Как отмечает Л.В. Головкин, основной проблемой развития советского уголовного процесса заключалась не в положениях УПК 1923 г., а в массовом пренебрежении уголовно-процессуального закона в ходе политических процессов и репрессий. В данный период советское уголовно-процессуальное право существовало в двух параллельных реальностях: одна из них регулировалась УПК 1923 г., применявшимся по общеуголовным преступлениям, а другая – разнообразными уголовно-процессуальными актами чрезвычайного характера, действовавшими по тем уголовным делам, где, с точки зрения власти, имелся в наличии политический элемент. По его мнению, уголовный процесс в значительной мере оказался «некодифицированным» и подчинялся многочисленным особым режимам по отдельным категориям уголовных дел. Так, по делам о терроризме срок предварительного следствия сокращался до 10 дней, обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде [4, с. 154].

Учитывая связь времен, следует сказать, что современная досудебного производства в определенной части сохраняет традиции советского уголовно-процессуального права, является архаичной и не вполне определенной с точки зрения полномочий властных субъектов по осуществлению уголовного преследования, их институциональной роли, соотношения их процессуальных функций.

По мнению А.С. Александрова и М.Л. Позднякова, существующая система уголовного преследования устарела: организационно она разделяет процедуры раскрытия и расследования преступления. Это приводит к участию в ней на досудебной стадии как минимум трех субъектов с разными задачами: орган дознания, следователь/дознаватель и прокурор. Реформы уголовного процесса с начала XXI в. были нацелены на изменение баланса между этими фигурами, однако оставались в рамках сохранения разделения оперативной, следственной деятельности и прокурорского надзора, руководства уголовным преследованием [1, с. 80]. Фигура следователя унаследована от советского уголовного процесса сочетание в его полномочиях розыскной, следственной, обвинительной и квазисудебной функций.

Список источников:

1. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 1(25). С. 78–82.
2. Головкин Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: мат. межд. науч. конф. 6–8 окт. 2010 г. СПб., 2010. С. 24–31.
3. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 1328 с.
5. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. 365 с.
6. Чевердюк О.Г. Некоторые аспекты становления института обвинения в уголовном судопроизводстве России: историческая ретроспектива // Молодой ученый. 2016. № 23(127). С. 365–368.
7. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. 624 с.
8. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. М.: Юридическое изд-во «Норма», 2019. 192 с.

Леонова Елена Викторовна
аспирант Самарского университета,
адвокат Палаты адвокатов
Самарской области, г. Самара

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УПК РСФСР 1922 Г.

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие дополнительного расследования как механизма уголовного преследования. Автор приходит к выводу, что в настоящее время возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования не соответствует принципам состязательности сторон, презумпции невиновности, уровню развития общества и права.*

***Ключевые слова:** дополнительное расследование, возвращение уголовного дела прокурору*

Современный уголовный процесс является результатом многовековых преобразований государства и права, поэтому изучение интересующего нас института дополнительного расследования невозможно в отрыве от его исторического развития. Исторический метод исследования позволяет понять, почему развитие права пошло по определенному пути, выявить закономерности и переломные моменты развития, понять предпосылки и причины формирования отдельных норм и институтов.

В соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 г. законодатель попытался упразднить институт дополнительного расследования, однако эта попытка не увенчалась успехом [1, с. 55]. УПК РФ в первоначальной редакции предполагал возможность возвращения уголовного дела прокурору лишь по формальным основаниям. В дальнейшем ст. 237 УПК РФ, закрепляющая основания возвращения уголовного дела прокурору, подверглась многочисленным изменениям. В настоящее время возрождение института дополнительного расследования не вызывает сомнений, о чем неоднократно высказывались ученые [2], а также свидетельствуют многочисленные примеры судебной практики.

С учетом вышеизложенного особенно актуальным становится изучение положений УПК РСФСР 1922 (1923) г., регламентирующих дополнительное расследование, а также положений предшествовавшего ему Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и следующего за ним УПК РСФСР 1960 г.

Первые советские уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. были приняты после революционных событий 1917–1918 гг., результатом которых стала смена существующего строя. В соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров «О суде» от 24 ноября 1917 г. упразднялись существующие суды, институт судебных следователей, прокурорского надзора и институты присяжной и частной адвокатуры. До соответствующих преобразований предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей единолично.

При этом в своих решениях суды руководствовались законами свергнутых правительств, поскольку они не противоречили революционному сознанию. Несмотря на новый политический курс, уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 г. основывались на дореволюционных положениях права, хотя некоторые положения подверглись принципиальным изменениям.

Возможность возвращения дела на следствие была предусмотрена еще в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г., основой разработки которого послужил Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г. (Code d'instruction criminelle – CIC). Так, если в ходе судебного следствия обнаруживалась причастность подсудимого к деянию, которое влечет более строгое наказание, дело обращалось «вновь к предварительному следствию» (ст. 752, 753 УУС).

С принятием CIC обычно связывают окончательный переход к смешанному типу уголовного судопроизводства, с розыскным досудебным и состязательным судебным производством [3, с. 186]. По мнению Л.В. Головки, само дополнительное расследование концептуально зародилось во Франции [1, с. 59].

В УПК РСФСР 1922 г. по сравнению с УУС были расширены основания возвращения дела для дополнительного расследования. Так, кроме случаев установления в ходе судебного заседания более тяжкого преступления, основаниями для дополнительного расследования стали случаи совершения подсудимым иного преступления независимо от его тяжести и совершения иного преступления не подсудимым, а другим лицом, при условии тесной связи с первоначальным обвинением и невозможности отдельного рассмотрения этих обвинений. При установлении, что новое преступление совершил не подсудимый, а другое лицо, суд выносил мотивированное определение о привлечении такого лица к ответственности. Особо следует обратить внимание на то, что суд был наделен полномочием выносить постановление о возбуждении уголовного дела (ст. 251 УПК РСФСР). Уставом такой процессуальный документ не предусматривался.

В соответствии со ст. 107 УПК РСФСР орган дознания был наделен полномочием по направлению уголовного дела в суд. Устав предусматривал термин «доследование», так как по уголовному делу производилось следствие. По нашему мнению, в связи с закреплением за дознанием процессуальных функций сходных с функциями следствия в УПК РСФСР 1922 г. вводится понятие «дополнительное расследование» (ст. 306, 400 УПК РСФСР), предполагая, что расследование подразделяется на следствие и дознание. Однако термин доследование в юридическом обиходе сохраняется.

Обновление УПК РСФСР в 1923 г. было обусловлено незавершенностью формирования советской государственности и органов уголовной юстиции [4, с. 234]. Поэтому интересующие нас нормы о дополнительном расследовании не претерпели изменений.

Окончательно институт дополнительного расследования сформировался в УПК РСФСР 1960 г. В ст. 232 УПК РСФСР закреплялись основания возвращения дела для дополнительного расследования из распорядительного заседания суда в случаях неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не могла быть восполнена в судебном заседании. К таким случаям относились: существенные нарушения уголовно-процессуального закона, наличие

оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо изменения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы, неправильного соединения и разъединения дела.

Особое внимание необходимо обратить на ст. 308 УПК РСФСР, которая предусматривала возможность принятия судом решения о направлении дела для производства дополнительного расследования в совещательной комнате, о чем судом выносилось определение. Кроме того, стало возможным возвращение дела для дополнительного дознания или следствия судом кассационной (ст. 348 УПК РСФСР) и надзорной инстанции (ст. 378 УПК РСФСР). При этом давались указания о выяснении необходимых обстоятельств, которые были обязательны как для органов предварительного расследования, так и для суда, и при повторном рассмотрении дела (ст. 351 УПК РСФСР).

Таким образом, в УПК РСФСР 1922 г. началось становление дополнительного расследования как института, а в УПК РСФСР 1960 г. институт дополнительного расследования сформировался в окончательном виде. Этот процесс был обусловлен многими факторами, в том числе и политическими. Уголовный процесс рассматривался как единое целое, единая процедура, пусть даже и разделенная на досудебное и судебное производство. Суд, прокурор, следователь воспринимались как звенья единой цепи, а целью их совместной процессуальной деятельности считалось привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Эта идея была закреплена в УПК РСФСР 1960 г. посредством формулирования задач уголовного судопроизводства: изобличение виновных, быстрое и полное раскрытие преступлений, что должно было способствовать искоренению и предупреждению преступлений (ст. 2). Решение данных задач ст. 3 УПК РСФСР 1960 г. возлагала на суд, прокурора, следователя, орган дознания, обязывая возбуждать уголовные дела, устанавливать событие преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и принимать меры к их наказанию. Выполнение этих обязанностей обуславливало предоставление суду права возвращать уголовные дела для дополнительного расследования [5, с. 173]. В результате на суд, прокурора, следователя возлагалась общая ответственность за конечный результат. Оправдательный приговор рассматривался как показатель некачественной работы суда, следователя (дознателя), прокурора. В настоящее время Конституция Российской Федерации закрепляет принципы презумпции невиновности, состязательности сторон, с которыми не совместимо возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования. Поэтому движение в обратную сторону невозможно. Механизмы правового регулирования должны соответствовать уровню развития общества и права.

Список источников:

1. Головкин Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67.

2. Лазарева В.А. Возвращение дополнительного расследования // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения): сборник тезисов материалов международной научно-практической конференции. Москва, 1 декабря 2010 г. М.: Элит, 2010. С. 554–559.

3. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 345 с.

4. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 229–238.

5. Лазарева В.А. Объективна ли «объективная истина?» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5). С. 171–176.

Маркелов Александр Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического
факультета Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Казань

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В представленной статье автором анализируется понятие «назначение уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной деятельности. Учитывая присутствие защитительной функции современного уголовного процесса, предлагается предусмотреть отдельное предназначение нашего уголовно-процессуального законодательства – защиту и безопасность должностных лиц, органов, осуществляющих предварительное расследование, и обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.*

***Ключевые слова:** назначение уголовного судопроизводства, цель и задачи уголовного процесса, защита и безопасность органов предварительного расследования*

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) [1] по-новому подошел к вопросу регламентации назначения уголовного судопроизводства. В основном направленность этих положений можно оценить положительно. Вместе с тем есть ряд спорных моментов как с теоретической точки зрения, так и с практической.

При определении направленности современного уголовного судопроизводства наш законодатель решил отказаться от уже ставшего традиционным понятием «задачи», использовавшегося более 40 лет в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР) 1960 г. [2] и вместо него закрепил ст. 6 УПК РФ «назначение уголовного судопроизводства». При этом в ст. 5, содержащей основные понятия, используемые в УПК РФ, его, к сожалению, тоже нет. В связи с этим правоприменитель оказался в затруднительном положении, так как, с одной стороны, из УПК РФ были исключены привычные для решения задачи уголовного процесса, а с другой – появился ранее не известный ему термин, опыт применения которого отсутствовал. Кроме этого, ситуация усложнялась еще и тем, что ни один из действующих «процессуальных» кодексов Российской Федерации не оперирует «назначением», как следствие, у правоприменителя нет возможностей для его обобщений и заимствований» [3, с. 31–36].

Если мы обратимся к словарю С.И. Ожегова, то под «назначением» понимается: «...область, сфера применения кого-нибудь или чего-нибудь. Использовать

что-нибудь по прямому назначению. Отряд особого назначения. Цель, предназначение» [4, с. 324].

Ссылаясь на это доктринальное обстоятельство, многие ученые-процессуалисты пришли к выводу, что в ст. 6 УПК РФ, несмотря на ее новое название, скрыта так называемая цель отечественного уголовного судопроизводства [5, с. 100; 6, с. 24]. Мы разделяем эту точку зрения, и полагаем, что современное назначение уголовно-процессуальной деятельности – это конечно же цель, это то, к чему надо стремиться и добиваться, что надо реализовать, иначе говоря, «ожидаемые положительные результаты, на достижение которых должны быть направлены действия органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство» [7, с. 21]. А цель очевидна ясна, это прежде всего «конечный объект достижения, то, к чему следует по определению стремиться в нашем многоэтапном процессе уголовного судопроизводства» [8, с. 20]. Для обозначения цели уголовного судопроизводства законодатель выбрал оригинальный термин «назначение», решив тем самым своими действиями «убить двух зайцев» (цель и пути достижения). К слову, стоит отметить, что соотношение понятий «цель» и «назначение» действительно определено многими толковыми словарями, они вполне употребимы в одном лексическом ряду, и спор о разграничении этих понятий уводит от более значимых вопросов» [9, с. 41].

В аргументации данного подхода, по мнению других разделяющих эту точку зрения ученых-процессуалистов, термин «назначение уголовного судопроизводства» помимо цели включает в себя и задачи [10, с. 18; 11, с. 43]. Их обоснование в целом сводится к следующему: «...назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства в принципе служат для обозначения одного и того же, но различаются между собой по степени общности. Наиболее общим и предельно широким следует признать понятие «назначение уголовного судопроизводства» [12, с. 41]. Очевидно, так оно и есть.

Таким образом, полагаем, что под современным назначением уголовного процесса подразумевается оригинальная законодательная конструкция, где сформулированы цель и задачи уголовно-процессуальной деятельности. Вряд ли можно спорить, что цель – это то, к чему надо действительно стремиться, чего хотят достигнуть, а задача – это то, что надо сделать для достижения цели. По большому счету, задачи – это те действия, которые необходимо совершить, чтобы добиться достижения поставленных целей.

В действующем УПК РФ собственно задачи не сформулированы, назначение же уголовно-процессуальной деятельности понимается как цель; то, к чему действительно надо стремиться; на достижение чего должны быть направлены действия государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Несмотря на то, что законодатель расположил ст. 6 в гл. 2 УПК РФ, посвященную принципам современного уголовного судопроизводства, сами по себе положения ст. 6 УПК РФ не являются принципами, а представляет собой оригинальную цель всего уголовного процесса.

Современное уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

При этом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Для ответа на вопрос, какие задачи ставит наш законодатель перед уголовным процессом, необходимо обратиться к задачам, указанным в УПК РСФСР. К ним относили: «быстрое и полное раскрытие преступления (установление преступления и лиц, его совершивших); изобличение виновных (получение доказательств, достаточных для вывода о виновности или невиновности лица); обеспечение правильного применения закона: уголовного и уголовно-процессуального; назначение справедливого наказания виновному или освобождение его от такового в случаях, предусмотренных законом» (ч. 1 ст. 2 и ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

В настоящее время ни одно из указанных положений не отражено в действующем УПК РФ. Профессор В.П. Божьев отмечает методологическую ошибку со стороны разработчиков УПК РФ в выстраивании задач уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в отрыве от задач уголовного закона (ст. 2 Уголовного кодекса РФ [14] (УК РФ)) [13, с. 101].

В связи с этим, на основании анализа ст. 6 УПК РФ и ст. 2 УК РФ, а также при учете положений ст. 2 УПК РСФСР необходимо выделить и сформулировать следующие задачи, с помощью которых достигается цель современного уголовного судопроизводства, сформулированная в ст. 6 УПК РФ:

- 1) уголовное преследование лиц, совершивших преступление;
- 2) полное, всестороннее и объективное расследование преступлений и его раскрытие;
- 3) защита потерпевшего и возмещение вреда (ущерба), причиненного преступлением;
- 4) привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, назначение справедливого наказания виновным, а также отказ от уголовного преследования и оправдание невиновных, в том числе их реабилитация;
- 5) защита личности от незаконного обвинения и осуждения, в том числе ограничения ее прав и свобод;
- 6) уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения установленных законов и уважения друг к другу.

Таким образом, закон связывает назначение уголовного судопроизводства с защитительной функцией государства основных ее ценностей, который обязан охранять современный уголовный процесс. К ним относятся, прежде всего, права и свободы человека, что соответствует стандартам, содержащимся в Конституции Российской Федерации.

Соглашаясь с мнением законодателя, отметим важное: «...определение задач уголовного процесса исключительно на защите прав и законных интересов личности не учитывает тех государственных задач, которые не могут не присутствовать в такой области публичного права, как уголовно-процессуальное право,

и регулируемом им в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс не может выполнить своих задач, не учитывая задач уголовного права» [15, с. 153–188], по сути своей являющегося публичным правом, главным критерием которого выступает публичный интерес, а «его соблюдение должно обеспечить устойчивость организации власти и ее институтов, нормальное функционирование правовых механизмов, обеспечение безопасности государства, защиту его интересов за рубежом и т.д.» [16, с. 129].

Таким образом, защитительная фикция и непосредственная деятельность органов предварительного расследования и суда, реализуемая через правоприменение, должна обеспечить как защиту прав и свобод личности, вовлеченной в уголовный процесс, так и публичных интересов общества и государства от совершенных преступлений. С точки зрения материального уголовного права это конечно же «восстановление социальной справедливости» (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Важным условием достижения этой цели и непосредственной эффективной деятельности органов предварительного расследования и суда, и в том, и в ином направлении безусловно являются «правовые гарантии реализации ими своих функций, нормативно закрепленные их процессуальные полномочия в рамках правозащиты и правоохраны» [17, с. 31–37].

Анализ состояния законов «О государственной защите судей должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», а также действующих положений УПК РФ свидетельствует об отсутствии законодательных норм, регулирующих процесс защиты и безопасности участия лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу. С этой целью необходимо расширить положения действующей редакции ст. 6 УПК РФ, предусмотрев отдельное предназначение нашего уголовно-процессуального законодательства – защиту и безопасность должностных лиц, органов, осуществляющих предварительное расследование, а также обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Список источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
3. Азаренок Н.В. Определение понятия «назначения уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 31–36.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 797 с.
5. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном расследовании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 499 с.
6. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. 352 с.

7. Баранов А.М., Деришев Ю.В., Николаев Ю.А. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права: учеб. пособие. Омск, 2003. 49 с.
8. Бунин К.А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. 247 с.
9. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М., 2018. 296 с.
10. Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.): в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 15–18.
11. Дубина И.А. Задачи досудебного уголовного судопроизводства и роль прокурора в их достижении: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 203 с.
12. Зацепина Е.М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005. 250 с.
13. Божьев В.П. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 89–120.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
15. Божьев В.П. Влияние Уголовного кодекса Российской Федерации на формирование норм и институтов уголовно-процессуального права // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: матер. межвед. круглого стола / под ред. О.А. Галустяна, О.И. Цоколовой. М., 2003. С. 153–188.
16. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 2013. 576 с.
17. Ендольцева А.В. Правоохрана и правозащита в деятельности органов предварительного расследования // Юрисъ-Правоведъ. 2017. № 4(83). С. 31–37.

Махова Маргарита Львовна

соискатель кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса Уральского
государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева, юрист,
г. Екатеринбург

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам истории появления и развития адвокатуры в Российском государстве. Рассмотрение и анализ истории появления и становления адвокатуры Российской Федерации имеет своей целью не просто удовлетворить естественное любопытство граждан страны, но и для того, чтобы можно было выявить сложности, которые возникали на пути становления и развития этого отдельного звена правовой системы, а также для того, чтобы сформулировать определенные выводы для исследования работы.*

***Ключевые слова:** адвокатура, коллегия адвокатов, правозащитник, судебная реформа, юридические консультации*

Хотелось бы при изучении истории адвокатуры выявить динамику развития, а также определить перспективы развития на ближайшее время уже в современном правовом процессе. Сейчас с легкостью можно определить и выявить принципы, на которых строится организация и деятельность адвокатуры Российской Федерации [8], а именно:

- добровольность;
- независимость и самоуправление;
- законность;
- нравственность;
- профессионализм;
- гуманизм.

С учетом того, что история адвокатуры берет свое начало с давних времен, то появляется мысль о том, чтобы рассмотреть все принципы организации деятельности адвокатуры, начиная с дореволюционной России. И вместе с этим можно прийти к закономерному выводу, что все вышеперечисленные принципы существовали и ранее. Но при изучении и исследовании научной литературы было сделано заключение о том, что все эти принципы в то время были реализованы частично. Да и сейчас можно говорить о том, что не всегда этим принципам получается следовать в полном объеме. Посредством изучения автор делает выводы о том, что всякая организация должна постоянно развиваться и не стоять на месте. И это касается также еще и самих принципов адвокатуры. Многие научные деятели говорят о том, что порой эти принципы должны защищаться.

Зарождение первых истоков адвокатуры были еще при Александре II. В то время появилась присяжная адвокатура, а также еще и частная адвокатура. Создание таких адвокатур пришлось на конец XIX в., а именно на 60-е гг. XIX в. [9, с. 187].

Существует общественное устоявшееся мнение юристов о том, что создание института адвокатуры в России является результатом того, что были созданы присяжные-заседатели. Основной причиной того, что стала зарождаться адвокатура – это преобразование всей судебной системы и всего судебного процесса, который стал больше носить состязательный характер. К присяжным-заседателям всегда предъявлялись требования к их должности. В то время единственным, но в тоже время обязательным условием было наличие законченного высшего образования. Если у кандидата не было наличия законченного высшего образования, то его кандидатуру даже не брали на рассмотрение.

Существовала и такая должность, как частные поверенные. К ним не применялось обязательное условие по наличию законченного высшего образования. Они могли участвовать в судебном процессе и без этого требования, которые применялись к присяжным-заседателям. Все прекрасно понимали, что в то время закончить школу было сложно, не говоря уже о высшем образовании. Многие не могли поступить в высшее учебное заведение, а кому-то это удавалось благодаря своему социальному положению – это было очень маленькое количество людей. Согласно всему этому происходящему, было принято решение Учреждения судебных установлений, в котором было указано, что в судебном процессе имеют право участвовать частные поверенные без высшего образования.

Также в XVI–XIX вв. существовали такие государственные служащие, которые явились предшественниками адвокатуры – речь идет о стряпчих [11, с. 17]. За присяжными поверенными, а также за Советом присяжных поверенных надзирала и контролировала Судебная палата округа.

Данный государственный орган регулировал деятельность вышеназванных органов и контролировал все правоотношения, которые возникали между участниками уголовного судопроизводства.

Как и в наше время, в императорской России существовали введенные ограничения на тех лиц, которые по каким-либо причинам не могли претендовать на должность присяжного поверенного. Перечень таких требований был открытым и мог пополняться по решению Судебной палаты округа либо Учреждения судебных установлений. Автор демонстрирует данный список, который был закреплен законодательно, перечисляя тех, кто не имел право претендовать на должность присяжного-заседателя, а именно:

- иностранные граждане;
- должники;
- категории лиц, которые находились на государственной службе;
- категории лиц, которые находились под следствием либо в отношении которых был вынесен приговор суда и др.

Вопросы, которые касались оформления приема на должность, увольнение с должности, рассмотрение жалоб на действия присяжных-заседателей, а также контроль и надзор за деятельностью органов присяжных-заседателей уже в то время носили законодательный характер и получили свое закрепление в ст. 354 и 367 Учреждения судебных установлений.

В соответствии с вышеизложенной информацией, автор делает выводы о том, что в те времена нельзя было говорить о полной независимости адвокатуры

как отдельно обособленного правового института, но можно сказать, что самоуправление существовало в пределах суда. С развитием и становлением адвокатуры как обособленного правового института начали формироваться определенные нравственные и профессиональные качества адвоката. Они формировались посредством требований, которые предъявлялись для кандидатов на должность адвокатов.

Такие же положения существуют и в современной адвокатуре, но на практике не все эти положения применяются в полной мере. Зачастую положения применяются частично, и чаще всего ухудшают положения адвоката. Особенно идея судебной реформы конца XIX в. в России носила контрреволюционные положения, в связи с чем большинство из этих положений не было реализованы.

После того, как было понятно, что положения судебной реформы 1864 г. были отвергнуты, стало ясно, что на замену этому придет другой законодательный акт. В соответствии с этим, было замечено, что развитие российской адвокатуры уже после 1864 г. стало брать направление на то, чтобы сформировать законодательное закрепление и утвердить его в отношении правового статуса адвоката, который имеет право и полномочия для того, чтобы участвовать в гражданском или уголовном судопроизводстве. В XIX в. Россия взяла курс на то, чтобы развивать направление адвокатуры по образу европейских стран.

Среди адвокатов стали выделять более особых и ярких личностей, таких как: Спасович, Александров, Андреевский, Плевако и др. Указанные выше личности считались образцом и примером, которые осуществляли законную справедливость и боролись именно за нее. Таких людей называли судебными ораторами, считали, что именно они заслуживают всех лавр в судопроизводстве. Именно эти адвокаты считались людьми высочайшей профессиональной культуры.

После революционного переворота 1917 г. можно сказать, что было разрушено все, что строилось веками наших предков. И конечно же, был разрушен институт адвокатуры. Были разрушены и судебные учреждения. И вся правовая система государства в целом. Как говорил великий товарищ В.И. Ленин: «Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда».

Далее большое значение в истории становления и развития адвокатуры России сыграл такой законодательный акт, как Декрет о суде № 1. Данный закон был принят сразу через несколько недель после осуществления Октябрьской Революции 1917 г. Декрет о суде № 1 был создан и введен в действие 24 ноября 1917 г. Данный закон имел своей целью именно создание так называемых «советских судов». Данный Декрет о суде № 1 не содержал в себе понятие адвокатуры. Также в этом документе не было речи о том, чтобы каким-либо образом регулировать адвокатскую деятельность. Но среди всего этого в нем было сказано о том, что требования к защитнику и обвинителю только одно – это «все неопороченные лица обоего пола».

Спустя некоторое время главы нашего государства приняли законодательный акт – Инструкцию Наркомюста, которая вступила в действие 19 декабря 1917 г. В Инструкции говорилось о создании Учреждения коллегии правозаступников. В этой Инструкции было новшество – в ней не было прописано требований, которые предъявлялись для кандидатов на должность правозаступников.

Хотя было сказано о том, что кандидаты, которые претендуют на должность правозаступников обязательно должны были представить в качестве документов рекомендательные письма от Советов депутатов [9, с. 187].

Далее был принят нормативный правовой акт, который получил название Декрет о суде № 2. Этот Закон был принят 7 марта 1918 г. В данном законе вводилось новое понятие «коллегия правозаступников». Они должны были образовываться при Центральных районах Совета Депутатов. Декрет СНК № 2 закреплял формирование таких коллегий и контроль за их деятельностью. Каких-либо требований к должности на кандидатуру адвоката в то время не было закреплено. В тех документах, которые были вышеперечисленны, не было закреплено особых положений, которые бы применялись к кандидатурам на должность правозаступников.

Далее, если рассматривать историческую литературу, то можно увидеть, что в конце 1918 г. стали образовываться коллегии защитников, но именно в гражданском судопроизводстве. Именно этот шаг нашего законодательства и явился большим вкладом в развитие будущего становления адвокатуры Российской Федерации. Закон, который закрепил эти коллегии, получил название – Декрет «О народном суде РСФСР» [6]. Данный Декрет закрепил на законодательном уровне положение о вознаграждении адвокатов. Вознаграждения должны были выплачиваться в соответствии со сметой, которую составлял Наркомюст.

Были предприняты попытки для того, чтобы убрать все эти коллегии, потому как многие члены власти считали, что коллегии имели сильные элементы буржуазной адвокатуры. Посредством этого коллегии правозаступников впоследствии все-таки были свергнуты. После того, как все зарожденные попытки к образованию адвокатуры, как отдельного правового института, были свергнуты, власть приняла решение о том, что все лица, которые включены в списки исполкомом обязаны осуществлять защиту в порядке трудовых задач. Эти меры были приняты не с проста. Тем самым властные чины хотели полностью истребить прожитки дореволюционной адвокатуры.

26 мая 1922 г. – это дата является государственной датой создания советской адвокатуры. Тогда и было принято решение о создании Положения об адвокатуре на III сессии ВЦИК IX созыва. Именно это Положение об адвокатуре заложило фундамент для создания и появления нашей современной российской адвокатуры. Здесь уже были закреплены требования и положения к должности адвоката (защитника) [10, с. 341].

Такие коллегии защитников должны были создаваться при губернских отделах юстиции, а также подчиняться им, но не в полной мере. Именно этим положением устанавливались такие нормы, посредством которых должен быть избран президиум в коллегии защитников, который наделялся особыми полномочиями в области реализации деятельности адвокатов, например:

- прием на должность и увольнение с должности адвоката;
- рассмотрение дисциплинарных дел, а также наложение на адвокатов взысканий;
- решение финансовых, зарплатных, административно-хозяйственных вопросов и др.

Именно с созданием этого Положения об адвокатуре и начинается история становления и развития основных принципов и начал российской адвокатуры [9, с. 191].

Далее можно сделать выводы о том, что начинается активный рост коллегий адвокатов, а также начинаются создаваться сети по юридическим консультациям. Положение регламентировало только тех адвокатов, которые находились в коллегии. Не могли осуществлять свою деятельность адвокаты, которые занимались частными практиками. Закон наказывал данный вид деятельности адвоката и закреплял нормы, которые в свою очередь применялись к адвокатам, осуществляющим и оказывающим частные юридические услуги [9, с. 189].

При рассмотрении правовых актов, таких как Положение об адвокатуре от 27 февраля 1932 г., а также Положение об адвокатуре от 16 августа 1939 г., можно заметить, что в этих документах стали отображаться принципы организации и деятельности адвокатуры. Также можно увидеть, что в этих правовых актах стали четко разграничиваться права и обязанности адвокатов среди различных подразделений коллегии адвокатов и их членов.

Изучая положение, которое было принято и введено в действие 16 августа 1939 г., можно прийти к умозаключению, что данный законодательный акт впервые закрепил такое требование, предъявляемое на должность адвоката, как наличие юридического образования, либо стаж работы не менее трех лет в должности судьи, прокурора, следователя или юрисконсульта. Здесь же начинает подниматься вопрос и по поводу самостоятельности адвокатов. Посредством того, что полномочия, а именно права и обязанности адвокатов были расширены, поднимается и вопрос по поводу того, что адвокатура должна стать отдельным правовым институтом. Касаясь оплаты труда адвокатов, то она устанавливалась в соответствии с определенной таксой, которая время от времени менялась Наркомюстом.

Роль адвокатуры в то время стала повышаться с учетом того, что она была призвана защитить народ. К адвокатуре стало проявляться доверие со стороны не только народа, но и других государственных структур.

Основной Закон РСФСР – Конституция РСФСР 1978 г. – также на законодательном уровне закрепил основные положения об адвокатуре России. А именно в ст. 173 Конституции РСФСР 1978 г. говорилось о том, что для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов. Эти положения об адвокатуре не нашли свое отражение в судебном процессе. Они указывали только на то, что юридическая помощь могла осуществляться в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Следующим для изучения автор работы приводит такой законодательный акт, как «Закон об адвокатуре в СССР». Этот закон является самым первым законом об адвокатуре, который посвящен именно адвокатуре как отдельному правовому институту. Данный закон был принят Верховным Советом СССР от 30 ноября 1979 г. Этот Закон СССР содержал в себе общие положения организации и деятельности адвокатуры на всей территории Советского Союза, который включал и все союзные республики, входившие в состав СССР. Этот Закон СССР впервые закрепил нормы закона, которые провозглашали создание добровольных объединений лиц, которые занимались адвокатской деятельностью. Здесь

же был закреплён обязательный принцип, который применялся ко всем кандидатам на должность адвоката, а именно обязательное наличие высшего юридического образования, а также установление обязательных сроков стажировки для всех кандидатов.

Не скрывалась и руководящая роль государства: «Министерство юстиции РСФСР, министерства юстиции автономных республик, отделы юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, городских советов народных депутатов в пределах своей компетенции контролируют соблюдение коллегиями адвокатов требований Закона СССР «Об адвокатуре в СССР», Положения, других актов законодательства Союза ССР и РСФСР, регулирующих деятельность адвокатуры:

- устанавливают порядок оказания адвокатами юридической помощи гражданам и организациям;

- заслушивают сообщения председателей президиумов коллегий адвокатов о работе коллегий;

- издают инструкции и методические рекомендации по вопросам деятельности адвокатуры;

- осуществляют другие полномочия, связанные с общим руководством адвокатурой».

В целом же, проведя анализ и изучив научную литературу, посвященную становлению и развитию истории адвокатуры, автор пришел к выводу о том, что история становления российской адвокатуры началась с разгона ее профессионального дореволюционного ядра. Далее в течение нескольких десятилетий власть считала, что адвокатура – это организация, которая чужда социалистическим идеалам. Несложно представить то состояние адвокатуры, с которым она пришла в период судебной реформы 90-х гг. XX в.: государственная ангажированность, малочисленность коллегий, невысокий профессиональный уровень, робость в отстаивании интересов доверителя и подзащитного.

Вопрос о Судебной реформе, которая происходила в 90-х гг. XX столетия, носит очень острый и важный характер и большую значимость для развития современной адвокатуры. Судебная реформа существенно поменяла как статус адвоката, его процессуальное положение, так и статус адвокатских объединений.

И последний документ, к которому хотелось бы обратиться, это Конституция Российской Федерации 1993 г. В 2020 г. вступили новые поправки к Конституции Российской Федерации, которые были одобрены в ходе общероссийского голосования от 01.07.2020. Ст. 48 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой закреплены нормы, предусматривающие оказание юридической помощи, никаких изменений не претерпела. В соответствии с этим, как в Конституции Российской Федерации было закреплено обеспечение защиты посредством предоставления юридической помощи, так это положение и осталось неизменным. При этом встречаются и такие случаи, когда эта помощь может и должна предоставляться на бесплатной основе. Также на основании действующей Конституции Российской Федерации в ч. 2 ст. 48 существует норма, которая закрепляет право подозреваемого, обвиняемого на получение защиты с участием адвоката-защитника по уголовному делу.

Итак, рассмотрев историю развития и становления российской адвокатуры, можно прийти к выводу о том, что данный правовой институт стремился

всегда быть независимым и самостоятельным институтом несмотря на то, что было пройдено много революционных изменений в общественно-политической жизни страны в целом.

Выводы о том, что адвокатура России все время претерпевала какое-либо давление со стороны власти – обоснованы. Эти моменты в истории адвокатуры были самые сложные и тяжелые. С тем условием, что наша страна всегда преследовала демократические начала, в соответствии с этим в России и стала развиваться и получать популярность адвокатура как правовой самостоятельный институт. Подводя итоги изученному исследованию данного раздела следует прийти к заключению о том, что изменения, которые были внесены в УПК РФ [1], также закрепили развитие законодательства об адвокатуре, а именно в ст. 6 УПК РФ.

Список источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об адвокатуре в СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Инструкция об организации обвинения и защиты на суде: Постановление Наркомюста РСФСР от 23 ноября 1920 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О суде: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Положение ВЦИК об адвокатуре от 26 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Горбачева Е.В. Функции защиты как необходимый элемент состязательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 55–60.
9. Николотов Е.А. История становления института защиты в Российском государстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 1. С. 184–191.
10. Соловьева Ю.И. Особенности правового статуса адвоката в советский период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 341–345.
11. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993. 183 с.

Машовец Асия Океановна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса Уральского
государственного юридического
университета, г. Екатеринбург

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме изменения обвинения в судебном разбирательстве. Анализируются положения Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. о возможности изменения обвинения в судебном разбирательстве. Выделяются критерии пределов судебного разбирательства. Обосновывается возможность изменения обвинения в судебном разбирательстве на базе преемственности уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, обвинение, изменение обвинения, пределы судебного разбирательства*

Обвинение, представляющее утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ, определяет пределы судебного разбирательства.

Статья 252 УПК РФ, трактуемая как «правовой стандарт определения пределов судебного следствия», ограничивает пределы судебного разбирательства двумя критериями: судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Содержательные требования определения пределов судебного разбирательства – проведение судебного разбирательства лишь по предъявленному обвинению – находят выражение в структурных частях обвинения: «Каждое из трех структурных элементов обвинения: фабула, юридическая формулировка и юридическая квалификация должны последовательно отражать сущность того преступного деяния, которое вменяется в вину конкретному лицу» [1, с. 111].

Изменение структурных элементов обвинения, влекущих ухудшение положения подсудимого, нарушает пределы судебного разбирательства. Ф.Н. Фаткуллин в связи с этим указывал, что «обвинение должно считаться более тяжким не только в случае переквалификации содеянного на уголовно-правовую норму о более тяжком преступлении, но и тогда, когда либо добавляются дополнительные фактические или юридические признаки, либо в результате применения другого уголовного закона положение обвиняемого усугубляется иными (кроме наказания) возможными неблагоприятными последствиями признания виновным и осуждения по этой статье закона (ее части, пункта) [2, с. 56].

Судебная практика, следуя постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», признает обвинение более тяжким, когда:

а) применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание;

б) в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного.

Анализ содержательных пределов изменения обвинения в суде позволяет разграничить полномочия суда по изменению пределов судебного разбирательства в различные исторические эпохи.

Применительно к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. исследователи приводят разъяснения Сената, касающиеся пределов судебного разбирательства и вопросов судебного усмотрения относительно юридической формулировки деяния, в изложении С.Г. Щегловитова: «если описанным фактическим обстоятельствам совершенного преступления была дана ошибочная правовая квалификация, суд не был ей блокирован, а имел возможность поставить вопрос о привлечении лица к ответственности за деяние, предусмотренное другой нормой уголовного закона» [3, с. 37]. Выводы обвинительного акта о том, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния (ст. 520 Устава уголовного судопроизводства), не являлись для суда той исторической эпохи определяющими. Применительно к юридической оценке деяния действовало правило «Квалификация принадлежит суду».

Вопрос о допустимости изменения фактических обстоятельств деяния решался не столь однозначно.

Александров А.С. отмечает, что «правило о тождестве уголовного иска» в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. означало запрет суду выходить за пределы уголовного иска обвинителя, прямо или косвенно расширить их; суду запрещено заменять обвинение, по которому обвиняемый был предан суду, более тяжким [4, с. 283]. Полагаем, что выводы автора исходят из анализа содержания ст. 752 Устава уголовного судопроизводства, гласящей: «О преступном деянии, не предусмотренном в обвинительном акте, но обнаруженном при судебном следствии, вопросы не предлагаются, если оно по закону подвергается наказанию более строгому, чем деяние, в том акте определенное». При обнаружении указанного преступного деяния полагалось новое предварительное следствие с составлением обвинительного акта по всем преступным действиям подсудимого (ст. 753 Устава уголовного судопроизводства). Это положение толковалось Сенатом расширительно, следствие требуется «только тогда: а) когда обвинение делается более строгим в отношении угрожающего подсудимому наказания, и б) когда изобличение основывается на вновь открывшихся на судебном следствии обстоятельствах, а не на таких, которые были в виду обвинительной камеры» [5, с. 498].

Предполагаемая возможность изменения обстоятельств дела (по сравнению с обвинительным актом) в ходе судебного разбирательства, влекущее изменение обвинения, не исключало безотлагательного разрешения обвинения, если оно относилось «к действию, которым сопровождалось выведенное из акта преступление. Или хотя и к отдельному действию, но к такому, которое не может увеличить степень наказания, определенного в законе за главное преступление обвиняемого» [6, с. 360]. Профессор Гогель писал в связи с указанным положением, что «... ст. 751 Устава уголовного судопроизводства предписывает ставить дополнительные вопросы на основании данных судебного следствия и прений сторон, но вовсе не нормирует этой постановки, не указывая, хотя бы приблизительно, при каких условиях надо считать выводы обвинительного акта измененными судебным следствием и прениями сторон». И, оценивая разъяснения Сената по этим вопросам, подмечает, что эти толкования (Сената – М.А.) дополняют закон в смысле, который, может быть, не вполне отвечает взглядам законодателя [7, с. 241]. Под изменением обвинительного акта понимали выяснение в ходе судебного следствия: новых признаков того же деяния; признаков, вынуждающих признать деяние подсудимого преступлением совершенно иного вида или даже рода, чем то, которое описано в обвинительном акте; совершенно новое деяние того же подсудимого, вовсе не предусмотренное обвинительным актом.

Современные исследователи положений Устава уголовного судопроизводства, в частности А.А. Михайлов, солидарны с предшественниками в характеристике расширительного толкования Сенатом полномочий суда по изменению обвинения в ходе судебного разбирательства: «При менее существенных изменениях, вследствие которых увеличивалась уголовная ответственность подсудимого, как указывал Сенат исходя из расширительного толкования уже ст. 612 и 734 Устава, суд должен был предупредить об этом подсудимого и при наличии просьбы последнего приостановить судебное заседание для предоставления подсудимому возможности подготовиться к защите, что должно было быть удостоверено протоколом заседания. В остальных случаях (например, при дополнении обвинения отдельными фактическими обстоятельствами при неизменности квалификации) для изменения судом обвинения не требовались ни предупреждение подсудимого, ни отсрочка разбирательства дела» [8, с. 32].

Отдавая должное составителям Устава уголовного судопроизводства, комментаторам того времени, следует подчеркнуть один из главных устоев той эпохи: безусловный приоритет следствия судебного перед следствием предварительным, признание того, что основанием приговора должно служить следствие судебное и возможность изменения обвинения на основании результатов судебного следствия.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г., утвержденный Постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г., и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (по сути, новая редакция УПК 1922 г., утвержденная Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.) отчасти восприняли позитивный опыт предшествующих поколений. Изменение обвинения в судебном разбирательстве (без направления дела на расследование) допускалось в тех случаях, когда судом обнаружены будут во время судебного заседания новые обстоятельства, требующие изменения

первоначальной формулировки обвинения, не влекущие за собой более тяжкого наказания. В соответствии со ст. 313 УПК 1923 г. суд продолжал слушание дела и выносил приговор по новой формулировке обвинения. В тех случаях, когда судом обнаружены будут во время судебного заседания новые обстоятельства, требующие изменения первоначальной формулировки обвинения, и изменение это влечет за собой более тяжкое наказание, суд в случае ходатайства о том, какой-либо из сторон приостанавливает слушание дела и направляет дело для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке.

Не допускалось изменение обвинения без производства предварительного следствия при обнаружении во время судебного заседания совершения подсудимым другого преступления, не связанного с первоначальным, а также если новое обвинение находится в тесной связи с обвинением первоначальным и отдельное рассмотрение последнего не представляется возможным (ст. 312 УПК).

Строгович М.С., комментируя указанные положения закона, писал, что ст. 312 УПК подверглась значительным изменениям на 2-й сессии ВЦИК XI созыва [9, с. 312]. Порядок рассмотрения уголовного дела при выявлении в судебном заседании нового деяния был значительно упрощен, суд выделял дело по новому обвинению, не связанному с первоначальным, лишь в случае, когда признает необходимым производство по этому делу предварительного следствия или дознания или когда новое обвинение влечет для подсудимого более тяжкое наказание, чем первоначальное обвинение.

Таким образом, наряду с усилением дискреционных полномочий суда (когда суд признает необходимым), налицо закрепление в тексте закона требования о производстве предварительного следствия и (или) при утяжелении наказания (когда новое обвинение влечет для подсудимого более тяжкое наказание). При установлении в ходе судебного разбирательства новых обстоятельств, не охватываемых ранее предъявленным обвинением, суд мог вынести приговор и в отношении нового обвинения при соблюдении требования о недопустимости назначения подсудимому более тяжкого наказания по сравнению с первоначальным обвинением.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) пределы судебного разбирательства излагались более содержательно, кроме материального критерия недопустимости изменения обвинения (не допускается изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду), ст. 254 УПК закрепляла требование процессуального характера: недопустимость нарушения права подсудимого на защиту. Последнее связывалось прежде всего с изменением фактических обстоятельств уголовного дела, установленных по делу фактов. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре» и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 с аналогичным названием констатировалось, что изменение квалификации преступления допустимо лишь при условии, если действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину при предании суду, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам

от обвинения, по которому он был предан суду, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту.

Пределы судебного разбирательства в ст. 252 УПК РФ сформулированы еще более лаконично, критерии определения указанных пределов по действующему законодательству от положений ст. 254 УПК РСФСР существенно не отличаются.

Стабильность законодательных положений о пределах судебного разбирательства не означает застоя уголовно-процессуальной теории о возможности изменения обвинения в ходе судебного разбирательства. В фокусе внимания – создание правового механизма предъявления нового обвинения в суде. Так, Б.Я. Гаврилов ратует за предоставление законодателем суду полномочий по исправлению пороков обвинения, в том числе предъявления обвинения в более тяжком деянии непосредственно в ходе судебного разбирательства [10, с. 87]. Аналогичная позиция обосновывалась ранее и нами [11].

Разработка механизма изменения обвинения на более тяжкое в ходе судебного разбирательства на базе преемственности уголовно-процессуального законодательства и богатого научного наследия наших предшественников представляет интерес как для теории, так и для практики уголовного судопроизводства.

Список источников:

1. Бравилова Е.А. Пределы судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 237 с.
2. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. Казань, 1976. 163 с.
3. Килина И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2019. 216 с.
4. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород, 2003. 420 с.
5. Случевский. Учебник русского уголовного процесса. Санкт-Петербург, 1913. 670 с.
6. Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. СПб., 1863. 496 с.
7. Гогель С.К. О порядке постановления и объявления приговоров. Общие замечания // Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. IV. М., 1915.
8. Михайлов А.А. С. Возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования: 150 лет истории, теории, практики // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 31–38.
9. Строгович М.С., Карницкий Д.А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Текст и постатейный комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1926. 490 с.
10. Гаврилов Б.Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3(63). С. 83–91.
11. Машовец А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты. М., 2016.

Осодоева Наталия Васильевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
МВД России, г. Иркутск

ПРОИЗВОДСТВО ДОПРОСА НА СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г. И УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** Статья посвящается сравнительному анализу положений законов, регламентирующих производство допроса участников уголовного судопроизводства в ходе судебного следствия. Автор исследует положения законодательства в период царствования Петра I, Екатерины II, Александра I, поскольку они предшествовали принятию Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Однако автор детально останавливается на положениях Устава уголовного судопроизводства 1864 г., обращает внимание на возможность рассмотрения уголовного дела в суде присяжных, а также на реализацию принципа состязательности и равноправия в суде при исследовании доказательств. Автор приходит к убеждению, что существенные изменения коснулись проведения допроса в суде во время Октябрьской революции 1917 г., что нашло свое отражение в Декрете РСФСР «О суде», в Декрете ВЦИК «О народном суде», а также в УПК РСФСР 1922–1923 гг.*

***Ключевые слова:** допрос, судебное следствие, суд*

Допрос является самым древним способом получения доказательств.

В Киевской Руси показания свидетелей подразделяли на прямые и косвенные. Преимуществом пользовались показания «видоков» (очевидцев совершившегося факта). А к показаниям «послухов» (свидетельствующих по слуху) предъявлялись дополнительные требования, например количественный критерий. Псковская судная грамота определяла предмет допроса «послухов» (ст. 20), предусматривала правило, согласно которому если «послух» не подтвердит свои показания в суде, его не считать свидетелем, и ранее данные показания не учитывать (ст. 22). Судебник 1497 г. относительно судебного допроса закреплял положение о запрещении лжесвидетельства (ст. 67), предписывая: «А послухам не видев не послушествовать». Впервые был предусмотрен допрос большой группы соседей для характеристики личности виновного («повальный обыск») (ст. 72, 73). Судебник 1550 г. предусматривал, что в случае разногласий в показаниях свидетелей в суде спор должен решиться поединком между сторонами (ст. 15); устанавливал ответственность за неявку в суд для дачи показаний (ст. 18), обязательную фиксацию показаний в протоколе судебного заседания (ст. 62). Соборное Уложение 1649 г. восприняло основные положения вышеуказанных актов, однако внесло некоторые корректировки. Новшеством являлось закрепление требований

к процедуре допроса в суде: допрашиваемые должны были вести себя вежливо, смиренно, какие-либо грубые слова произносить и браниться запрещалось. За нарушение этого правила допроса в суде предусматривалось тюремное наказание (ст. 105). Перед началом допроса предусматривалась дача присяги (ст. 158). При оценке доказательств в суде запрещался отвод свидетельских показаний (ст. 158, 159, 161).

В период царствования Петра I были внесены существенные изменения в законодательство, регламентировавшее производство допроса в суде. Закон эпохи Петра I – «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. – показаниям свидетелей в суде отводил второе место после основного вида доказательств – признания своей вины (ст. 1 гл. 2). При этом закон устанавливал, что свидетелей мог допрашивать судья (ст. 9 гл. 3), вводились правила раздельного допроса свидетелей (ст. 2 гл. 3), о «негодных и презираемых» свидетелях и их отводе (ст. 2 гл. 3), о необходимости давать присягу перед дачей показаний, о запрете давать показания по слухам. Ранее данные в письменном виде показания «прежде не признаются, пока представитель оных в суде за правдивые объявит и на то присягу учинит» (ст. 2 гл. 3). В главе 6 «О распросе с пристрастием и о пытке» «Краткого изображения процессов» предусматривалось применение пытки при распросе. Пытка применялась не только к обвиняемому, но и к свидетелю (ст. 3 гл. 6). Сохранялось неравенство в оценке показаний свидетеля в зависимости от источника их получения (ст. 13 гл. 3) [1, с. 415–417, 421].

Во время царствования Екатерины II законодательство было преемником идей законов Петра I. Преимущественным средством получения показаний у допрашиваемого являлась пытка. Тайная канцелярия в 1762 г. разработала специальный «Обряд како обвиняемый пытается», в котором были подробно описаны техника пытки и порядок ее проведения. В указанном обряде особое значение придавалось соблюдению процессуальной формы допроса: «...при пытках бывают судьи и секретарь, и для записи пыточных речей подъячий... Все записывается, что пытаемый сказывать станет... Записав пыточные речи, крепить судьям, не выходя из застенка...» [2, с. 264].

В 1801 г. при Александре I была отменена пытка как основное средство получения показаний в ходе допроса. Признание подсудимым своей вины по-прежнему считалось лучшим доказательством (ст. 316, 315 Т. XV Свода законов).

Одним из доказательств Сводом законов предусматривался допрос свидетелей. Сводом законов на законодательном уровне устанавливались требования, предъявляемые к допросу свидетелей: «Свидетельское показание рассматривалось как полное доказательство, когда оно было дано под присягою и перед надлежащим судебным учреждением или полицией на точном основании закона; когда оно было отчетливо и точно основано на личном восприятии и не противоречиво; когда по личным свойствам и обстоятельствам не было причины опасаться лжи» (ст. 303 Т. XV Свода законов) [3, с. 143].

В 1864 г. была проведена судебная реформа, в ходе которой был принят Устав уголовного судопроизводства (УУС), положивший начало широкомасштабным преобразованиям в судостроительстве и судопроизводстве. УУС предусматривал следующие правила судебного допроса. Так, в УУС были закреплены положения, согласно которым производство допроса в судебном заседании

производилось как с участием присяжных заседателей, так и без них (ст. 544, 545, 646–677), при этом УУС устанавливал возможность исследования доказательств судом и присяжными заседателями (ст. 672). Анализ положений УУС позволяет выделить следующие установленные в нем доказательства: показания потерпевшего (ст. 700), показания свидетелей (ст. 701–727), показания подсудимого (ст. 679–686), показания сведущих людей (ст. 690–695). В суде участников судебного разбирательства первым допрашивал председательствующий, а затем стороны (ст. 684, 695, 703); свидетели, сведущие люди приводились к присяге (ст. 694, 711–715), свидетелям дополнительно разъяснялась ответственность за дачу ложных показаний (ст. 716), им впервые было предоставлено право отказаться свидетельствовать против своих близких (ст. 705), УУС содержал положения, согласно которым отдельные лица не допускались к свидетельству, а также и не допускались к свидетельству под присягой (ст. 704, 705–708); допрос проходил в виде свободного рассказа, затем допрашиваемые лица давали ответы на поставленные вопросы (ст. 718–720); предоставлялась возможность передопросить лицо в присутствии другого свидетеля или проведение очной ставки (ст. 726), устанавливался предмет допроса «...не только о том, что видел или слышал, но и о тех обстоятельствах, которые доказывают, что не мог показанного им не видеть, не слышать, или не мог видеть или слышать так, как о том свидетельствует (ст. 721)» [4, с. 182–190].

Серьезные изменения коснулись производства допроса в ходе судебного следствия в результате Октябрьской революции 1917 г. Первыми декретами советской власти упразднялся весь аппарат юстиции: окружные суды, царская прокуратура, адвокатура, закрывался Правительствующий Сенат со всеми департаментами, была заложена новая «советская» система судостроительства и судопроизводства по уголовным делам.

Следует отметить, что Декрет РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. (далее – Декрет № 1) не содержал еще новых процессуальных порядков, а лишь формулировал общие организационные, судопроизводственные положения о новом народном суде (местном суде) [5].

В развитие положений Декрета № 1 принятый Декрет РСФСР «О суде» № 2 от 22 февраля 1918 г. (далее – Декрет № 2) содержал положение, согласно которому судопроизводство по уголовным делам проводилось по правилам судебных уставов 1864 г., поскольку нормы УУС, не противоречившие правосознанию трудящихся классов, действовали и не были отменены декретами ЦИК РКСД и СНК [6]. Идеи УУС сохранились и в процессуальном законодательстве, относящиеся к характеристике процесса, исходившего из принципа состязательности, обеспечения права на защиту подсудимого. Однако Декрет не содержал требования о возможности предупреждения свидетелей давать показания под присягой. Обязанность лица подкрепить свое показание клятвенной санкцией религиозного характера отвергалась на основании правила об отделении церкви от государства.

Дальнейшее развитие институт производства допроса в судебном заседании получил в Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР» (далее – Декрет о нарсуде), который воспринял положения Декретов № 1 и № 2 [7]. Анализ

положений указанного Декрета позволяет прийти к выводу, что в качестве доказательств по делу признавались объяснения подсудимого, показания свидетелей, экспертов, однако Декрет не регламентировал процедуру допроса указанных лиц, не содержал каких-либо норм о возможности производства допроса потерпевшего.

Принятие в ходе кодификации советского уголовно-процессуального законодательства Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 25 мая 1922 г. (далее – УПК 1922 г.) стало дальнейшим значимым этапом развития института допроса [8]. Первый УПК 1922 г. регламентировал правила производства допроса в суде подсудимых, свидетелей, экспертов, при этом наблюдалась преемственность идей декретов. В качестве доказательств УПК 1922 г. признавал объяснения обвиняемого, показания свидетелей, заключения экспертов и др. УПК 1922 г. закреплял, что в суде первых участников судебного разбирательства допрашивал председательствующий, а затем стороны; допрос проходил в виде свободного рассказа, затем допрашиваемые лица давали ответы на поставленные вопросы; предоставлялась возможность передопросить лицо в присутствии другого свидетеля или проведение очной ставки, устанавливался предмет допроса; однако в отличие от УУС, УПК 1922 г. предусматривал активность судей в исследовании доказательств, устанавливая возможности допроса судьями участников судебного разбирательства в любой момент, свидетелям только разъяснялась ответственность за дачу ложных показаний.

Положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, принятого 15 февраля 1923 г. [9], и Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденных постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. [10], не внесли какие-либо изменения в уголовно-процессуальное законодательство, регламентировавшее производство допроса в судебном заседании. Так, применительно к производству допроса Основы не содержали требования о возможности предупреждения свидетелей давать показания под присягой и клятвой.

Список источников:

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 3. 511 с.
2. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 5. 527 с.
3. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 6. 431 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. М., 1984. 495 с.
5. Декрет РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
6. Декрет РСФСР от 22 февраля 1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
7. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

10. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 г. // Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника по науке
Академии МВД Республики Таджикистан,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ТАДЖИКИСТАНА

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы становления и развития уголовно-процессуального законодательства Таджикистана на основе изучения архивных данных и соответствующих источников. Конкретизируется роль нормативных правовых актов и их значение в современной уголовно-процессуальной науке. По результатам анализа предлагается авторская классификация периодизации уголовно-процессуального законодательства Таджикистана.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное законодательство, история, становление, развитие, уголовно-процессуальная наука, классификация, периодизация*

Рассмотрение комплекса вопросов, связанных со становлением и развитием уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, не было предметом отдельных крупных исследований. Рассматривая комплекс вопросов, связанных с генезисом уголовно-процессуального законодательства в целом, следует отметить роль судебных уставов.

Как всем известно, Положение о введении в действие Судебных уставов было утверждено 19 октября 1865 г., которое предусматривало планомерное распространение предписаний новых законодательных актов по всей территории тогдашней России. Аналогично были распространены нормы Судебных уставов и на территории Туркестанского генерал-губернаторства [1, с. 292–293; 2, с. 11], в состав которого на тот период времени и входил современный Таджикистан. Распространение норм судебных уставов имело свою особенность. Это распространение именуется нами частичным внедрением некоторых институтов норм-положений судебных уставов.

Если рассуждать о распространении Судебных уставов, следует отметить, что в дореволюционном Таджикистане распространялись нормы и положения таким же темпом, но с некоторыми изъятиями, т.е. частично. По нашему мнению, такой тенденции в основном способствовали два элемента: действие имперского права наряду с мусульманским правом и прочный менталитет таджикского народа. В основном в таком сочетании развивались и апробировались каждый раз правоотношения, деятельность государственных органов и должностных лиц с местным населением и в обратном порядке. Об этих особенностях судопроизводства и других смежных правоотношениях также утверждает в своей работе Ф.М. Абдулхонов [3, с. 169–174].

О распространении норм-положений судебных уставов существует и противоположная позиция. Судебные уставы 1864 г. вводились в действие в течение 1866 г. только в Петербургском и Московском округах, а позднее – еще в нескольких округах центральной России. В большинстве губерний, включая все окраины Российской империи (Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику и т.д.), судебная реформа так и не была проведена [4, с. 395]. Как нам представляется, такому противоречивому мнению отсутствуют какие-либо доказательственные факты и цифры.

Следует отметить, что значение судебной реформы 1864 г. трудно переоценить. Она была безусловно прогрессивной не только на фоне существовавших тогда на Западе аналогичных систем, но и в исторической перспективе. Основные ее идеи сохраняют актуальность и в настоящее время.

Одной из центральных достижений реформы было создание вместо множества сословных судов единой для всего государства системы судебных органов. К ним относились две группы судов: общие судебные установления и местные судебные установления. Наряду с ними были созданы и военные суды.

Следовательно, созданная на основе судебных уставов 1864 г. судебная система просуществовала до событий 1917 г. без каких-либо принципиальных изменений.

Таким образом, судебная реформа 1864 г. предусматривала установление буржуазного смешанного уголовного процесса. Но поскольку тип уголовного процесса в этот период мог быть лишь переходным (к буржуазному) ввиду сохранения значительной власти феодалам (помещиками), а смешанная форма уголовного процесса не соответствовала бюрократическому (деспотическому) политическому режиму царской власти, следовательно, ожидать задержки, затруднений и реакционных изменений в действительном осуществлении судебной реформы. Историческая действительность этот факт полностью подтверждает [4, с. 395].

Одним из таких договоров и был мирный договор от 23 июня 1868 г. между Бухарой и Россией [5, с. 388, 474]. Подписанный договор в основном регулировал торговые отношения между государствами и создавал благоприятные условия для русских купцов. Шесть из двенадцати статей договора были посвящены этим вопросам. Вопросы политических и правовых отношений между сторонами и их обязательства рассматривались в ст. 5, 8, 9 и 11.

Распространение общеимперских норм, теснивших специальные нормы и нормы мусульманского права, шло постоянно, не прекращаясь. В других сферах действие мусульманско-правовых норм и конкретных отраслей мусульманского права здесь не было ограничено. В Бухарском эмирате, в частности на территории дореволюционного Таджикистана, прежде всего, наблюдалось изымание дел субъектов правоотношений по признакам гражданства и вероисповедания, поэтому параллельное действие имперского и мусульманского права на последнее существенного влияния не оказало.

Особенностью действия мусульманского права на территории Туркестанского генерал-губернаторства, являлось то, что, несмотря на регулирующие сферы, оно играло второстепенную роль, которая устанавливалась и постоянно ограничивалась господствующим имперским законодательством, в отличие от территории

бухарского эмиратства, где оно играло ведущую роль [6, с. 210, 204, 203, 227, 229; 7, с. 52–53, 101–163; 8, с. 109–119, 302–324; 9, 10, с. 203–300].

Академик Ф.Т. Тахиров, изучая проблемы действия имперского права на территории дореволюционного Таджикистана и Средней Азии в целом, делит все действовавшие законы на две группы. Первые – это общеимперские законы, нормативные правовые акты, издаваемые для всей империи, распространяющиеся и на территорию Туркестанского генерал-губернаторства с некоторыми изъятиями. Многие из этих законов применительно к колониальным условиям Туркестанского края содержали отдельные нормы, которые были направлены на то, чтобы обеспечить интересы империи и уже потом – интересы всех прочих. Конкретно это положение можно проследить в каждом законе или распоряжении царского правительства, регламентирующих вопросы подсудности имперских или местных судов [11, с. 26]. Вторая группа – это специальные законы, изданные только для Туркестанского генерал-губернаторства. Именно в них находили свое яркое проявление реакционные положения и принципы законодательства царской России, таких как великодержавные интересы, признание сословных привилегий и т.д. По справедливому утверждению А.Х. Маликовой приводимая авторская классификация впервые введена в науку академиком Ф.Т. Тахировым [12, с. 11].

Распространение и применение законодательства империи оказались возможными благодаря созданному аппарату колониального управления краем, полностью подчинившего своему влиянию все стороны его жизни, «царская Россия, распространяя общеимперские законы и создавая новые для Туркестанского края в праве, воплощала свою колониальную политику, закрепляла и регулировала важнейшие отношения, связанные с «устройством и деятельностью колониального государственного аппарата» [11, с. 22].

Несмотря на политическую волю и господство неких размышлений, правовая система дореволюционного Таджикистана медленными темпами шла вперед. Разделение и действие Судебных уставов в свою очередь сильно подтолкнули тогдашнюю судебную систему, которая с развитием и присоединением к Советской власти [13, 14, 15, 16, 17, 18] стала претерпевать кардинальные изменения [6, с. 195, 199].

Предпосылки совершенствования законодательства и судебной системы в целом, несмотря на ряд ограничений в действиях, создали масштабную платформу для дальнейшего совершенствования и оптимизации данных сфер. Как утверждает Р.Ю. Почекаев, эффективность деятельности российского суда, его объективность и короткие сроки рассмотрения дел (по сравнению с бухарскими судебными инстанциями) имели следствием постепенное вовлечение его представителей и в работу судов Бухары, а затем привели к необходимости реформирования судебной системы самого эмирата. Во многом это объясняется еще и тем, что российские политические агенты изначально не ограничивались собственной судебной деятельностью, но и старались сделать более гуманной систему наказаний в Бухаре. Далее им отмечается, что Россия оказала существенное влияние на различные сферы отношений в своих среднеазиатских протекторатах (особенно в Бухаре), отчасти достигнув своей цели – проведения фронтальной модернизации и интеграции ханств Средней Азии в имперское политическое, правовое, экономическое пространство [19, с. 147–148, 290].

В данной части исследования целиком и полностью, хоть и частично, но удалось сформировать комплекс тех знаний о судьбе и роли Судебных уставов, которые сформировали и уголовно-процессуальное законодательство дореволюционного и советского Таджикистана.

Неоценимый вклад Судебных уставов в развитии отечественного уголовно-процессуального законодательства принимается в научных кругах Таджикистана неоднозначно. Достаточное обоснование действия Судебных уставов на территории тогдашнего Таджикистана можно найти в фундаментальном труде академика Ф.Т. Тахирова [20, с. 25–26, 105, 160]. Дополнительно наш вывод находит свое подтверждение в диссертации Ю.Е. Рузиева [21, с. 10, 58, 75–76, 167]. Еще раз отметим, что данная проблематика комплексно не исследована и составляет целый комплекс научных знаний, который требует своего анализа и тщательного переосмысления. Единственное монографическое исследование, которое было посвящено вопросам развития уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР [22, с. 124; 23], оставил этот особенный исторический этап развития и становления отечественного уголовно-процессуального законодательства неисследованным.

В этом контексте, справедливо отмечает А.А. Мухитдинов, что уголовно-процессуальная наука в Республике Таджикистан формировалась под значительным влиянием законодательства бывшей Российской империи, Туркестанского края, а также СССР и РСФСР. Исходя из этого, следует отметить, что изучение истории возникновения и развития уголовного процесса в Средней Азии, в частности в Республике Таджикистан, открывает новые возможности для исследования задач уголовного процесса на определенном этапе развития общества. На основе достоверных фактов может быть определена цель и необходимость изменений в уголовном процессе; значение новых институтов и норм; результаты судебно-правовых реформ; место и роль уголовного процесса в правовом регулировании общественных отношений [24, с. 18].

Здесь же уместно высказывается профессор А.В. Победкин, что история развития уголовно-процессуального законодательства сопровождается и развитием науки уголовного процесса. Однако, наука не должна утратить прогностическую функцию, должна идти впереди законодателя, определять векторы развития уголовно-процессуального закона. Игнорирование научных достижений – прямой путь к регрессу закона [25, с. 119].

Возвращаясь к проблематике уголовно-процессуального законодательства, следует отметить, что как и в России, так и Таджикистане история возникновения и регламентация уголовно-процессуальных правоотношений имеет довольно продолжительную историю. Вплоть до принятия первого УПК Таджикской ССР 1935 г. [26, с. 308] все уголовно-процессуальные правоотношения на территории Таджикистана регулировались УПК Узбекской ССР 1926, 1929 гг. [26, с. 190], а до этого, начиная с образования Туркестанского генерал-губернаторства на территории Средней Азии, действовали нормы и положения Судебных уставов. После УПК Таджикской ССР 1935 г. принимается УПК Таджикской ССР от 17 августа 1961 г. [27, с. 159].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что относительно становления, развития и реформирования уголовно-процессуального законодательства Таджикистана не всегда присутствует обоснованность выдвигаемых точек зрения. Так,

А.А. Маматкулов, исследовав процесс реформирования уголовного судопроизводства, предлагает две фазы реформирования, охватываемые периодом независимости (с 29 марта 1990 г. по 26 марта 2009 г. и с 3 декабря 2009 г. по н/в). При этом первая фаза разделена на 10 этапов, а вторая фаза связана с принятием действующего УПК Республики Таджикистан [28, с. 33–38], что представляется крайне спорным и не до конца обоснованным авторским утверждением.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о целесообразности и своевременности использования принципа преемственности в теоретико-правовых и уголовно-процессуальных исследованиях, изучающих исторические особенности и предпосылки функционирования отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, которое, прежде всего, связано с использованием исторического опыта в контексте совершенствования и реализации функции уголовного преследования. Поэтапное развитие и дальнейшие перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистана зависят от комплексной проработки теоретических вопросов реализации функций уголовного судопроизводства и разработки научно обоснованных рекомендаций по ее совершенствованию.

В контексте уточнения своих позиций нами предлагается авторская классификация периодизации уголовно-процессуального законодательства, которая заметно отличается своей объективностью и обоснованностью. Наше обоснование основывается на ретроспективном анализе, сравнении научных источников, изучении архивных данных и публикаций, позволившие на этой основе разработать хронологию авторской периодизации, заключающуюся в возникновении первых уголовно-процессуальных норм со времени образования государственности таджиков (до 1864 г.); эволюции уголовно-процессуального законодательства в условиях имперско-советской государственности (1864–1923/1924 гг.); функционировании уголовно-процессуального законодательства в условиях вхождения Таджикской АССР в состав Узбекской ССР (1926/1929 гг.); принятии первых самостоятельных уголовно-процессуальных кодексов советского Таджикистана (1935–1961 гг.); функционировании советского уголовно-процессуального кодекса Таджикистана (1961–1991 гг.); действие постсоветского периода уголовно-процессуального законодательства (1991–2009 гг.) и современный период развития уголовно-процессуального законодательства Таджикистана (с 2009 г. – по настоящее время).

Список источников:

1. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М., 1984. 328 с.
2. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в Таджикистане: вторая половина XIX – начало XXI вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. 27 с.
3. Абдулхонов Ф.М. Судопроизводство в Туркестанском генерал-губернаторстве // Мир политики и социологии. 2016. № 8. С. 169–174.

4. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969 // Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. 496 с.
5. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. 543 с.
6. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1. Ч. 1-2 (от древнейших времен и до начала XX века) / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. Душанбе, 2007. 244 с.
7. Буриев И.Б. Судебные институты государственности досоветского Таджикистана. Душанбе, 2010. 188 с.
8. Буриев И.Б. Институты таджикской государственности: теория и практика / отв. ред. акад. Ф.Т. Тахиров, проф. В.Е. Чиркин. Душанбе, 2016. 360 с.
9. Буриев И.Б. Источники права исламского периода таджикской государственности: теория и практика / отв. ред. акад. Ф.Т. Тахиров. 2-е изд. Душанбе, 2017. 224 с.
10. Буризова Э.Б., Одиназова Р.С. Судебные и квазисудебные институты в истории таджикской государственности / отв. ред. проф. В.Е. Чиркин. Душанбе: Ирфон, 2018. 336 с.
11. Тахиров Ф.Т. Развитие советского права в Таджикистане. Душанбе, 1994. 256 с.
12. Маликова А.Х. Источники права советского Таджикистана в трудах академика Ф.Т. Тахирова // Академический юридический журнал. 2019. № 3(31). С. 11–13.
13. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. М., 1960. 272 с.
14. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. 468 с.
15. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX). М., 1974. 406 с.
16. Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. 210 с.
17. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России / ред. кол.: д-р ист. наук П.А. Ковалев [и др.]. Ташкент, 1969. Ч. 1. 158 с.
18. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России / ред. кол.: д-р ист. наук П.А. Ковалев [и др.]. Ташкент, 1970. Ч. 2. 125 с.
19. Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020. 326 с.
20. Тахиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане // отв. ред. О.У. Усманов. Душанбе, 1987. 192 с.
21. Рузиев Ю.Е. Основания и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в Таджикистане и России (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 202 с.
22. Раджабов С.Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. 408 с.
23. Развитие советского уголовно-процессуального законодательства в Таджикистане. Душанбе, 1974. 192 с.

24. Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) / под общ. ред. д.ю.н., проф. Б.Я. Гаврилова. Душанбе, 2015. 335 с.

25. Победкин А.В. Наука уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. С. 119–125.

26. Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик: сборник (Основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. М., 1957. 531 с.

27. Уголовный кодекс Таджикской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР; Исправительно-трудовой кодекс Таджикской ССР. Душанбе: Ирфон, 1984. 496 с.

28. Маматкулов А.А. Особенности уголовного судопроизводства в период приобретения независимости Таджикистана // XXXIV Славянские чтения: материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава и студентов юридического факультета РТСУ (Душанбе, апрель 2020 г.). Душанбе, 2020. С. 33–38.

Рудакова Светлана Викторовна
кандидат юридических наук, доцент,
почетный работник сферы образования РФ,
доцент кафедры уголовного процесса,
заместитель декана юридического
факультета Кубанского государственного
университета, г. Краснодар

ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УПК РСФСР 1922–1923 гг. И УПК РФ 2001 г.

***Аннотация.** В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с обжалованием действий и решений следователя, с определением субъектов права обжалования, сроков обжалования, адресатов жалобы, а также механизма обеспечения такого права по УПК РСФСР 1922–23 гг. и УПК РФ 2001 г., с формулированием авторских подходов к решению проблем обжалования на современном этапе. На основании традиционных методов научного исследования сформировано научно обоснованное представление об актуальных современных проблемах досудебного уголовно-процессуального обжалования действий и решений следователя. В итоге автор предлагает пути решения указанных проблем в теоретическом, законодательном и правоприменительном аспектах.*

***Ключевые слова:** обжалование, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный закон, досудебное производство, следователь, разрешение жалобы*

Досудебное производство определяется законодателем как часть уголовного судопроизводства, с момента получения и регистрации сообщения о преступлении и до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Своим содержанием досудебное производство охватывает процессуальную деятельность уполномоченных лиц в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Профессор В.А. Семенцов подчеркивает, что к основным задачам досудебных стадий уголовного судопроизводства относится защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, всесторонности, полноты и объективности при расследовании преступлений [15, с. 432]. В числе средств решения этих задач, полагаем, находится и сфера обжалования, включая полномочия и способы реализации должностными лицами досудебного производства своих полномочий, связанных с принятием, рассмотрением и разрешением поступающих обращений.

Отметим, что вопросы правоприменения, касающиеся права на обжалование, имеет впечатляющие масштабы. В следственных органах Следственного комитета Российской Федерации в 2022 г. рассмотрено 611 537 обращений (с учетом жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ) [8]. В органы прокуратуры Российской Федерации в 2022 г. поступило в порядке ст. 124 УПК РФ 387 876 жалоб, из которых удовлетворено 85 974 (22 %) [6].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в первом полугодии 2022 г. в порядке ст. 125 УПК РФ в суды поступило 55 718 жалоб, из них удовлетворено 1 920 (3,4 %), отказано в удовлетворении 9 139 (16,4 %). Однако подавляющее большинство жалоб разрешения вообще не получили. В частности, по 42 571 (76,4 %) жалобе производство прекращено, либо они отозваны, возвращены или переданы по подсудности [7].

Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин, обращаясь к проблеме обеспечения прав граждан, отметил, что вопросы процессуальной деятельности, качества, эффективности и сроков следствия имеют положительную динамику [9, с. 5].

С учетом значимости процессуальной деятельности следователя, целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа правового регулирования и практики применения по реализации права на обжалование действий и решений следователя в досудебном производстве на основе предписаний УПК РСФСР 1922–23 гг. [4] и УПК РФ 2001 г.

Россинским С.Б. высказано суждение, согласно которому первые УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. перестали представляться как два самостоятельных кодекса, и в настоящее время они воспринимаются как некий единый феномен, как две редакции одного и того же законодательного акта, регламентирующего порядок раннесоветского уголовного судопроизводства [14, с. 236]. Вместе с тем вышеуказанные нормативные правовые акты советского периода предусматривают разный порядок обжалования действий и решений следователя, который будет рассмотрен в данной статье.

Основу всей сферы обжалования составляет принцип права на обжалование. О.А. Максимов придает принципу права на обжалование правоохранный смысл [13, с. 79]. При этом собственно право на обжалование рассматривается как способ обеспечить право на ходатайство, а ходатайства и жалобы позиционируются ученым как единый способ активного участия лица в уголовном процессе [16, с. 39; 19, с. 145]. Об аналогии в праве на жалобу и праве на ходатайство пишет Э.Ф. Лугинец [12, с. 25].

Правоохранный характер права на жалобу усматривают и другие ученые, отмечая его публичный характер. Например, М.И. Усаров пишет: «Значение права на жалобу обусловливается тем, что оно: а) выступает средством защиты нарушенных прав и законных интересов несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в уголовном судопроизводстве; б) способствует укреплению законности в деятельности государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Реализация права на жалобу в уголовном процессе с целью защиты прав и законных интересов личности представляет собою одновременно и защиту общественных интересов» [18, с. 6].

Здесь мы видим повод для дискуссии. Дело в том, что объединение ходатайств и жалоб и рассмотрение их как общего направления уголовно-процессуальной деятельности не подтверждается полученными нами результатами. Тем более мы не можем считать, что право на жалобу выступает средством обеспечения права на заявление ходатайства и возражение, поскольку право на жалобу охватывает не только возможность не согласиться с решением по ходатайству, но и

выразить его по многим иным поводам. А также некоторые решения по ходатайствам не могут быть обжалованы.

Охранительный характер права на обжалование вызывает сомнения: участники, наделенные правом на жалобу, в основном не выполняют правоохранительную функцию. И, наоборот, те участники, которые ее осуществляют, т. е. следователь, дознаватель, прокурор, либо вовсе не имеют по своему статусу права на жалобу, либо оно имеется в весьма усеченном объеме. Поэтому обозначение жалобы как правоохранительного средства и его использование в соответствии с этим назначением представляется спорным.

Как указывает К.Б. Калиновский, «государство, выполняя свою обязанность соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, призвано обеспечить эффективную систему восстановления этих прав, когда они оказались нарушенными» [19].

Вызывает научный интерес реализация права обжалования в досудебном производстве с позиции его регулирования первыми советскими уголовно-процессуальными кодексами и современным уголовно-процессуальным законом с позиции субъектов этого права и адресатов жалобы, а также механизма его (права) обеспечения.

В литературе отмечается, что УПК РСФСР 1922 г. – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права, предопределивший вектор дальнейшего развития национальной системы органов уголовной юстиции, механизм досудебного и судебного производства по уголовному делу, ставший предтечей последующих кодифицированных актов в данном сегменте правового регулирования и таким образом ознаменовавший начало новейшей истории российского уголовного процесса [17, с. 5].

Проанализируем субъекты этого права обжалования действий и решений следователя, сроков обжалования, адресатов жалобы, а также механизма его (права) обеспечения по УПК РСФСР 1922–23 гг. и УПК РФ.

В первых советских уголовно-процессуальных кодексах обжалование факта отказа в производстве предварительного следствия имело сходное правовое регулирование, что и сегодня, поскольку такой отказ подлежал обжалованию в соответствующий суд лицом или учреждением, обратившимся первоначально с заявлением или сообщением о преступлении (заявителем), в срок 7 дней (ст. 100 УПК РСФСР 1992 г. и ст. 95 УПК РСФСР 1993 г.).

А вот вопрос об обжаловании решения о прекращении уголовного дела разрешался по-разному. Согласно ст. 206–208 УПК РСФСР 1922 г. предварительное следствие прекращалось при необнаружении виновного и при недостаточности доказательств для предания обвиняемого суду, о чем следователь составлял постановление, уведомлял об этом прокурора и передавал дело в суд, который выносил соответствующее определение. Прокурор же был уполномочен обжаловать определение о прекращении дела в вышестоящую судебную инстанцию.

Иной порядок был предусмотрен в УПК РСФСР 1923 г. Здесь необходимо отметить, что, во-первых, расширился перечень оснований для прекращения уголовного дела (смерть обвиняемого, примирение с потерпевшим, истечение сроков давности, акт амнистии и др.). Во-вторых, порядок обжалования прекращения

уголовного дела трансформировался в зависимости от редакции ст. 204 УПК РСФСР 1923 г. Так, согласно первоначальной ее редакции (Постановление ВЦИК от 15.02.1923), постановление органа расследования о прекращении дела могло быть обжаловано в «недельный» срок следователю или прокурору, а вынесенное по жалобе решение в «месячный» срок – в соответствующий суд, а принятое по жалобе решение суда дальнейшему обжалованию не подлежало. Позднее в содержание ст. 204 внесены изменения (10.06.1933), согласно которым орган расследования обязан был уведомлять обвиняемого и заявителя о преступлении, а постановление о прекращении дела подлежало обжалованию в срок 5 суток органу, «наблюдавшему» за предварительным расследованием (вероятно, этот орган – прокуратура).

Гл. XVIII первых советских уголовно-процессуальных кодексов именовалась «Обжалование действий следователя», имея сходное правовое регулирование по порядку, перечню действий следователя, субъектам обжалования, срокам рассмотрения жалобы. Главное отличие состояло в адресате жалобы. Так, по УПК РСФСР 1922 г. жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права заявителей приносились в суд, жалобы на медленность производства по делу, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения, незаконные действия следователя подавались прокурору района. В то же время, согласно УПК РСФСР 1923 г., любые жалобы на действия следователя подавались прокурору.

Стоит обратить внимание, что в обоих кодексах субъектами обжалования выступали стороны, свидетели, эксперты, переводчики, понятые, поручители, залогодатели и другие лица. Жалоба могла быть подана через следователя (о чем последний выдавал расписку и обязан был направить со своими объяснениями в срок 24 часа адресату). Срок подачи жалобы составлял семь суток, с момента, когда стало известным обжалуемое действие, а подача жалобы на медленность действий, незаконные действия следователя, избрание меры пресечения сроком не ограничивалась. Срок рассмотрения и разрешения жалобы устанавливался трое суток с момента ее получения. Истребование дела допускалось, если невозможно иначе было принять решение по жалобе. Определение, разрешающее жалобу, приводилось в исполнение немедленно, при этом оно могло быть обжаловано в вышестоящий суд следователем или заявителем («жалобщиком»).

В качестве сходных характеристик правового регулирования обжалования действий и решений следователя в ранний советский период и на современном этапе можно отметить: открытый перечень субъектов обжалования, помимо тех, которые непосредственно указаны в уголовно-процессуальном законе (имеющих процессуальный статус участника). К ним относились иные лица, если действия следователя «нарушают или стесняют их права» (ст. 216 УПК РСФСР 1922 г. ст. 212 УПК РСФСР 1923 г.) или затрагивают их интересы, способны причинить ущерб конституционным правам и свободам, затруднить доступ к правосудию (ст. 123, 125 УПК РФ).

Отличия заключаются в следующем: ранние советские уголовно-процессуальные кодексы предусматривают ограничительный срок (семь суток) подачи жалобы, с момента, когда «жалобщику» стало известно обжалуемое действие

следователя (ст. 219 УПК РСФСР 1922 г., ст. 215 УПК РСФСР 1923 г.), а сроки рассмотрения жалобы намного короче (3 суток), по сравнению с современным УПК РФ (до 10 суток прокурором и руководителем следственного органа и 14 суток судом).

Другим процессуальным отличием является наличие инстанционности обжалования в досудебном производстве, вынесенное прокурором определение по жалобе могло быть обжаловано в суде следователем или «жалобщиком» (ст. 220 УПК РСФСР 1923 г.). На современном этапе в законе вообще не определен процессуальный порядок обжалования постановления прокурора или руководителя следственного органа, вынесенное в порядке ст. 124 УПК РФ, а у следователя права на обжалование такого постановления нет.

В соответствии с гл. 16 УПК РФ обжалование действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, возможно в порядке, предусмотренном этой главой. Соответственно рассмотрение и разрешения жалоб на действия (бездействие) и решения указанных должностных лиц должно осуществляться исключительно в порядке, установленном УПК РФ. Рассмотрение таких жалоб руководителем следственного органа и прокурором определяется ст. 124 УПК РФ. В то же время пробелы правового регулирования порождают сложности и неоднородность правоприменительной практики.

При рассмотрении жалоб руководители следственного органа и прокуроры называют эти обращения «жалобами о несогласии с действиями следователя» или «несогласии с решениями» или «жалобами на постановление».

Так, заместитель прокурора Краснодарского края О. в постановлении об отказе в удовлетворении жалобы в описательной части постановления называет ее «жалобой адвокатов Т. и К. о несогласии с постановлением следователя об удовлетворении ходатайства по уголовному делу» [5], хотя суть жалобы выражалась не в несогласии с постановлением следователя об удовлетворении ходатайства защитников по уголовному делу, а в том, что, по их мнению, в постановлении следователя о назначении комплексной судебно-медицинской экспертизы требование явиться в экспертное учреждение для осмотра их подзащитного Д. ограничивало права последнего, в связи с чем они настаивали на проведении такой экспертизы по медицинским документам.

Недостатки законодательного регулирования порядка рассмотрения процессуальных жалоб на постановления, вынесенные в порядке ст. 124 УПК РФ пытаются компенсировать ведомственные акты. Подмена регулирования правоотношений в сфере обжалования в досудебном уголовном судопроизводстве нормами, предусмотренными для рассмотрения любых обращений в государственные органы, встречается в практике работы прокуроров и руководителей следственных органов.

Руководители следственных органов, разрешая жалобу, порой не выносят постановление, чем нарушают прямое предписание ч. 2 ст. 124 УПК РФ. Кроме несоблюдения процессуальной формы ответа на жалобу, другой проблемой выступают сроки их рассмотрения. Согласно ч. 1 ст. 124 УПК РФ этот срок составляет 3 суток со дня получения жалобы, а в исключительных случаях, когда для ее проверки есть необходимость истребования дополнительных материалов или

принятия иных мер, срок может быть увеличен до 10 суток (причем, заявитель должен быть уведомлен об этом). При подмене правовой основы рассмотрения процессуальных жалоб, положениями ч. 1 ст. 12 Федерального закона о порядке рассмотрения обращений [1], этот срок составляет до 30 суток.

Согласно ч. 3 ст. 124 УПК РФ заявителя необходимо уведомить о порядке обжалования постановления, вынесенного по результатам рассмотрения жалобы. Но препятствием для последующего обжалования выступает отсутствие правового регулирования соответствующего порядка обжалования таких решений. Последствием выступает многообразие и неоднородность разъяснения руководителями следственных органов и прокурорами указанного порядка.

Обобщение правоприменительной практики позволяет указать следующие формулировки этого разъяснения как в постановлениях, так и в сопроводительных письмах к постановлениям: «Вы вправе обжаловать решение в порядке главы 16 УПК РФ» (хотя эта глава не регулирует этот порядок); «принятое решение Вы можете обжаловать вышестоящему прокурору, либо в суд»; «в случае несогласия с ответом Вы вправе его обжаловать»; «в случае несогласия с принятым решением Вы вправе обжаловать его в установленном порядке» (возникают опять вопросы – в каком порядке и как он разъяснен заявителю?); «данное решение может быть обжаловано в установленном законом порядке» и др.

В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 487 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» [2], в случае обжалования участником уголовного судопроизводства постановления прокурора, принятого по жалобе в порядке ст. 124 УПК РФ, вышестоящему прокурору необходимо рассматривать такие обращения согласно правилам и срокам, установленным Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45 [3]. Положения Инструкции позволяют рассматривать обращения в течение 30 суток.

При рассмотрении жалобы на постановления вышестоящий прокурор вправе истребовать у нижестоящего прокурора мотивированное заключение об обоснованности доводов заявителя, необходимые копии актов прокурорского реагирования и процессуальных документов, подтверждающих либо опровергающих доводы заявителя, а в случае необходимости – материалы процессуальной проверки и (или) уголовного дела.

Отметим и еще один, как представляется, весьма показательный факт. В кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2020 г. № 81-КАД20-4-К8 указано, что в порядке ст. 124 УПК РФ жалобы рассматриваются только прокурором, непосредственно осуществляющим надзор за предварительным расследованием, а вышестоящий прокурор рассматривает их уже в порядке Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [11].

Получается, что обжалование постановления прокурора, вынесенного в порядке ст. 124 УПК РФ, осуществляется в ином, чем предусматривает уголовно-процессуальный закон, порядке. Это свидетельствует об изменении правовой природы не только деятельности прокурора, но и о кардинальных переменах в статусе заинтересованных участников, которые выходят из-под действия уголовно-процессуального закона.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные выводы.

1. Процедура обжалования действий и решений следователя представляется недостаточно урегулированной уголовно-процессуальным законом. Несмотря на то, мы не являемся сторонниками строгого формализма и не преследуем цели пошаговой регламентации процессуальной деятельности, тем не менее в данном конкретном случае полагаем необходимым усилить правовую основу для исключения подмены уголовно-процессуального механизма обжалования иными способами, как это происходит на практике. В этом направлении считаем предлагаем сделать следующее:

- установить законодательное правило о рассмотрении любых жалоб, затрагивающих вопросы, находящиеся в сфере уголовно-процессуального регулирования, исключительно уголовно-процессуальными способами;

- уточнить сроки, связанные с обжалованием: принятия жалобы, уведомления заявителя о получении жалобы, общего срока рассмотрения жалобы, уведомления о результатах, последующего обжалования;

- определить процедуру рассмотрения жалобы, включая установление полномочий и способов их реализации для прокурора, руководителя следственного органа, а также вышестоящих прокурора и руководителя вышестоящего следственного органа, по истребованию необходимых материалов, проведению опросов заявителя, иных лиц, способных сообщить необходимые для принятия решения по жалобе;

- установить порядок принятия решения, его оформление, свойства, порядок дальнейшего обжалования.

2. Для развития досудебной формы уголовно-процессуального обжалования в целом необходимо принять во внимание такие свойства системы, как компенсаторность (взаимозаменяемость) и сбалансированность (наличие в системе правовых сдержек) отдельных ее элементов. Свойство компенсаторности в системе досудебной формы обжалования может быть реализовано посредством установления определенной последовательности обращения с жалобой (например, сначала к прокурору, а затем только в суд, что потребует расширения процессуальной компетенции должностных лиц).

Лучшая сбалансированность системы досудебного обжалования достигается путем исключения альтернативности органа, уполномоченного на рассмотрение жалобы (за счет отказа от одновременного направления одной и той же жалобы в несколько адресов – прокурору, руководителю следственного органа и в суд). При этом сбалансированность обеспечивается компенсаторностью, когда невыполнение функции по законному и обоснованному рассмотрению и разрешению жалобы одним уполномоченным субъектом восполняется другим субъектом, с принятием им решения не только по первоначальному обращению, но и по принятому по этому обращению решению.

Список источников:

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59–ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
2. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора: приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 24 августа 2021 г. № 487 // Законность. 2021. № 10. С. 12.
3. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45 (ред. от 28.09.2021) // Законность. 2013. № 14. С. 16.
4. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»); Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовное дело № 1...5 // Архив прокуратуры Краснодарского края за 2022 г.
6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь-декабрь 2022 г. // Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://epp.genproc.gov.ru/wed/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 28.03.2023).
7. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за первые 6 мес. 2022 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.phd&id=5> (дата обращения: 28.03.2023).
8. Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2022 год // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/about> (дата обращения: 28.03.2023).
9. Бастрыкин А.И. Актуальные вопросы обеспечения прав и безопасности граждан Российской Федерации // Правда и закон. 2022. № 4 (22). С. 4–12.
10. Калиновский К.Б. Восстановление конституционных прав граждан, нарушение которых установлено решениями Конституционного Суда Российской Федерации: подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2020 г. № 81-КАД20-4-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Лугинец Э.Ф. Процессуальная свобода в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведь. 2018. № 1 (84). С. 22–26.

13. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: монография / под ред. В.Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с.

14. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 229–238.

15. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 593 с.

16. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с.

17. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия): монография / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 5.

18. Усаров М.И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.

19. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 219 с.

Рыжаков Александр Петрович
пенсионер органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
РФ, г. Тула;
Рыжаков Павел Анатольевич
старший преподаватель Омской
Академии МВД России, г. Омск

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО (РЕТРОСПЕКТИВА И ПОСЛЕДСТВИЯ)

***Аннотация.** В статье критикуется практика установления личности потерпевшего по делам, по которым личность потерпевшего не влияет на квалификацию преступления, на общественную опасность деяния и др. Демонстрируется, что во времена, когда классовая принадлежность потерпевшего была важна, в УПК РСФСР требовалось устанавливать личность потерпевшего. В настоящее время такого рода деятельность по части преступлений нарушает права потерпевшего и является злоупотреблением служебным положением.*

***Ключевые слова:** личность потерпевшего, потерпевший, предмет доказывания, охраняемая законом тайна*

Специальная статья (ст. 68), посвященная обстоятельствам, подлежащим доказыванию, впервые в российском уголовном процессе появилась в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. [1] (далее – УПК РСФСР 1960 г.). И в ней не было ни слова о том, что к предмету доказывания в уголовном процессе относится также личность потерпевшего. В нее вносились изменения в 1983 г. [2]. Затем действующий УПК РФ почти дословно повторил ее содержание, добавив в нее несколько, на наш взгляд, популистских обстоятельств. Но не их мы здесь собираемся обсуждать.

Нам сегодня интересна проблема оправдания практики собирания следователями информации о личности потерпевшего. В УПК РСФСР 1960 г. и в действующем УПК РФ 2001 г. прямо не закреплено такого отдельного обстоятельства, подлежащего доказыванию. А вот в ч. 1 ст. 338 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР 1922 г. [3] (далее – УПК РСФСР 1922 г.) говорилось, что «описательная часть приговора должна содержать в себе формулировку обвинения ... с указанием ... личности потерпевшего». То же самое требовала ч. 1 ст. 334 Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. 1923 г. [3] (далее – УПК РСФСР 1923 г.). В ч. 1 ст. 207 УПК РСФСР 1923 г. появилось тогда также требование указывать «сведения о потерпевшем» в обвинительном заключении.

Наверное поэтому, к примеру, в Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу принято по материалам проверки и, тем более, по уголовным делам собирать характеристики на потерпевшего, устанавливать не является ли он алкоголиком,

не страдает ли психическим заболеванием [5; 6; и др.] и др. К тому же из личных бесед я понял, что профессорско-преподавательский состав Санкт-Петербургской академии Следственного комитета поддерживает практику запрашивания сведений о потерпевшем в медицинских учреждениях, по месту жительства и работы потерпевшего, вплоть до опроса соседей и (или) участкового инспектора о данных, характеризующих лицо, в отношении которого совершено преступление. Причем считают, что искомый элемент предмета доказывания имеется даже на стадии возбуждения уголовного дела.

В этой связи хотелось бы разобраться законна ли подобного рода деятельность следователя. Ведь если она незаконна, то осуществляя таковую следователь способствует разглашению данных о потерпевшем, нарушает охраняемую законом тайну. Нельзя забывать, что у обвиняемого по окончании расследования появится возможность ознакомиться с полученными следователем сведениями, которые он бы не узнал, если бы следователь их не собрал. Выясняя же не имеющую отношения к делу информацию, он рискует незаконно довести до сведения обвиняемого (лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ) данные о том, какая медицинская помощь оказывалась потерпевшему. Между тем сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской (психиатрической) помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении (при оказании ему психиатрической помощи), составляют врачебную тайну (ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7], ст. 9 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [8]).

Я уже не говорю о том, что такой подход может восприниматься самим потерпевшим как элемент незаконного давления на него, как на заявителя, через его руководителей по месту работы (которые не хотят, чтобы к ним звонил следователь Следственного комитета), правоохранительные органы по месту его жительства и его соседей по месту жительства. Порочат его честь и достоинство.

Оправдание сложившейся практики мы нашли лишь в том, что личность потерпевшего требовал устанавливать УПК РСФСР 1922 г., а затем и УПК РСФСР 1923 г. Согласно же ч. 2 ст. 79 УПК РФ, которая повторила норму, закрепленную ранее в ст. 74 УПК РСФСР 1960 г., «свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности ... потерпевшего».

В этой связи хотелось бы обратить внимание следователей, которые не задумываясь принимают решение о запросе соответствующих сведений о личности потерпевшего. Ни сейчас, ни ранее не было законных оснований установления о личности потерпевшего тех сведений, которые не указывали на ту или иную стороны события преступления, наличие (отсутствие) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и (или) других, в настоящее время закрепленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств. Если, конечно, не считать, что классовая принадлежность потерпевшего всегда является важной характеристикой совершенного в отношении него деяния.

В настоящее время, хочется верить, что личность потерпевшего устанавливается не в этой связи. Поэтому сейчас следователь вправе устанавливать лишь те сведения о личности потерпевшего, которые в той или иной мере относятся к уголовному делу (материалу проверки). Если запрашиваемая информация о потерпевшем безусловно не имеет значения для уголовного дела, а на первоначальной стадии уголовного процесса – для принятия окончательного решения на данной стадии уголовного процесса, собирание таковой следователем незаконно, а лучше сказать, противоправно.

Нельзя к этому виду деятельности относиться формально, так как в таком случае сам следователь рискует стать правонарушителем (злоупотребить своим служебным положением). Если лицо является потерпевшим, например, от диверсии, то не просто нет необходимости направлять в медицинские учреждения запросы: не состоит ли он на учете как алкоголик и не страдает ли психическими заболеваниями, запрашивать на него характеристику с места работы и по месту жительства, осуществление такого рода деятельности незаконно и как следствие тому, является правонарушением.

То же самое можно сказать и о практике выяснения подобных сведений по материалам с заявлением о совершении преступлений, предусмотренных ст. 146–148 УК РФ.

Список источников:

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.
3. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: Постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
4. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
5. Материалы уголовного дела № 12202400007000028 от 11 марта 2022 г. следственного отдела по Колпинскому району ГСУ СК России по Санкт-Петербургу.
6. Материал проверки КРСП № 187пр-21 от 12 апреля 2021 г. следственного отдела по Колпинскому району ГСУ СК России по Санкт-Петербургу.
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
8. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

Семенов Владимир Александрович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
юридического факультета им. А.А. Хмырова
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар

О ДВОЙНОМ ПОДЧИНЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УПК 1922–1923 ГОДОВ И ЕГО УРОКАХ

Аннотация. На основе анализа предписаний УПК РСФСР 1922 и 1923 г. сделан вывод о том, что следственный аппарат был сосредоточен в системе органов юстиции, а сам следователь находился в двойном подчинении: прокурора и суда. Утверждается, что советская конструкция предварительного следствия под надзором прокурора, с полным его отделением от суда, окончательно сформировалась в период с 1928 по 1934 г. Опираясь на уроки истории, предложено освободить следователя от тотального контроля со стороны непосредственного руководителя, одновременно лишив следователя права самостоятельного отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения по нереабилитирующему основанию.

Ключевые слова: следователь, прокурорский надзор, суд, двойное подчинение, тотальный контроль, прекращение дела, нереабилитирующее основание

В современных условиях критическая оценка эффективности работы органов предварительного следствия позволила отдельным авторам обосновывать необходимость полной ликвидации этой формы предварительного расследования, когда предлагается разрушить сложившуюся ее систему и передать в полном объеме полномочия органам дознания [1, с. 16–21].

Что касается статуса следователя, то высказывается мнение о том, что следователь «должен приблизиться к роли «старшего детектива», который более сосредоточен на кабинетной работе, взаимоотношениях с прокурором, постановке вопросов перед экспертами и подготовке материалов для направления в суд» [2, с. 81], поскольку «давно превратился в того, кто просто печатает документы и запикивает их в и так уже толстое уголовное дело» [3].

Однако очевидно, что следователи «вносят весомый вклад в развитие нашей страны как правового, социально ориентированного государства..., от их принципиальности и ответственности зависят судьбы людей и их благополучие» [4, с. 9].

Поэтому следует не ликвидировать отечественное предварительное следствие и процессуальную фигуру следователя, а последовательно и системно осуществлять дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой части, с опорой на исторические традиции и национальное наследие.

В связи с этим обратимся в нашем исследовании к вопросу о двойном подчинении следователя при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по первым кодифицированным законодательным актам Российской Советской Республики.

Отечественный систематизированный уголовно-процессуальный закон от 22 мая 1922 г. [5] принят в рамках советской реформы и в условиях новой экономической политики (Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 21 марта 1921 г. [6]), пришедшей на смену военному коммунизму, и рассчитанной на восстановление народного хозяйства, с последующим переходом к социализму. Этот свод правил был назван, – как справедливо отмечает Л.В. Головкин, – «в европейском духе Уголовно-процессуальным кодексом» [7].

Но уже 11 ноября 1922 г. (в преддверии образования 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик) ставится задача переработать УПК, с целью приведения его в соответствие с Положением о судостроительстве, которое вводилось в действие с 1 января 1923 г. [8], и 15 февраля 1923 г. Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета принимается «переработанный», как сказано в этом документе, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [9], хотя по содержанию он почти не отличался от своего предшественника.

«К великому сожалению, – пишет С.Б. Россинский, – практически не сохранилось каких-либо сведений и документов, позволяющих хотя бы частично реконструировать обстоятельства, сопутствующие подготовке и обсуждению проекта первого УПК РСФСР» [10, с. 233].

Очевидно только то, что принятие указанных кодифицированных законодательных актов было обусловлено необходимостью проведения не только экономической, но и правовой реформы, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, включая его досудебное производство, когда на смену дореволюционной концепции судебного предварительного следствия пришла конструкция двойного надзора, осуществляемого прокурором и судом.

Согласно п. 5 ст. 23 УПК РСФСР 1922 г. под словом «следователь» подразумевались народные следователи, следователи, состоящие при Советах народных судей и революционных трибуналах, военные следователи и следователи по важнейшим делам при Народном комиссариате юстиции. Основываясь на этих предписаниях закона, можно утверждать, что весь следственный аппарат был сосредоточен тогда в системе органов юстиции и главной «фигурой органов следствия отныне стал участковый народный следователь, весьма напоминавший по организационным основам деятельности участкового судебного следователя царских времен» [11, с. 52].

В ст. 121 УПК РСФСР 1922 г. отмечалось, что надзор за предварительным следствием осуществляет прокурор, который вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать обязательные к исполнению указания следователю о направлении и дополнении следствия. Неизменными эти положения закона остались и в ст. 118 УПК РСФСР 1923 г.

А вот в ст. 151 УПК РСФСР 1922 г. предусматривалось не только полномочие прокурора по отмене избранной следователем меры пресечения, замене ее другой или же избранию меры пресечения, если таковая не была применена следователем, но и право суда, которому подсудно данное дело, разрешать вопрос в случае несогласия следователя с предложением прокурора по мере пресечения.

В соответствии с правилами ст. 207 УПК РСФСР 1922 г. следователю требовалось согласие суда на прекращение предварительного следствия, с предварительным уведомлением об этом прокурора. Если суд не находил возможным

прекратить дело, то возвращал его следователю для производства дальнейшего предварительного следствия, с указанием того, чем и в каком направлении должно быть дополнено следствие.

Статья 216 УПК РСФСР 1922 г. регламентировала порядок подачи жалобы прокурору и в суд в случае медленности производства, несоблюдения сроков предъявления обвинения, применения мер пресечения и производства незаконных действий следователя. Прокурор и суд обязаны были рассмотреть жалобу в течение 3 суток после ее получения (ст. 222 УПК РСФСР 1922 г.).

Двойное подчинение следователей, дублирование полномочий суда и прокуратура, отрицательно сказывалось на качестве предварительного следствия, сроках его проведения, приводило к путанице и безответственности, в связи с чем уже тогда было высказано предложение об изъятии следственных отделов из ведения судов и передаче их в прокуратуру [12, с. 604].

Наряду с проблемой двойного подчинения следственного аппарата отмечалась и другая – его низкое материально-техническое обеспечение, когда оклад получаемого следователем содержания (47 руб. 30 коп. в месяц) был ниже оклада курьера, ему самому приходилось ходить на почту и в лес за дровами, подметать помещение, мыть полы, топить печи, и никаких сверхурочных доплат, суточных и командировочных [13, с. 322].

После принятия УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. правовое положение следователя заключалось в том, что он, как и прежде, оставался под двойным надзором, осуществляющимся не только со стороны суда, но и прокуратуры, хотя прокурору были предоставлены дополнительные полномочия по передаче дел от одного следователя к другому, рассмотрению всех жалоб на его на действия, разрешению споров о подследственности.

По правилам ст. 148 УПК РСФСР 1923 г. прокурор мог предложить следователю отменить избранную меру пресечения, заменить ее другой или же избрать меру пресечения, если таковая не была избрана следователем, но в случае несогласия следователя с предложением прокурора вопрос разрешался уже судом.

В ст. 7 УПК РСФСР 1923 г. закреплялась обязанность как прокурора, так и суда, «до сведения которого дошло, что в пределах его участка или района кто-либо содержится не в надлежащем месте заключения или не в надлежащих условиях, ... принять меры к восстановлению законного порядка». Суду принадлежало право непосредственного усмотрения как повода к возбуждению уголовного дела (п. 5 ст. 91 УПК РСФСР 1923 г.). Суд обязан был в течение 3 суток разрешить заявленный против следователя отвод, без приостановления производства следственных действий (ст. 122 УПК РСФСР 1923 г.). В случае безуспешности розыска следователь представлял в суд дело для разрешения вопроса о дальнейшем его движении, о чем одновременно извещался прокурор (ст. 133 УПК РСФСР 1923 г.).

Как и в УПК 1922 г. регламентировались полномочия суда при прекращении предварительного следствия, согласно которым следователь составлял мотивированное постановление и препровождал дело в суд, который его рассматривал в распорядительном заседании и выносил определение о прекращении дела (при согласии с постановлением следователя), либо о возвращении его для

производства дальнейшего следствия, с указанием того, чем и в каком направлении оно должно быть дополнено (ст. 203 УПК РСФСР 1923 г.). Не иначе, как по определению суда возобновлялось прекращенное либо приостановленное предварительное следствие (ст. 204 и 205 УПК РСФСР 1923 г.).

Вместе с тем в ходе продолжающегося реформирования 16 октября 1924 г. в УПК РСФСР внесены изменения и на следователя возложена обязанность по надзору за производством дознания. Статья 107 УПК РСФСР 1923 г. изложена в новой редакции, с наделением следователя полномочиями по ознакомлению со всеми материалами дознания, по даче указаний и разрешению жалоб, но при сохранении общего надзора прокурора за действиями органов дознания [14].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» от 3 сентября 1928 г. и Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. «Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» следственный аппарат передается в полное организационное и процессуальное подчинение прокурору. Например, военные следователи состояли теперь при военных прокурорах, с установлением особого порядка их назначения, увольнения и перемещения.

В результате окончательно сформировалась советская конструкция предварительного следствия под надзором прокурора, с полным его отделением от суда, т.е. с отказом от дореволюционной либеральной концепции российских судебных следователей, несовместимой с политической обстановкой в стране.

В дальнейшем происходило усиление организационных и процессуальных полномочий прокурора по отношению к следователю, который на практике обязан был выполнять все указания прокурора, без каких-либо исключений. Так, директивным письмом Прокуратуры СССР от 13 августа 1934 г. было установлено обязательное утверждение прокурором постановления о возбуждении уголовного дела, хотя ст. 96 УПК РСФСР этого не требовала. Более того, даже планы расследования утверждались прокурором [15, с. 152–153].

В литературе по этому поводу справедливо отмечалось, что мелочная опека, полностью устраняющая процессуальную самостоятельность, привела «к превращению следователей в порученцев прокурора, технических исполнителей» [16, с. 39].

Основываясь на проведенном анализе порядка осуществления следователем уголовно-процессуальной деятельности по УПК РСФСР от 22 мая 1922 г. и УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. можно сделать ряд выводов и извлечь полезные уроки из прошлого, помогающие сосредоточиться на решении современных актуальных проблем предварительного следствия. Думается, что именно умение извлекать уроки из прошлого – мощная поддержка движения вперед.

Итак, вывод первый – по УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. следственный аппарат был сосредоточен в системе органов юстиции (в отличие от ведомственной разобщенности сегодня), а суд наделен рядом обвинительных полномочий: от права возбуждать любые уголовные дела и до ответственности (как и следователя) за всестороннее и полное установление обстоятельств преступного деяния.

Вывод второй – следователь находился в двойном подчинении: прокурора и суда, что на практике приводило к дублированию их полномочий, отрицательно

сказывались на качестве предварительного следствия, сроках его проведения, приводило к путанице и безответственности.

Вывод третий – советская конструкция предварительного следствия под надзором прокурора, с полным его отделением от суда, окончательно сформировалась в период с 1928 по 1934 г., с последовательным усилением организационных и процессуальных полномочий прокурора, повлекших устранение процессуальной самостоятельности следователя.

А теперь о некоторых уроках, полезных для современного следователя.

1. О мелочной опеке следователя, но уже не со стороны прокурора, а его непосредственного руководителя. Как свидетельствует история этого вопроса, такая опека неизбежно приводит к утрате процессуальной самостоятельности следователя, продекларированной в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Ранее автор настоящего исследования неоднократно в своих публикациях отмечал, что тотальный контроль со стороны руководителя следственного органа не способствует процессуальной самостоятельности следователя и не может служить средством обеспечения эффективного решения задач предварительного следствия [17, с. 60–71].

2. Заслуживает внимания законодательный опыт по УПК РСФСР 1922 и 1923 г., когда следователь не обладал правом самостоятельно прекратить уголовное дело (причем, заметим попутно, по любому основанию, как реабилитирующему, так и нереабилитирующему), и обязан был направить дело для решения этого вопроса в суд (ст. 203 УПК РСФСР 1923 г.).

Считаем, что и в настоящее время, опираясь на конституционное предписание о презумпции невиновности, решение об отказе в возбуждении уголовного дела и его прекращении по нереабилитирующему основанию, должно приниматься судом, а не следователем, так как только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ), что увязывается с обязательным проведением судебного разбирательства (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации).

И еще. По смыслу закона органы уголовного преследования не могут выполнять функцию разрешения уголовного дела, поскольку отнесены законодателем к стороне обвинения. В ч. 2 ст. 15 УПК РФ вполне императивно отмечается, что функции обвинения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо [18, с. 327–332].

Список источников:

1. Боруленков Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С. 16–21.

2. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 78–82.

3. Почему следователь не расследует уголовные дела и чем на самом деле он занимается // Dzen.ru. 2021. 7 апреля.

4. Бастрыкин А.И. Актуальные вопросы обеспечения прав и безопасности граждан Российской Федерации // Правда и закон. 2022. № 4(22). С. 4–11.
5. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
6. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. № 147 // СУ РСФСР. 2021. № 26. Ст. 147.
7. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статус, 2021. 1328 с.
8. О введении в действие Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
9. Об утверждении уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
10. Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 229–237.
11. Серов Д.О., Федоров А.В. Советское следствие: от судебной реформы 1922 г. до преобразований 1928–1929 гг. // Российский следователь. 2015. № 19. С. 49–55.
12. Карклин О.Я. Пора подумать серьезно об улучшении и судебного аппарата // Ежедневник советской юстиции. 1923. № 27 (12 июля). С. 603–605.
13. Федоров В. Голос следователя // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 14 (3 апреля). С. 322–323.
14. О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 73–90. Отдел первый. М., Б. г. (206).
15. О качестве расследования: директивное письмо Прокурора СССР от 13 августа 1934 г. // Сб. приказов прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост.: Д.И. Орлов, Б.И. Солерс; под ред.: А.Я. Вышинский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 152–153.
16. Рагинский М., Тарасов-Родионов П. Предварительное следствие за 20 лет // Советское государство и право. 1955. № 4. С. 39.
17. Семенцов В.А. Об эффективности предварительного следствия, самостоятельности следователя, его ответственности и социальном статусе // Следственная деятельность: сб. науч. тр. Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь. Вып. 2. Минск: СтройМедиаПроект, 2022. С. 60–71.
18. Семенцов В.А. Раскрытие преступлений – задача уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. С. 327–332.

Смирнов Александр Витальевич
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заведующий
кафедрой уголовного процесса
Российского государственного
педагогического университета
им. А.И. Герцена, профессор кафедры
уголовного процесса Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета,
г. Санкт-Петербург

УПК РСФСР 1922–1923 ГГ. И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Первые советские УПК РСФСР 1922–1923 гг. сохраняли предварительное судебное следствие по образцу Уставов 1864 г. Затем в 1928–1929 гг. произошел отказ от данной модели. Этот период в истории уголовного процесса в Советском Союзе был characterized усилением роли прокуратуры и утратой независимости следственных органов. Предварительное следствие было ликвидировано, и его функции были переданы прокуратуре, что привело к утрате состязательности и предварительного следствия в его классическом понимании с фактической его заменой прокурорским дознанием. Это был значительный шаг назад в развитии уголовного процесса, что тогда вызвало критику со стороны специалистов в области уголовно-процессуального права. В настоящее время предлагаются несколько моделей функционирования стадии предварительного расследования: единый следственный орган; полицейско-прокурорское дознание; судья-над-следствием и система «двух папок».

Ключевые слова: УПК РСФСР 1922–1923 гг., судебное предварительное следствие, модели предварительного расследования, единый следственный орган, полицейско-прокурорское дознание, судья-над-следствием, система «двух папок»

25 мая 1922 г. был принят первый советский Уголовно-процессуальный кодекс⁵², который впервые соединил французский тип предварительного расследования и судебные стадии, построенные по германскому образцу. Следователь в принципе рассматривался как носитель судебной функции юстиции. Организационно он был независим от прокуратуры, так как состоял в ведомстве губернского, а затем областного суда. Этот суд назначал следователя на должность, отстранял от производства, рассматривал жалобы на его действия (ст. 126–127 УПК 1922 г.). Однако функция юстиции по-прежнему была недостаточно отделена от функции уголовного преследования – прокурор, как и раньше, мог давать следователю обязательные указания о направлении и дополнении следствия (ст. 121). Следователь мог лишь обжаловать в суде некоторые важнейшие указания (ст. 151). В дальнейшем произошла фактическая ликвидация предварительного следствия.

⁵² Утвержден Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

Тенденция к этому отчетливо проявилась уже в 1923 г., когда прокурору были даны дополнительные полномочия по передаче дел от одного следователя к другому, рассмотрению всех жалоб на действия следователя (ст. 118, 124, 127, 212 УПК 1923 г.). Следующим шагом явилось постановление второй сессии ВЦИК 11-го созыва от 16 октября 1924 г.⁵³, которым на следователя была возложена ответственность за непосредственное руководство дознанием под надзором прокурора. Смысл этого нововведения состоял в еще более тесной привязке следователя и суда к обвинительной колеснице. Следователь из представителя судебной власти, из «маленького судьи» превратился в «маленького прокурора». За это на IV и V съездах деятелей советской юстиции (1922, 1924 г.)⁵⁴ особенно активно выступал прокурор Верховного Суда СССР А.Я. Вышинский. Он предлагал отказаться от «старой» точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием. Против реализации этой идеи высказались видные юристы. Н.Н. Полянский констатировал, что в результате этих изменений в советском уголовном процессе прекратило существование предварительное следствие в его традиционном понимании. Отметим этот момент, он станет важнейшей чертой советского уголовного процесса, которую в полной мере перенял потом и УПК 1960 г. Для прекращения научной дискуссии потребовался беспрецедентный шаг, акт силового давления – постановление объединенного заседания коллегий наркоматов Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР и РКИ РСФСР от 10 сентября 1927 г.⁵⁵ с выводом о необходимости полной передачи народных следователей в подчинение прокуратуры и превращение их в «местных агентов прокурорского надзора». Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. (о внесении изменений в Положение о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. ст. 75 и др.)⁵⁶ и ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. «Об изменении и дополнении положения о военных трибуналах и военной прокуратуре»⁵⁷ следственный аппарат был передан в прокуратуру. Результатом этих трагических событий стала гибель в советском уголовном процессе предварительного следствия, которое фактически превратилось в прокурорское дознание, наделенное, однако, узурпированными судебными полномочиями. С точки зрения распределения процессуальных функций, предварительное расследование окончательно утратило признаки состязательности. Это явилось шагом назад по сравнению с уставами уголовного судопроизводства и даже УПК 1922 и 1923 г. Как заметил тогда председатель Верховного Суда РСФСР П.И. Стучка, речь шла о рецепции старого французского процесса по наполеоновскому Кодексу 1808 г., от слепого следования которому большинство стран отказались еще в XIX в.

Петр Стучка ошибся только в одном – даже Наполеон не решился на такую крайность, чтобы напрямую подчинить судебный орган прокуратуре, и следственный судья во Франции всегда оставался членом судебной инстанции. Форма процесса, при которой после дознания сразу начинается судебное разбирательство, существует в ряде стран в основном по делам о малозначительных преступлениях. Там, где речь идет о преступлениях опасных, между дознанием и судом *in judicio*

⁵³ Утвержден Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.». // СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст. 786.

⁵⁴ См.: Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12/13 (20–27 марта).

⁵⁵ ГА РФ, Ф, А-406. Оп. 11. Д. 1237. Л. 80.

⁵⁶ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 229. 02.10.1928.

⁵⁷ СЗ СССР. 1929. № 13. Ст. 106.

всегда стоит промежуточный следственный или, по крайней мере, контролирующий судебный орган. Иное ведет к утрате предварительным расследованием значительной доли объективности. Так, в результате описанных выше изменений качество предварительного расследования в советском уголовном процессе резко снизилось: в конце 20-х гг. 40 % уголовных дел прекращалось судами, «благополучно» пройдя через руки следователей и прокуроров. Смысл этих новаций состоял, как выяснилось в дальнейшем, в подготовке советского уголовного процесса к политическим репрессиям 30–50-х гг., хотя сталинская «скорострельная юстиция» часто обходилась и вовсе без помощи следователей, силами одного лишь ОГПУ – НКВД.

Можно сказать, что советский уголовный процесс прошел свой «крестный путь», начав его с «Гаввафы» – относительно цивилизованного судопроизводства образца 1922 г. – и взойдя на «Голгофу» массовых репрессий и казней 30-х гг. Тем не менее именно этот строй процесса сохранялся в нашей стране, в основном и главным (несудебный характер следствия), вплоть до начала 90-х гг., более того – стал восприниматься и по сию пору воспринимается многими как единственно правильный. Можно говорить даже об «отпочковании» в тот период от континентального ствола относительно самостоятельной морфологической формы уголовного процесса. В отличие от французской она характеризуется фактическим отсутствием главной особенности «материнского» процесса – предварительного следствия, если понимать его, в соответствии с общепризнанными в мире теоретическими представлениями, как судебную часть предварительной подготовки дела, сведением последней к прокурорско-полицейскому дознанию без какого-либо судебного участия и не поставленную под текущий судебный контроль.

Имеются ли перспективы совершенствования строя предварительного расследования в российском уголовном процессе, или его обратный переворот? В настоящее время в юридической литературе представлены различные сценарии реформирования института предварительного следствия.

Первый предполагает разделение следователей и оперативников на различные ведомства (частично реализованный в ходе реформы по созданию самостоятельного Следственного комитета, отделенного от прокуратуры). В пределах этого подхода все следователи должны работать в рамках единого следственного органа.

Второй сценарий основан на идее о необходимости разделения полицейской, прокурорской и судебной функций. Он исходит из того, что существующее сейчас разделение функций между оперативным работником и следователем является искусственным, что приводит к тому, что следователь занимается документальным оформлением доказательств, ничего не добавляя к тому, что уже было на момент возбуждения дела. При этом получение доказательств фактически стало прерогативой оперативных сотрудников. Попытки же реформирования уголовного процесса, продиктованные желанием увеличить гарантии обвиняемого, посредством разделения работы оперативника, следователя и прокурора на практике привели к обратному результату [1, С. 78–79]. В этом сценарии роли следователя и оперативника практически сливаются в одну [2], более близкую современному положению оперативного работника. Следователь становится, по большому счету, просто старшим оперативником, а все предварительное расследование – прокурорско-полицейским дознанием.

Существует и третий сценарий, в котором также признается необходимость строгого разделения полицейско-прокурорской функции уголовного преследования

и судебных функций, однако в отличие от второго проекта он не предлагает полностью заменить институт предварительного следствия прокурорско-полицейским дознанием, напротив, считает необходимым предварительное следствие усилить, преобразовав его в качестве самостоятельного и полностью состязательного судебного этапа предварительной подготовки уголовного дела, где под контролем следственного судьи осуществляется – помимо существующих уже сейчас полномочий суда на досудебных стадиях – также предъявление прокурором в судебном заседании (либо как упрощенный вариант: в письменной форме путем обмена сторонами документами) обвинения и, при необходимости, судебная легализация доказательств. Что же касается дознания, то его проводят детективы (независимо от их ведомственной принадлежности) под процессуальным и методическим руководством прокурора [3, 4, 5].

Это предполагает переход в доказывании к известной из западного опыта (Италия) «системе 2 папок», когда орган предварительного расследования обеспечивает прокурора не готовыми доказательствами, а лишь их источниками, которые затем, прежде чем быть признанными полноценными судебными доказательствами, будут подвергнуты исследованию и проверке в суде, прежде всего прямо в судебном разбирательстве суда первой инстанции. Однако при необходимости, если такое решение примет прокурор либо потребует сторона защиты, легализация сведений в качестве судебных доказательств (прежде всего, показаний обвиняемого и, возможно, некоторых ключевых свидетелей) может произойти и раньше – в судебном слушании с участием обеих сторон перед следственным судьей, как это имеет место даже в современном германском процессе. Это сообщает позициям сторон необходимую гибкость, а процессу быстроту и оперативность, поскольку стороны, исходя из избранной ими тактики, сами решают, прибегать им к такой форме «досрочной» легализации тех или иных доказательств или нет⁵⁸. В таком же порядке по ходатайству стороны защиты назначается судьей так называемая альтернативная экспертиза (что уже реализовано, например, в Германии, а также в Украине и Казахстане).

Список источников:

1. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. Выпуск № 1(25). С. 78–81.
2. Головки Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // МАСП. URL: <http://www.iuaj.net/node/484> (дата обращения: 28.03.2023).
3. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 28.03.2023).
4. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 28.03.2023).
5. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 28.03.2023).

⁵⁸ Это делает беспочвенными утверждения некоторых авторов о том, что судебная легализация парализует расследование, ибо якобы обяжет следователя по каждому поводу обращаться к судье.

Смирнов Максим Александрович
заместитель руководителя первого
контрольно-следственного отдела
следственного управления Следственного
комитета Российской Федерации
по Чувашской Республике,
г. Чебоксары

РАЗВИТИЕ УЧАСТИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** В статье освещены вопросы становления института сведущих лиц в российском уголовном судопроизводстве. Отражено историческое развитие норм отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих деятельность экспертов и специалистов, как основных субъектов данного института. Определены некоторые актуальные проблемы использования специальных знаний специалистов в доказывании при производстве по уголовным делам.*

***Ключевые слова:** сведущие лица, специалист, эксперт, уголовное судопроизводство*

Расследование преступлений невозможно без привлечения в уголовный процесс сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле. Их использование расширяет возможности установления специфических обстоятельств при производстве по уголовным делам.

Развитие общества и государства, связанное с научно-техническим прогрессом, обуславливает актуальность проблем использования специальных знаний на всем этапе существования этого института в уголовном судопроизводстве.

Важную роль в разработке теории, тактики и методики применения специальных знаний сыграли такие видные ученые, как Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Е.А. Зайцева, В.Н. Махов, Э.Б. Мельникова, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, С.А. Шейфер, Н.П. Яблоков и др.

Анализируя процесс развития использования специальных знаний в отечественном уголовном процессе по историческим документам, который на первоначальном этапе в основном связан с медициной, ряд исследователей в качестве самого раннего привлечения сведущего лица приводят упоминание об уличении удельного князя Андрея Ставицкого в его притворной болезни (1535 г.) [1, с. 32].

С таким мнением невозможно согласиться, поскольку врачи – это не единственные лица, чьи знания на раннем этапе применялись в уголовном судопроизводстве. Так, например, в 1508 г. зафиксирован случай исследования почерка в связи с судебной тяжбой о покупке недвижимости между членами княжеского рода Кемских [2, с. 45].

Институт использования специальных знаний в дореформенных правовых актах существовал в виде отдельных предписаний, преимущественно регламентирующих деятельность врачей, например Воинский устав Петра I 1716 г. [3, с. 7].

С 1835 г. по результатам проведенной кодификационной работы действующим источником права объявлен Свод законов Российской империи. В книге 2 пятнадцатого тома в ст. 943 и 1083 указывалось на возможность истребования от сведущих лиц их показаний и мнений в тех случаях, когда для познания обстоятельств дела необходимы особые сведения или опытность в науке, искусстве или ремесле [4, с. 225]. Таким образом, сведущие лица в уголовно-судебном процессе обрели процессуальный статус.

Судебная реформа 1860–1864 гг. повлекла значительное развитие использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

В ст. 112, 325 Устава уголовного судопроизводства [5] предусматривалось участие сведущих людей «в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства, необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии». В качестве сведущих лиц указывались: «врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» (ст. 326). Деятельность сведущих людей определялась вопросами, подлежащими разрешению, заданными устно или письменно следователем или судом (например, ст. 332). Следователь не вправе был самостоятельно отвергнуть заключения сведущих лиц в случае сомнения в их правильности, не прибегая к исследованию других специалистов (ст. 334, 345). Уставом определен самостоятельный процессуальный статус, права и ответственность сведущих лиц.

С середины 1870-х гг. в циркулярах Министерства юстиции России стали употребляться термины «экспертиза» и «эксперт», а на законодательном уровне впервые закреплены в Законе от 4 июля 1913 г. «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе» [6, с. 12].

Принятый в Советском государстве первый Декрет о суде разрешил судам руководствоваться при вынесении решений положениями дореволюционного законодательства, если они не были отменены и не противоречили революционной совести и правосознанию⁵⁹.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г.⁶⁰ (УПК РСФСР) предусматривал, что эксперты вызываются в случаях, когда при расследовании или рассмотрении дела необходимы знания в науке, искусстве, ремесле. Обязательное их участие предусматривалось для установления причин смерти и характера телесных повреждений, определения психического состояния обвиняемого или свидетеля при возникновении соответствующих сомнений у следствия либо суда (ст. 67).

⁵⁹ Декрет Совета Народных комиссаров «О Суде» от 24 ноября 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁶⁰ Утвержден Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В принятом 15 февраля 1923 г. УПК РСФСР⁶¹ «устранены некоторые редакционные неточности и учтены изменения судебной системы, внесенные новым Положением о судоустройстве РСФСР 1922 г.<...>. УПК РСФСР 1923 г. содержал более широкие гарантии прав личности, выражающиеся в установлении гласности и открытости судебных заседаний, обязанности суда всесторонне исследовать представленные сторонами обвинения и защиты доказательства, обязательное участие защитника в предусмотренных законом случаях и т.д.» [7, с. 2–3].

В УПК РСФСР 1923 г. воспроизведены нормы предшествующего кодекса относительно деятельности экспертов. Однако важным изменением явилась возможность суда по мотивированному решению не принимать во внимание заключения экспертов и без наличия новой экспертизы (ст. 298).

Оба кодифицированных акта предусмотрели право следователя и суда на оценку заключения экспертов, право следователя на назначение новой экспертизы при недостаточной полноте либо ясности экспертизы. Первые кодексы не предусматривали участие специалистов как участников уголовного судопроизводства, однако в некоторых случаях такое участие, например, при освидетельствовании (ст. 196 УПК РСФСР 1923 г.), фактически подразумевалось, при этом они продолжали именоваться экспертами.

Таким образом, эксперт в советском законодательстве перенимал формы процессуального участия сведущего лица, существовавшего в дореволюционном законодательстве: в проведении исследования и дачи письменного заключения, дачи показаний, содействию в проведении следственных действий.

Известный отечественный криминалист А.И. Винберг указал на необходимость процессуального отграничения эксперта как лица, дающего заключение по результатам исследования, от сведущего лица, содействующему следователю в производстве следственных действий [8, с. 73].

Несмотря на подтверждение обоснованности такой научной позиции требованиями практики, в первоначальной редакции УПК РСФСР 1960 г.⁶² процессуальная регламентация деятельности специалиста отражения не нашла. В то же время предусматривалась возможность приглашения для участия в производстве осмотра соответствующего специалиста, незаинтересованного в исходе дела (ст. 179), проведение освидетельствования в необходимых случаях с участием врача (ст. 181), статусы которых не были определены.

Терминология эксперта связывалась с назначением экспертизы. Из содержания взаимосвязанных положений ст. 78, 80 УПК РСФСР экспертом признавалось лицо, обладающее специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, которое на основании проведенного исследования дает заключение. Возможность допроса эксперта обуславливалась необходимостью разъяснения или дополнения данного им заключения (ст. 192). Характерно, что экспертиза

⁶¹ Утвержден Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. Введен в действие с 1 января 1961 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

могла производиться экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами. В целом институт судебной экспертизы приобрел более детальную регламентацию: внесены статьи о заключении эксперта (ст. 80), о дополнительной и повторной экспертизе (ст. 81), в главе 16 «Производство экспертизы» нашли отражение права обвиняемого при назначении экспертизы, порядок производства экспертизы и другие изменения, связанные с расширением прав экспертов.

Таким образом, под термином специалист в первоначальной редакции УПК РСФСР подразумевалось сведущее лицо в широком смысле, а не как самостоятельная процессуальная фигура.

Возникшие в ходе правоприменительной деятельности проблемы, связанные с участием в судопроизводстве фактических специалистов с одной стороны, отсутствием закрепленного их процессуального статуса и норм уголовно-процессуального закона, регулирующих различные формы деятельности сведущих лиц, – с другой, побудили законодателя в 1966 г. закрепить нового участника процесса – специалиста⁶³. УПК РСФСР был дополнен ст. 66.1 «Отвод специалиста» и 133.1 «Участие специалиста», а также внесены изменения в ряд статей, содержащих указания о нем. Согласно изменениям специалист приобрел самостоятельный процессуальный статус. Специалист был обязан использовать свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им действий.

Принятый в 2001 г. УПК РФ⁶⁴ закрепил понятие специалиста и расширил его полномочия в ст. 80 УПК РФ.

Внесенные в УПК РФ в 2003 г. изменения⁶⁵ позволили использовать показания и заключение специалиста в качестве источников доказательств (п. 3-1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Статья 80 УПК РФ дополнена ч. 3 и ч. 4 (заключение и показания специалиста). При этом право обращения к сведущим лицам, которое ранее являлось прерогативой органов расследования и суда, приобрели и другие участники процесса.

В научной среде широко известна давняя полемика относительно предпринятой 20 лет назад возможности использования в качестве доказательств специальных знаний специалиста и одновременного юридического несовершенства этого нововведения, в частности самого понятия заключения специалиста, препятствующего эффективному правоприменению.

Законодатель попытался развести схожие по происхождению доказательства – заключение специалиста и заключение специалиста через терминологию. Если заключение эксперта является «исследованием» сведущего лица, то заключение специалиста – «суждением» по вопросам сторон.

⁶³ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁶⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: текст с изм. и доп. на 7 октября 2022 г. М.: Изд-во АСТ, 2023. 319 с.

⁶⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

В связи с этим неизбежно стали возникать вопросы относительно пределов полномочий специалиста, возможности или невозможности им проведения исследования. Признаки, по которым возможно было бы отграничить понятия суждения и исследования, законодателем определены не были. Изменения, внесенные в УПК РФ в 2010–2013 гг. в ч. 1 ст. 144⁶⁶, п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ⁶⁷, закрепили возможность проведения специалистом исследования в ходе проверки сообщения о преступлении, т.е. данный участник процесса, наряду с экспертом, признан субъектом познавательной деятельности. Таким образом, попытка законодателя разграничить компетенции специалиста и эксперта по содержательному компоненту, по всей видимости, является ошибочным и требуется выработка новых критериев.

Достаточно оригинальный подход к дифференциации заключений эксперта и специалиста предложен С.Б. Россинским и Н.С. Расуловой. Согласно их позиции к критериям их разграничения может служить предназначение этих средств доказывания: «заключение эксперта считать основным, а заключение специалиста – лишь вспомогательным источником полезной информации». Вторым признаком связывается с предметом исследования: заключение эксперта авторы предлагают считать «следовым» средством доказывания, содействующим правильному разрешению уголовно-правового спора. Предметом же исследования специалиста являются фактические данные, способствующие правильному разрешению текущих уголовно-процессуальных вопросов и непосредственно не влияющие на разрешение «ключевого» вопроса о применении уголовного закона. В связи с этим отвергается возможность рассмотрения заключения специалиста в качестве «квазиэкспертного исследования, решающего схожие с судебной экспертизой задачи, но производимого в более свободном режиме» [9, с. 15, 19].

Обратим внимание на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление ПВС № 28) в 2021 г. внесены изменения⁶⁸. Исключены пункты 20–22, содержащие положения, позволяющие дифференцировать деятельность специалиста и эксперта, определяющие нюансы допроса специалиста в судебном заседании и привлечения его судом для оказания помощи в оценке заключения эксперта и его допросе.

Так, ранее п. 20 Постановления ПВС № 28 предусматривалось, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед сторонами, а при необходимости должна быть проведена судебная экспертиза.

Позволим высказать предположение о мотивах, которые могли побудить Верховный Суд России внести указанные изменения.

⁶⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁶⁷ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁶⁸ О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г.: текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С учетом неутрачиваемых научных дискуссий относительно несовершенства правового регулирования по обозначенному вопросу вероятнее всего высший судебный орган страны на данном этапе признал неудачность разграничения места и роли эксперта и специалиста, решил дистанцироваться от этой полемики, поскольку сам не в полной мере разобрался с существующей проблематикой, в связи с чем исключил из Постановления ПВС № 28 ранее выраженное мнение относительно заключения и показаний специалиста в системе доказательств.

Вторую версию внесения в Постановление ПВС № 28 обозначенных изменений свяжем с фактом нахождения вопроса, касающегося деятельности специалиста, за пределами предмета регулирования, обозначенного в его названии, а именно судебной экспертизы.

Одной из длительно существующих проблем института сведущих лиц является отсутствие закрепленного процессуального статуса психолога и педагога, четкого определения их роли и функций, прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве. В надлежущей регламентации их деятельности весьма заинтересованы правоприменители ввиду их активного привлечения при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Указанные недостатки правового регулирования во многих случаях приводят к формальному участию указанных субъектов.

Заслуживает внимание мнение В.С. Латыпова о том, что для систематизации накопленных знаний и опыта в научной сфере и правоприменителей по вопросу деятельности сведущих лиц необходимо объединение лиц, обладающих специальными знаниями в интересующей следствие области (эксперт, специалист, переводчик, педагог, психолог, врач, ревизор, сведущий свидетель) в отдельную самостоятельную группу участников уголовного судопроизводства в главе 8.1 УПК РФ «Сведущие лица» и наделить процессуальным статусом каждого участника, предварительно изъяв из главы «Иные участники уголовного судопроизводства» эксперта, специалиста и переводчика» [10, с. 55].

Таким образом, одной из современных проблем участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве является правовая неопределенность формирования заключения специалиста, которая препятствует его полноценному использованию в качестве доказательств. Требуется совершенствование регламентации процессуальной деятельности педагога и психолога. Полагаем, что поскольку данные субъекты фактически обладают статусом специалиста, необходимо его нормативное закрепление. В целом институт участия сведущих лиц нуждается в дальнейших научных исследованиях и в совершенствовании правового регулирования.

Список источников:

1. Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2015. 118 с.
2. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 214 с.
3. Смородинова А.Г. Формы участия специалиста в следственных действиях: учебное пособие. Саратов: СЮИ МВД России, 2003. 64 с.

4. Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1953. 263 с.

5. Ширков В.П. Устав уголовного судопроизводства: с позднейшими узаконениями, законодат. мотивами, разъяснениями Прав. сената и циркулярами министра юстиции / под ред. М. Шрамченко, В. Ширкова. Неофиц. изд. СПб.: Н.К. Мартынов, 1899. 948 с.

6. Использование специальных знаний при расследовании преступлений: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / Д.В. Алехин [и др.]; под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2016. 255 с.

7. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2021. 1288 с. Текст: электронный. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

8. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 132 с.

9. Россинский С.Б., Расулова Н.С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 С. 15–20.

10. Латыпов В.С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 160 с.

Шадрин Виктор Сергеевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, профессор
кафедры управления следственной
деятельности (высшие академические
курсы) Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета,
г. Санкт-Петербург

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В УПК РСФСР
1922–23 гг. ДОЗНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются истоки происхождения дознания как самостоятельной формы предварительного расследования и обстоятельства его внедрения в отечественное уголовное производство, обусловившие его существование в настоящее время в современном законодательстве.

Ключевые слова: досудебное производство, формы предварительного расследования, дознание, предварительное следствие

Согласно действующему сейчас уголовно-процессуальному закону, предварительное расследование – основная часть досудебного производства по уголовным делам в настоящее время имеет две формы, а именно предварительное следствие и дознание. Первая из которых предусматривается главами 22–31, а вторая – главами 30 и 32.1 УПК РФ. Между тем до создания советского уголовно-процессуального законодательства дознание в качестве самостоятельной формы предварительного расследования не существовало. Как, впрочем, не существовало и термина «предварительное расследование», используемого для обозначения одновременно обеих имеющихся сейчас форм исследования до суда обстоятельств совершенного преступления. Во всяком случае в законодательстве, да и юридической литературе дореволюционного периода по вопросам уголовного процесса данный термин не упоминался.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) дознанию отводилась относительно скромная роль первичного этапа собирания сведений о преступлении, предшествующего осуществляемому судебным следователем предварительному следствию, как правило, тогда, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного» (ст. 253 УУС) или «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252 УУС). При этом получаемые полицией при производстве дознания сведения в силу низкой правовой квалификации служащих полиции и специфики их деятельности, предопределяемой необходимостью действовать при обнаружении преступлений «быстро и безостановочно»,

считались неспособными быть приравненными к результатам деятельности судебного следователя по собиранию и формированию доказательств. Так было до революционных событий в России 1917 г.

В результате революции, как известно, законы, принятые в Российской империи, были в целом отменены, а действовавшие ранее органы государственной власти в основном прекратили свое существование. Такая участь постигла и УУС, и органы уголовного судопроизводства, включая институт судебного следователя и прокуратуры. На смену законам пришли декреты, положения, инструкции, предусматривавшие радикальные уголовно-правовые меры и уголовно-процессуальные средства наведения «революционного порядка» в условиях выживания молодого советского государства в борьбе с контрреволюцией и интервенцией. Можно согласиться с мнением, что «в отсутствие правовой определенности, неурегулированности большинства отношений, возникающих в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных и квазиуголовных дел, многие используемые в правоприменительной практике методы и приемы работы учрежденных советской властью народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий, милиции, ВЧК и др. фактически превращали уголовное судопроизводство в профанацию» [1].

Следственные аппараты при народных судах, чрезвычайных комиссиях, революционных трибуналах, рабоче-крестьянской милиции производили расследование преступлений, от начала до конца именовавшееся исключительно предварительным следствием, без какого-либо выделения в нем совокупности познавательных действий, согласно УУС считавшихся дознанием. Следственные действия в деятельности следователей совмещались с действиями розыскными, что ранее было характерно как раз для дознания. То есть фактически сложился и осуществлялся своего рода симбиоз предварительного следствия и дознания. Поскольку такая деятельность не подходила в полной мере ни под понятие предварительного следствия, ни под понятие дознания, а по существу являлась одновременно и тем, и другим, для его определения стало применяться название «предварительное расследование», которое проникло в нормативные акты и, по существу, стало новым для определения досудебного производства термином, порожденным практикой борьбы с преступностью, допускаемой и санкционируемой советской властью. Так, в Декрете (Положении) ВЦИК «О Революционных трибуналах» от 18 марта 1918 г. предусматривалось: «Предварительное расследование по делам, долженствующим, согласно ст. 2 настоящего Положения, поступать на рассмотрение трибунала, производится чрезвычайными комиссиями, особым отделом и иными органами, коим принадлежит право направления дел в трибуналы» (п. 8)⁶⁹.

Различия между оперативными и следственными работниками нивелировались, в результате чего должностные лица из состава следственного аппарата ЧК, считавшиеся следователями, часто именовались официально (по приказу ВЧК) «уполномоченными» или «старшими уполномоченными» [2, с. 12]. Например,

⁶⁹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917–1921 гг.: сборник документов. М., 1958. С. 379.

«в 1921 г. уполномоченный Невского отделения Петроградской РТЧК (районной транспортной чрезвычайной комиссии) по уголовному делу о спекуляции выполнил ряд следственных действий: принял дело к производству, допросил лицо в качестве обвиняемого, составил обвинительный акт и предъявил обвинение» [2, с. 19]. Поскольку занимающиеся расследованием различные органы выполняли переплетающиеся между собой функции по борьбе с преступностью без четкого разграничения их компетенции, нередко следственные действия по одному и тому же уголовному делу выполнялись сразу несколькими учреждениями в различном сочетании. При всем этом результаты следственных действий, в том числе допросов, выемок, обысков и т.д., производимых работниками такого рода следственно-розыскных подразделений, включая тех, кто специализировался на осуществлении собственно розыска, признавались доказательствами по уголовным делам, хотя их доказательственная ценность могла быть весьма сомнительной, не исключая произвол в принятии итоговых решений по уголовным делам.

Поэтому, когда в 1921 г. обозначилось окончание гражданской войны в пользу большевиков, появилась возможность проведения в стране новой экономической политики и политическое руководство советской России посчитало должным приступить к подведению итогов переходного периода с утверждением новой государственности на началах укрепления законности, встал вопрос о кодификации советского законодательства, решение которого в сфере уголовного судопроизводства привело к принятию и введению в действие Постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г. Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.⁷⁰ (УПК РСФСР). В отношении досудебного производства разработчики первого советского уголовно-процессуального закона руководствовались стремлением к возможной в новых условиях преемственности между УУС и УПК РСФСР, о чем можно судить по тому, что законодатель вернулся к характерной для УУС терминологии (органы дознания, предварительное следствие).

Вместе с тем обозначилась альтернатива завершению дознания началом предварительного следствия – в виде сохранения результатов дознания до рассмотрения дела по существу, т.е. для передачи непосредственно в суд и использования в последующем судебном разбирательстве вместо результатов предварительного следствия, которое в таком случае не проводилось. Данное решение законодателя весьма симптоматично, фактически оно знаменует проявление дознания в качестве самостоятельной формы досудебного производства наряду с предварительным следствием, хотя и еще в только намечающемся, зачаточном состоянии.

Спустя менее чем через год после введения УПК РФ в действие в него, в связи с принятием Положения о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г., были внесены соответствующие коррективы, и он уже Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.⁷¹ был утвержден в переработанном виде. То есть, как обоснованно полагали его видные современники [3, с. 114], в новой редакции⁷², согласно которой уже конкретно предусматривалось, что деятельность органов

⁷⁰ СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

⁷¹ СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁷² Поскольку впоследствии появилась точка зрения, что в 1923 г. был принят очередной УПК РСФСР, в качестве компромиссного решения представляется возможным использовать объединяющее обе редакции кодекса название – УПК РСФСР 1923–23 гг.

дознания различается в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или по делам, по которым акты их могут послужить основанием к преданию обвиняемых суду без производства предварительного следствия (ст. 98). И во избежание сомнений, что деятельность органов дознания по делам, по которым предварительное следствие не является обязательной, уподобляется деятельности следователя, указывалось, что при проведении дознания по уголовным делам данной категории следует руководствоваться правилами, предусмотренными соответствующими статьями УПК для проведения предварительного следствия (ст. 101). Таким образом, формирование дознания в качестве самостоятельной формы предварительного расследования, существующей наряду с предварительным следствием, было логически завершено.

В последующем роль дознания как самостоятельной формы расследования получила усиление вследствие позиции А.Я. Вышинского, который, ратуя за упрощение досудебного производства и с учетом ранее сложившейся практики его осуществления заявил в своем докладе на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, что «в противоположность точке зрения старого права дознание не является для нас чем то обособленным, ибо предварительное следствие не отличается от него никакой органической особенностью, в силу которой предварительное следствие противопоставлялось бы дознанию как область судебная области несудебной. Дознание и предварительное следствие должны быть признаны как две равновеликие области судебной работы» [4, с. 279]. Положения данного доклада, вызвавшие оживленное обсуждение участников съезда, были положены в основу резолюции о необходимости внесения в УПК РСФСР соответствующих изменений и дополнений, что и было позднее сделано, с последующим расширением подследственности уголовных дел, подлежащий расследованию органами дознания.

В принятых 31 октября 1924 г. Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик⁷³ деятельность органов предварительного следствия и дознания впервые в истории российского уголовно-процессуального законодательства была обозначена как нечто единое под общим названием «предварительное расследование» (ст. 7). С тех пор термин «предварительное расследование» начал вытеснять из текста УПК РСФСР как термин «дознание», так и термин «предварительное следствие». Вместо упоминания органа предварительного следствия или органа дознания стал использоваться общий для них термин «орган расследования». Наименование должностных лиц указанных органов также было обезличено, они стали именоваться просто «производящими расследование». При этом их действия были почти полностью унифицированы, порядок производства дознания ничем, за исключением некоторых не имеющих существенного значения моментов, не отличался от порядка предварительного следствия. Различия между ними определялись лишь их компетенцией, полномочиями по расследованию определяемых законом категорий преступлений, т.е. подследственностью уголовных дел.

⁷³ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

В редакции Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. и до конца времени действия УПК РСФСР 1922–23 гг. при изложении, например, порядка окончания производства по уголовному делу предусматривалось, что «признав **предварительное расследование** законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, **производящий расследование** обязан объявить об этом подследственному, разъяснить ему право на осмотр всего производства по делу, предоставить возможность такого осмотра и спросить, не желает ли он и чем именно дополнить расследование. В случае указания подследственным обстоятельств, имеющих значение для дела и ранее нерасследованных, **производящий расследование** обязан его дополнить» (ст. 206). «По окончании расследования составляется обвинительное заключение... **Составляющий обвинительное заключение** ограничивает список вызываемых лиц действительно необходимыми, не указывая в нем свидетелей, когда обстоятельства, ими подтверждаемые, выявляются показаниями уже включенных в список свидетелей или иными бесспорными данными дела» (ст. 207).

В качестве самостоятельной формы предварительного расследования дознание перешло в УПК РСФСР 1960 г., а затем и в ныне действующий УПК РФ, породив немало связанных с его существованием проблем, в том числе вызывающих стремление от него избавиться [5, с. 80–92]. Но это уже совсем другая история.

Список источников:

1. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия): монография / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023.
2. Ломов В.С. Органы предварительного следствия Советского государства в первой половине 20-х годов. Волгоград: ВСШ МВД России, 1994. 156 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 470 с.
4. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. С. 279–281.
5. Малышева О.А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 80–92.

Якушева Тамара Васильевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического
института Алтайского государственного
университета, г. Барнаул;

Русанов Виталий Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Юридического института
Алтайского государственного университета,
г. Барнаул

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ АНАЛИЗЕ ПЕРВЫХ УПК РСФСР

***Аннотация.** Дифференциация процессуальной формы в уголовном судопроизводстве имеет давнюю историю и сопровождается перманентным вниманием со стороны многих ученых и законодателя. В статье рассматриваются история дифференциации и проблемы дифференциации судебного разбирательства на примере первых принятых УПК РСФСР. Сформулированы авторские предложения по разрешению вопросов, возникающих при проведении судебного разбирательства.*

***Ключевые слова:** судопроизводство, судебное разбирательство, советское уголовное право, кодификация*

Преобразования современного уголовного процесса неизбежно актуализируют изучение российского исторического опыта [1, с. 28] и, в частности, ретроспективное исследование дифференциации судебного разбирательства в первых кодифицируемых УПК РСФСР. Следует сказать, что предлагаемый документ был принят в рамках судебной реформы 1922–1923 гг. и представляет собой новую редакцию Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г., согласованную с Положением о судостроительстве РСФСР 1922 г. В нем были сохранены в силе основные положения первой редакции, прежде всего инквизиционный процесс с элементами состязательности и жесткие ограничения обжалования судебных приговоров частными лицами, сочетающаяся с неограниченным правом «надзора» высших инстанций над низшими, доходящего до переноса дел в высшую инстанцию по ее усмотрению, без жалоб сторон. Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г. действовал до принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.

Учитывая причины и обстоятельства принятия УПК 1923 г., неудивительно, что по содержанию он почти не отличался от УПК 1922 г. Основные изменения были связаны с судостроительными реформами: упразднением революционных трибуналов, включая Верховный трибунал, созданием Верховного

суда РСФСР и др., а также с отказом от расширенной коллегии народных заседателей из шести человек – теперь почти все дела рассматривались в составе судьи и двух народных заседателей, кроме очень ограниченного круга дел, рассматриваемых единолично. Но нельзя не обратить внимание еще на одно изменение. Если УПК 1922 г. почти полностью воспроизвел дореволюционную концепцию судебного предварительного следствия, не только «приписав» следователей к судебному ведомству (судебные следователи), но и предполагая судебный порядок обжалования их действий и решений, то УПК 1923 г. обозначил тенденцию отказа от нее [2, с. 105]. Следователи пока еще остались при судах, но их действия и решения подлежали уже обжалованию только прокурору. Окончательно следствие было переведено в прокуратуру только в конце 1920 гг., но расхождения в этом плане между УПК 1922 и 1923 г. случайностью не выглядят. Ясно, что именно в этот период начала формироваться советская конструкция несудебного «прокурорского» предварительного следствия, стирающая грань между следствием и дознанием, где следователь утрачивал независимость, а центральную роль играл уже прокурор.

В целом УПК РСФСР 1923 г., действовавший несколько десятилетий, представляет собой некое связующее звено между Уставом уголовного судопроизводства и поздним советским уголовным процессом образца УПК РСФСР 1960 г. Первой стадией уголовного процесса было «возбуждение производства по уголовному делу», по итогам которого орган дознания, следователь, прокурор либо отказывали при отсутствии «признаков преступления» в производстве дознания или предварительного следствия, что могло быть обжаловано в суде, либо приступали к дознанию или предварительному следствию, не вынося каких-либо специальных постановлений. Дознание поначалу имело факультативный характер и не приводило к появлению полноценных доказательств, будучи предназначенным для расследования мелких уголовных дел или собирания материалов для следователя, однако в ходе реформ 1920 гг. все более и более превращалось в полноценную форму расследования, дублируя предварительное следствие. Следователь в случаях, когда не начинал следствие самостоятельно, а получал материалы от органов дознания, вправе был либо произвести предварительное следствие в полном объеме, либо счесть дознание полным и произвести лишь отдельные следственные действия [3, с. 119]. Однако он при любых обстоятельствах был обязан предъявить обвинение, допросить обвиняемого и составить обвинительное заключение. Расследование завершалось либо прекращением дела, либо направлением его прокурору для передачи в суд. К этому Закон от 29 октября 1929 г. добавил еще возможность официального приостановления предварительного расследования. Первой судебной стадией являлось предание суду, осуществляемое тем же судьей, которому предстояло рассматривать его по существу. Он либо утверждал обвинительное заключение и назначал судебное разбирательство (предавал обвиняемого суду), либо прекращал дело, либо возвращал его для дополнительного расследования с «указанием обстоятельств, подлежащих доследованию». Судебное разбирательство, помимо ординарной формы, предусматривало возможность сокращенного судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины (ст. 282 УПК 1923 г.). Существовало и особое

производство в виде судебного приказа, когда судебное разбирательство производилось без вызова сторон, а вместо приговора постановлялся приказ об исполнении уголовного наказания, но лишь по делам о нескольких наименее опасных преступлениях, не предусматривающих строгих санкций. Приговор до вступления в законную силу подлежал обжалованию только в порядке кассации, тем самым выполнявшей функции апелляции, отмененной еще в 1918 г. После вступления в законную силу он подлежал проверке вышестоящими судами в порядке надзора, являвшегося советским нововведением, но лишь по инициативе народного комиссара юстиции, прокурора республики и председателя Верховного суда. При наличии определенных оснований он мог быть также возобновлен по вновь открывшимся обстоятельствам [4, с. 32].

Впрочем, основная проблема развития советского уголовного процесса заключалась отнюдь не в УПК 1923 г., а в массовом пренебрежении им в ходе сталинских репрессий и появлении различных форм чрезвычайного уголовно-процессуального законодательства, предполагавшего даже в некоторых случаях рассмотрение дел несудебными органами. Характерными примерами являются Постановление ЦИК от 1 декабря 1934 г., принятое через несколько часов после убийства в Ленинграде видного советского руководителя С.М. Кирова, в соответствии с которым по делам о террористических организациях и актах срок предварительного следствия сокращался до 10 дней, обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде, участие обвинителя и защитника в судебном разбирательстве, а также кассационное обжалование приговора не допускались, или Закон от 14 сентября 1937 г., запретивший кассационное обжалование приговоров и сокративший до одних суток срок вручения копии обвинительного заключения также по делам о контрреволюционных вредительствах и диверсиях.

В этот период советское уголовно-процессуальное право существовало в двух параллельных реальностях: одна из них регулировалась УПК 1923 г., применявшимся по общеуголовным преступлениям, а другая – разнообразными уголовно-процессуальными актами чрезвычайного характера, действовавшими по тем уголовным делам, где, с точки зрения власти, имела место политическая составляющая. В подобной ситуации УПК 1923 г. не выполнял и не мог выполнять роль подлинной уголовно-процессуальной кодификации. Уголовно-процессуальное право в значительной мере оказалось некодифицированным и подчинялось многочисленным особым режимам по отдельным категориям уголовных дел [5, с. 205].

УПК РСФСР 1923 г. состоял из пяти разделов, или, как они назывались в тексте закона, отделов. В первый раздел входили нормы, закрепляющие положения, имеющие общее значение для всех стадий уголовного процесса: определение подсудности, состав суда, ведение протоколов и др. Второй раздел устанавливал порядок ведения предварительного следствия и дознания. Нормы по вопросам производства в народном суде, кассационного и надзорного производства, производства по вновь открывшимся обстоятельствам и особые производства в народном суде составляли содержание третьего раздела УПК РСФСР. Четвертый раздел регламентировал порядок высшего судебного контроля Народного комиссариата юстиции, пятый – порядок исполнения приговоров.

УПК РСФСР закрепил принципы и институты, призванные гарантировать права личности и установление истины по уголовным делам. Прежде всего кодекс утвердил процессуальные гарантии неприкосновенности личности. Статья 5 УПК РСФСР провозглашала принцип, согласно которому никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях и в порядке, определенном в законе. В развитие этого принципа кодекс исчерпывающим образом называл основания, по которым органы милиции могли задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления на 48 часов. В их числе случаи задержания подозреваемых: на месте преступления; при наличии доказательств, прямо свидетельствующих о совершении лицом преступления; при попытке подозреваемого совершить побег; при отсутствии постоянного места жительства, а также в ситуациях, когда не представляется возможным установить личность подозреваемого [6, с. 125].

В течение 48 часов народный следователь или судья должны были принять постановление о заключении подозреваемого под стражу.

При отсутствии такого постановления задержанный подлежал освобождению. УПК РСФСР обязывал судью и прокурора освобождать из-под стражи всех неправомерно лишенных свободы в случаях содержания кого-либо под стражей без законного постановления уполномоченных на то органов или свыше срока, установленного законом или приговором. К сожалению, установленные УПК РСФСР гарантии неприкосновенности личности не в полной мере соблюдались правоохранительными органами и, самое главное, они не распространялись на деятельность Объединённого государственного политического управления при СНК СССР. Оно по-прежнему в борьбе с контрреволюционными преступлениями обладало чрезвычайными полномочиями, могло свободно и безнаказанно покушаться на права и свободы личности [7, с. 140].

В целях предоставления наибольших возможностей обвиняемому защищаться от инкриминируемого преступления УПК РСФСР предусматривал ведение производства по уголовным делам на русском языке или на языке большинства населения данной местности и предоставление переводчика лицам, не владеющим этим языком.

В целом, подводя итоги, следует отметить, что УПК РСФСР значительно расширил право обвиняемого на защиту. В таком контексте становится понятной основная задача второй советской кодификации уголовно-процессуального права, проводившейся после смерти И.В. Сталина и разоблачения культа его личности XX съездом Коммунистической партии (1956 г.) на волне общей десталинизации советской общественно-политической жизни. Необходимо было добиться реальной кодификации уголовно-процессуального права и устранения самой возможности действия каких-либо уголовно-процессуальных законов вне УПК с тем, чтобы по всем уголовным делам применялась единая процессуальная форма с соответствующими гарантиями прав личности. В целом эту задачу удалось успешно реализовать.

Список источников:

1. Якушева Т.В. Дифференциация судебного разбирательства: к 150-летию Устава уголовного судопроизводства России // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 2(4). С. 28–30.

2. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 103–110.
3. Барсукова Т.В. Историко-теоретический анализ развития системы следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России после Октябрьской революции 1917 года // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Рязань, 2019. С. 119–122.
4. Мельникова О.А., Чернова С.С. Возникновение и развитие уголовно-процессуального законодательства в России // Вестник тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1(16). С. 29–38.
5. Алишина Д.К. Аспекты развития гуманизма в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года // От СССР к Российской Федерации: история, события, факты (к 100-летию образования СССР). СПб., 2022. С. 205–207.
6. Куприянова О.И. Использование дореволюционных процессуальных институтов при кодификации уголовно-процессуального права РСФСР в 1920-е годы // Правопорядок и его институциональные основы. 2019. С. 121–128.
7. Цыганенко С.С. Ускоренное судопроизводство в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы // Journal of Ekonomik Regulation. 2022. № 4. С. 138–149.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	3
<i>Адамчик Я.Д.</i> К вопросу о формировании системы оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования.....	5
<i>Артамонова Е.А.</i> Виды специфических производств отправления уголовного правосудия по УПК РСФСР 1922–1923 гг.....	9
<i>Бочковский Ф.О.</i> Организация предварительного следствия в уголовно-процессуальных актах первых лет советской власти (1917–1923 гг.)	14
<i>Быданцев Н.А.</i> Дифференциация форм уголовно-судебного производства по УПК РСФСР 1922–1923 гг.....	18
<i>Головачук О.С.</i> Особенности процессуального статуса потерпевшего по УПК РСФСР 1922 и 1923 г.	24
<i>Гриненко А.В.</i> Нормативное закрепление прав личности в УПК РСФСР 1922–1923 гг.....	28
<i>Деришев Ю.В.</i> Уголовное досудебное производство по УПК РСФСР и УПК РФ: преемственность и антагонизмы	32
<i>Джатиев В.С.</i> О некоторых методологических проблемах современного российского уголовного процесса	38
<i>Кожевников О.А., Зайцева И.И.</i> правовое положение прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса (по первым укп рсфср и положению о прокурорском надзоре 1922 г.).....	45
<i>Кузнецов М.С.</i> Формальная доказательственная теория: исторический подход к оценке	58
<i>Кулбаев А.К.</i> Начало досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики: история развития и современный порядок	63
<i>Лантух Н.В.</i> Институт обвинения по УПК РСФСР 1922–1923 гг.	69
<i>Леонова Е.В.</i> Становление института дополнительного расследования в УПК РСФСР 1922 г.....	74
<i>Маркелов А.Г.</i> Несколько мыслей о предназначении современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	78
<i>Махова М.Л.</i> Создание советской адвокатуры	83
<i>Машовец А.О.</i> Правовые механизмы изменения обвинения в судебном разбирательстве: от прошлого к настоящему	90
<i>Осодоева Н.В.</i> Производство допроса на судебном следствии по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1922–1923 гг.: сравнительный анализ	95
<i>Рахмаджонзода Р.Р.</i> Генезис уголовно-процессуального законодательства Таджикистана	100
<i>Рудакова С.В.</i> Обжалование действий и решений следователя по УПК РСФСР 1922–1923 гг. и УПК РФ 2001 г.....	107
<i>Рыжаков А.П., Рыжаков П.А.</i> Предмет доказывания о личности потерпевшего (ретроспектива и последствия).....	116

<i>Семенов В.А.</i> О двойном подчинении следователя по УПК 1922–1923 годов и его уроках	119
<i>Смирнов А.В.</i> УПК РСФСР 1922–1923 гг. и политический переворот в российском уголовном процессе	125
<i>Смирнов М.А.</i> Развитие участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России и о некоторых проблемах правовой регламентации их деятельности на современном этапе	129
<i>Шадрин В.С.</i> Предпосылки и последствия закрепления в УПК РСФСР 1922–23 гг. дознания в качестве самостоятельной формы предварительного расследования.....	136
<i>Якушева Т.В., Русанов В.В.</i> Дифференциация судебного разбирательства при анализе первых УПК РСФСР	141

**ПЕРВЫЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
КОДЕКСЫ:
К 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ
УПК РСФСР 1922–1923 ГГ.**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

28 апреля 2023 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 24.08.2023	Формат 60×86 _{1/8}
Печать цифровая	Тираж 300 экз.
Объем 9,25 п.л.	

Отпечатано в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96